

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

3
МАЙ — ИЮНЬ

Москва

2021

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Зав. отделами: Л. С. Козлов, А. С. Кулева

Отдел рецензий: А. В. Кухто

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography Modern Language Association; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts (Online); ProQuest Linguistics Collection; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest Social Science Premium Collection; Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY JAZYKOZNANIJA

(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952
6 issues per year

3
MAY — JUNE

Moscow
2021

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitriy O. DOBROVOL'SKIY Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Vladimir A. DYBO Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
 Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
 Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
 Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
 Ekaterina V. RAKHILINA National Research University Higher School of Economics; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Review editor: Anton V. KUKHTO

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography Modern Language Association; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts (Online); ProQuest Linguistics Collection; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest Social Science Premium Collection; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

С. В. Князев. Фонационное варьирование согласных в связи с их способом и местом образования в русском языке.	7
Е. В. Буденная. Гипокористические формы христианских имен в древнерусском языке.	26
I. B. ITKIN, S. V. MALYSHEV. Notae Tocharicae: <i>apälkäts, pärsā(n)ts, letse</i> et autres ad-denda et corrigenda—4.	47
А. О. Жолобова. О грибах и губах в испанском языке: к этимологии и семантике <i>seta</i> и <i>jeta</i>	76

Обзоры

А. А. Гончаров. Классификации внутритекстовых отношений: основания и принципы структурирования	97
А. Ю. Желтов. Именная классификация в языках нигер-конго в синхронии и диахронии: типология, история изучения, проблемы, перспективы	120

Рецензии

Н. М. Заика. [Рец. на:] A. Witzlack-Makarevich, B. Bickel (eds.). <i>Argument Selectors. A new perspective on grammatical relations</i> . Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2019.	142
Я. А. Пенькова [Рец. на:] J. Feuillet. <i>Linguistique comparée des langues slaves</i> . Paris: Institut d'études slaves, 2018	149

Contents

Sergey V. KNYAZEV. Voice coarticulation as a function of place and manner of articulation in Russian.	7
Evgeniya V. BUDENNAYA. Hypocoristic forms of Old Russian Christian names	26
Ilya B. ITKIN, Sergey V. MALYSHEV. Notae Tocharicae: <i>apālkāts</i> , <i>pārsā(n)ts</i> , <i>letse</i> et autres addenda et corrigenda—4.	47
Anna ZHOLOBOVA. On mushrooms and lips in Spanish: Etymology and semantics of <i>seta</i> and <i>jeta</i>	76

Surveys

Alexander A. GONCHAROV. Classifications of intratextual relations: Bases and structuring principles.	97
Aleksandr Yu. ZHELTOV. Noun classification in Niger-Congo in synchrony and diachrony: Typology, history of study, problems, prospects	120

Reviews

Natalia M. ZAIKA. [Review of:] A. Witzlack-Makarevich, B. Bickel (eds.). <i>Argument Selectors. A new perspective on grammatical relations</i> . Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2019	142
Yana A. PENKOVA. [Review of:] J. Feuillet. <i>Linguistique comparée des langues slaves</i> . Paris: Institut d'études slaves, 2018	149

Фонационное варьирование согласных в связи с их способом и местом образования в русском языке

© 2021

Сергей Владимирович Князев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; svknia@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена описанию результатов экспериментально-фонетического исследования коартикуляции по голосу в консонантных кластерах с конечным сонорным в зависимости от места и способа артикуляции контактирующих согласных в современном русском литературном языке. В первой части рассматривается фонетическая реализация постпозитивных частиц *б* и *ж* в позиции перед сонорным согласным следующего слова; на основании полученных данных формулируется вывод о том, что артикуляционная близость между конечным в фонетическом слове шумным согласным и начальным сонорным следующего слова в случае с постпозитивными частицами является препятствием для их оглушения; степень выраженности этого явления выше в случае с *б*. Вторая часть посвящена реализации шумных согласных внутри слова в положении между двумя сонорными. Результаты исследования дают основания полагать, что в консонантных кластерах [сонорный + шумный + сонорный] озвончение глухого шумного возможно в случае близости его по месту и способу образования соседним сонорным, особенно предшествующему; в случае отсутствия подобной близости озвончения не происходит. Коартикуляционное озвончение подобного рода не приводит к полной нейтрализации глухих и звонких шумных согласных: они продолжают различаться за счет других артикуляционных и перцептивных параметров — общей интенсивности (большей в случае фонологически звонких сегментов), длительности смычки и послевзрывной фазы (большей в случае фонологически глухих) и, возможно, некоторых других. Данное явление может быть охарактеризовано как один из типов неполной нейтрализации глухих и звонких согласных фонем.

Ключевые слова: вариативность, консонантизм, русский язык, фонетика

Для цитирования: Князев С. В. Фонационное варьирование согласных в связи с их способом и местом образования в русском языке. *Вопросы языкознания*, 2021, 3: 7–25.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.7-25

Voice coarticulation as a function of place and manner of articulation in Russian

Sergey V. Knyazev

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; svknia@gmail.com

Abstract: The paper reports some new data based on experimental study in voice coarticulation of voiced and voiceless obstruents adjacent to sonorants as a function of place and manner of articulation of these consonants in Standard Modern Russian. The results of the first experiment based on the data collected from fifty-seven participants show that the phonetic realization of postpositive particles *b* and *ʒ* in the position before the next word's initial sonorant depends on the degree of similarity of the consonantal segments in question: the more phonetic features they have in common, the lower is the probability of the obstruent's word-final devoicing in the external sandhi position. The results of the second experiment have shown that in word-internal [sonorant + obstruent + sonorant] consonantal clusters the voice coarticulation of the obstruent is observed; it may be determined by the preceding homorganic nasal

consonant. This voice accommodation does not lead nevertheless to the voiced/voiceless phonemes' neutralization, since the perceptual analysis demonstrates that the contrast in question is still maintained — by means of phonetic parameters other than voice (phonation itself), such as closure duration, burst duration (being significantly higher in underlyingly voiceless stops) and relative overall intensity (being noticeably higher in underlyingly voiced obstruents) etc. The paper finally argues that the phenomenon discussed should be phonologically treated as a sort of so-called “incomplete neutralization”.

Keywords: consonants, phonetics, Russian, variation

For citation: Knyazev S. V. Voice coarticulation as a function of place and manner of articulation in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 3: 7–25.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.7-25

Введение

В современном русском литературном языке (далее — СРЛЯ) наличие или отсутствие ассимилятивных изменений согласных по типу дополнительной артикуляции (палатализации / веляризации) определяется степенью близости элементов консонантных сочетаний по типу основной артикуляции, то есть по месту и способу образования (причем признак [место артикуляции] обладает в этом случае большим весом). Так, например, смягчение переднеязычного зубного согласного [н] внутри слова

- в позиции перед полностью идентичным ему по характеру основной артикуляции [н'] обязательно;
- в позиции перед идентичным ему по месту артикуляции и близким по способу (смычным) [т'] обязательно;
- в позиции перед идентичным ему по месту артикуляции и отличным по способу (щелевым) [с'] вариативно;
- в позиции перед отличным по месту и способу артикуляции губно-зубным [в'] маловероятно;
- в позиции перед отличным по месту артикуляции заднеязычным [к'] невозможно.

В противоположность этому, сведения о том, как влияет тип основной артикуляции на характер взаимодействия согласных по типу фонации (глухости / звонкости) в современной научной литературе, практически отсутствуют. В общем случае принято считать, что такого влияния не существует: так, например, в СРЛЯ зубной щелевой [с] озвончается и перед зубным взрывным [д] (*сдать*), и перед губным взрывным [б] (*сбросить*), и перед переднеязычным фриктивным [ж] (*сжать*), и перед заднеязычным взрывным [г] (*сгноить*), т. е. перед любым звонким шумным согласным вне зависимости от его способа и места образования. Это действительно так, если мы имеем дело с ассимиляцией согласных, обусловленной действием лингвистических (фонологических) правил; в случае же коартикуляционных изменений согласных по голосу, связанных с действием моторной программы высказывания, тип основной артикуляции согласных, вовлеченных в этот процесс, может иметь значение. Так, начальный в слове [в] может оглушаться после гоморганного глухого согласного предшествующего слова (*шкаф Валерии, в семь часов вечера*) [Knyazev et al. 2007], а в позиции начала фонетического слова перед сонантом после негоморганного шумного наличие / отсутствие этого оглушения зависит от способа образования последующего сонорного: перед щелевым [j] (например, *смех вьюги*) согласный [в] оглушается реже, чем перед смычн(о-проходн)ыми [н] и [л] (например, *двух внуков*) [Князев, Красько 2019]. Следует, впрочем, отметить, что в этом последнем случае ведущим фактором является, скорее, не способ образования согласного сам по себе, а обусловленная им степень сонорности сегмента: чем она меньше, тем вероятность консонантной коартикуляции выше. Эти данные позволяют сформулировать гипотезу о том, что характер основной артикуляции согласного

может служить фактором, определяющим наличие или отсутствие контактной коартикуляции согласных по голосу в консонантных кластерах. Ниже изложены результаты двух фонетических экспериментов, целью которых было тестирование данного предположения.

1. Эксперимент 1

Первый эксперимент был посвящен экспериментально-фонетическому исследованию реализации постпозитивных частиц *б* и *ж* в позиции перед сонорным согласным следующего слова. Предварительный аудитивный анализ и обзор транскрипций студентов первого курса филологического факультета МГУ показывает, что, например, в сочетании *я б мог* (из поэмы Б. Пастернака «Волны», *Я б мог заставить тебя в курзале*) частица *б* в произношении подавляющего большинства носителей сохраняет звонкость, несмотря на то что по стандартным фонологическим правилам СРЛЯ в позиции перед сонорным согласным следующего слова звонкий шумный предшествующего фонетического слова должен оглушаться (ср. *горо*[т] *Москва*, *гор*[п] *верблюда* и т. п.). Во время обсуждения этого факта на фонетическом семинаре МГУ автором настоящей статьи было предложено объяснение, связанное с тем, что сохранению звонкости в этом случае способствует гоморганность согласных [б] и [м] (оба они губно-губные смычные), а Л. М. Захаровым было выдвинуто предположение о том, что отсутствие оглушения является следствием того, что частица *б* является редуцированным вариантом частицы *бы*, и это способствует сохранению звонкости губного взрывного даже при отсутствии конечного гласного (аналогично, например, описанным М. В. Пановым [1997: 108–110] формам «нового вокатива» типа *Серё*[ж]/!)¹. Эти гипотезы, очевидным образом, не противоречат друг другу; вторая из них была подтверждена экспериментально [Князев 2021], в настоящей работе тестируется первая. Таким образом, нами было предпринято исследование сохранения звонкости постпозитивными частицами *б* и *ж* перед сонорным согласным следующего слова в зависимости от степени близости контактирующих согласных по месту образования (и отчасти — по способу артикуляции). Частица *ж* была выбрана для сопоставления ее реализаций с реализациями частицы *б* на основании того, что 1) она, как и частица *б*, имеет слоговой вариант с гласным

¹ Заметим попутно, что схожее объяснение (наличие нулевого сегмента блокирует фонологическое правило) можно предложить для известного «парадокса А. А. Реформатского»: в формах инфинитива и императива (например, в словах *купаться* и *пяться*) на месте орфографических сочетаний *тьс* произносятся разные звуковые последовательности: [ц:] в первом случае и [т'с'] — во втором. Отсутствие ассимиляции по способу образования во втором случае при наличии ее в первом может быть, на наш взгляд, объяснено разным фонемным составом в этих сочетаниях, а именно наличием в *пяться* нулевого суффикса инфинитива и, следовательно, нулевой фонемы, реализующейся нулем звука, но блокирующей ассимиляцию. Другие фонологические интерпретации этого явления см., например, в [Реформатский 1970: 384; Каленчук 1998: 135–138].

Наконец, еще один случай, в котором можно усмотреть сохранение звонкости конечного шумного согласного после устранения последующего гласного, — это примеры типа *Да нет же, не на шкаф, а в!*, в которых последний во фразе согласный произносится полностью с участием голоса (в отличие от, например, предлогов *без, над и под* в тех же условиях). Одна из интерпретаций этого явления для польского языка [Booij, Rubach 1987] предполагает, что в глубинном фонологическом представлении предлоги содержат редуцированный гласный, который затем удаляется специальным правилом; при этом в отношении грамматического статуса *над* и *в* идентичны, но *в* не может быть самостоятельным фонетическим словом, поэтому правило конечного оглушения к нему не применяется. На наш взгляд, постулировать редуцированные в данном случае все же не обязательно, альтернативная интерпретация может заключаться как раз в том, что *в* в данном случае (вследствие положения в конце просодической группы) является самостоятельным фонетическим словом, поэтому для своего глубинного просодического оформления (силлабификации, реализации ударения и тонального акцента) требует наличия гласного, который на звуковом уровне реализуется нулем.

(*бы* и *же*), 2) согласный [ж] в ее составе отличается от [б] как по месту (переднеязычный vs. губно-губной), так и по способу (щелевой vs. взрывной) артикуляции.

Материалом исследования служили сочетания слов, в которых после постпозитивных частиц, состоящих из

- билабиального взрывного (*б*) и
- переднеязычного альвеолярного фрикативного (*ж*),

следующее слово (одно и то же в случае с *б* и *ж*) начиналось с сонорного согласного в ударном слоге:

- губно-губного [м] (*мог*), гоморганного *б*;
- губно-зубного [в] (*вы*), близкого *б* по месту образования;
- переднеязычного зубного [л] (*лучше*), близкого *ж* по месту образования;
- переднеязычного передненебного [р] (*рад*) гоморганного *ж*.

Примеры из русских стихотворных текстов XIX–XX вв. были отобраны из поэтического подкорпуса [НКРЯ], при отборе не контролировался такой существенный для реализации согласных на стыках слов параметр, как фразовая позиция тестовых слов², поскольку для учета подобного фактора необходимы специально сконструированные фразы; влиянию этого фактора на реализацию частиц посвящено отдельное продолжающееся исследование.

Служившие материалом исследования стихотворные отрывки с тестовыми словами (выделенными полужирным шрифтом) приводятся ниже:

- (1)

Еще ты здесь, и мне сказали,
 Где ты сейчас и будешь в пять,
 Я **б мог** застать тебя в курзале,
 Чем даром языком трепать.
 (Б. Л. Пастернак. Волны)
- (2)

Кто **ж мог** мне помогать?.. Потомки
 Развенчанных князей, которым резал глаз
 Блеск царского венца, а старых прав обломки
 Дороже были клятв и совести?
 (А. Н. Майков. У гроба Грозного)
- (3)

Вы хмуритесь, в прихожую вошед,
 мы балагурим в вихре снежной пыли.
 Для вас постель — о если **б вы** любили!
 Для нас метель — любовнейший сюжет!
 (Г. С. Семенов. «Вам — лестница, нам — пять минут тепла...»)
- (4)

Теперь вы плачете. А где **ж вы** были,
 Друзья-приятели, в тот смертный час,
 Когда поэт привел себя к могиле
 И жизнь покинул, не оборотясь.
 (Д. Самойлов. «Теперь вы плачете. А где ж вы были...»)
- (5)

Пойдешь да сляжешь, на беду,
 В пути перед зимой.
 Остался **б лучше**. — Нет, пойду, —
 Сказал товарищ мой.
 (А. Т. Твардовский. Баллада о товарище)

² См., например, [Bermúdez-Otero 2015] о различиях в реализации сегментов в разных просодических контекстах как о «рассеивании правил» (rule scattering).

- (6) Хоть день, да наш! Ужели **ж лучше** жить
 Всей пошлостью жизни терпеливо,
 А в праздники для отдыха кутить
 (И то, чтоб уж не очень шаловливо!)
 (А. А. Григорьев. «Есть у поэтов давние права...»)
- (7) Я разве плачу? Видишь — я спокоен.
 От этих слов расплакаться нельзя.
 Я **б рад** услышать что-нибудь такое,
 чтоб хоть слезой почувствовать глаза.
 (С. И. Кирсанов. Из Брэма [Поэма поэтов, 34])
- (8) И жаловался ей я на свою печаль.
 И почему-то ей меня вдруг стало жаль;
 И почему-то вдруг, с горячею слезою,
 Мне шею обвила она своей рукою;
 Я **ж рад** излить тоску, припал к ее устам,
 И стало что со мной — не понимаю сам,
 Но, в трепете едва переводя дыханье.
 Шептал я: «Вот оно, желанное лобзанье!»
 (П. А. Кусков. Поцелуй)

Восемь стихотворных отрывков, приведенных выше, были прочитаны в случайном порядке 60 **информантами** в возрасте 18–28 лет, студентами МГУ им. М. В. Ломоносова, носителями современного русского литературного произношения и записаны непосредственно в память персонального компьютера. Отрывки предъявлялись информантам на карточках один за другим в разных последовательностях. Еще два стихотворных текста (с одного начиналась, а другим заканчивалась запись) служили филлерами и не содержали тестовых слов — для того, чтобы исключить неестественное произнесение первого и последнего текстов. Все информанты имели возможность предварительно ознакомиться с текстами, которые им предстояло прочитать. Перед началом эксперимента информанты были проинструктированы читать тексты как можно естественнее, а не стараться делать это театрально, «с выражением». Некоторые информанты (7 из 60) в ряде случаев произносили на месте предполагавшихся частиц *ж* и *б* слоговые их варианты [ж'] и [б'] (*же* и *бы*), в этом случае они были записаны повторно (двое — и в третий раз), в ходе исследования анализировались только последние записи (без гласного в частице).

Место рождения информантов не контролировалось, однако в число прочитанных ими текстов был включен отрывок из стихотворения Б. Ахмадулиной «Моя родословная» (см. ниже), содержащий сочетание *город Москва*, на основании произнесения которого был сделан вывод о владении информантами нормами СРЛЯ в области реализации глухих / звонких согласных (в соответствии с которыми в слове *город* в этом контексте обязательно произношение [т]):

- (9) Что еще вам сказать?
 Я не знаю, я одобрена вами
 иль справедливо и бегло охаяна.
 Но проносятся пусть надо мной
 ваши лица и ваши слова.
 Написала все это Ахмадулина
 Белла Ахатовна.
 Год рожденья — 1937.
 Место рожденья —
город Москва.

Три информанта в сочетании *город Москва* произнесли звонкий [д] в конце первого слова; полученные от них данные в дальнейшем были исключены из рассмотрения. Таким образом, всего было получено $57 \times 8 = 456$ тестовых примеров.

Процедура анализа заключалась в том, что в программе PRAAT по осциллограмме и динамической спектрограмме была измерена длительность глухого участка на месте постпозитивных частиц *б* и *ж*. Согласный считался звонким, если длительность его глухого участка не превышала 20 мс (интервокальный согласный воспринимается как глухой только при наличии глухого участка длительностью более 20 мс, обычно даже более 25 мс).

Ниже на рис. 1 приведена осциллограмма, а на рис. 2 — динамическая спектрограмма сочетания *я б мог заставить* в произношении информанта 11, на которых хорошо видно наличие периодических колебаний на месте [б], а на рис. 3 и 4 представлены осциллограмма и динамическая спектрограмма сочетания *а где ж вы были* в произношении того же информанта, на которых видно отсутствие периодических колебаний на месте [ж], длительность его глухого отрезка — 60,9 мс.

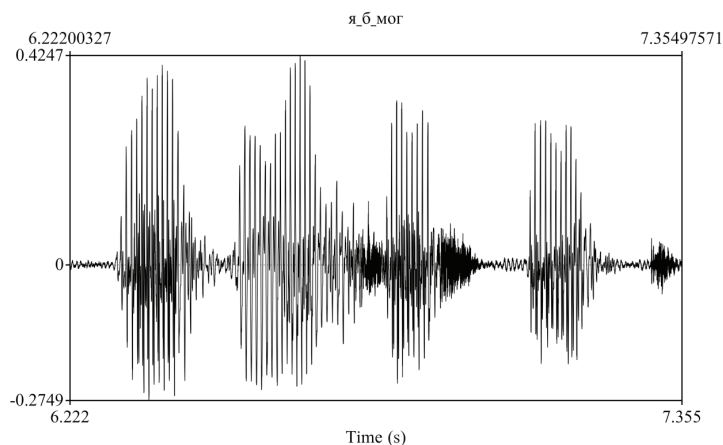

Рис. 1. Осциллограмма сочетания *я б мог заставить*, информант 11

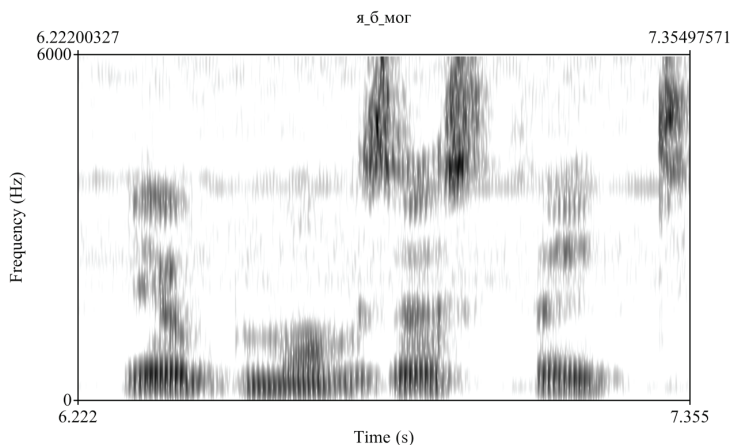

Рис. 2. Динамическая спектрограмма сочетания *я б мог заставить*, информант 11

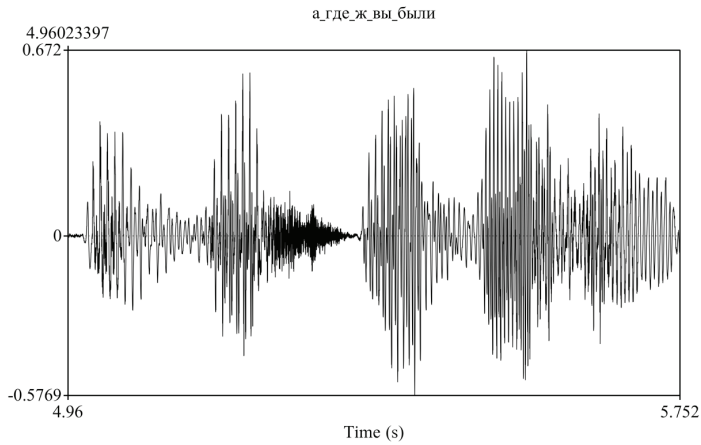

Рис. 3. Осциллограмма сочетания *а где ж вы были*, информант 11

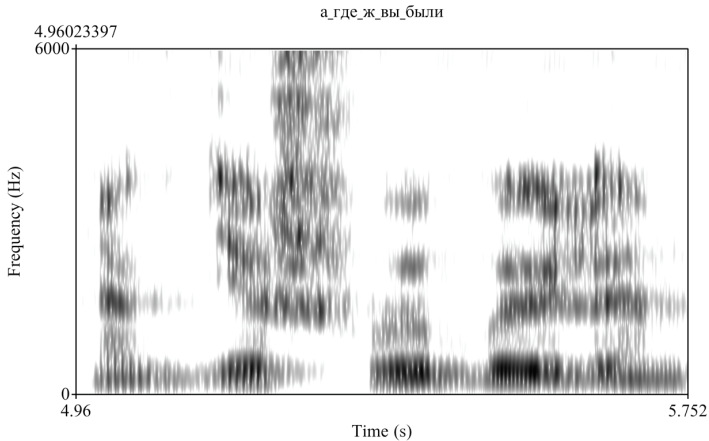

Рис. 4. Динамическая спектрограмма сочетания *а где ж вы были*, информант 11

Результаты исследования обобщены в приведенных ниже таблицах 1а, 1б и 2.

В таблице 1а (с. 14) представлены полные данные о количестве и процентном соотношении звонких реализаций постпозитивных частиц *б* и *ж* в позиции перед сонорными согласными разного места образования в следующем слове в произношении всех 57 информантов.

В процессе измерения длительности глухого участка на месте постпозитивных частиц *б* и *ж* было отмечено, что часть дикторов произносила некоторые сочетания, для которых предполагалось положение постпозитивных частиц на стыках слов, в одно фонетическое слово: например, [й'бмъгзастáт'] (*я б мог застать*) вместо предполагавшегося [jáб мóg застáт'] или [jáп мóg застáт']; [агд'ъжвыбыл'и] (*а где ж вы были*) вместо [агд'эж вь был'и] или [агд'эш вь был'и]. Таким образом, согласные на месте фонем /б/ и /ж/ оказывались не в исследуемой в данной работе позиции конца фонетического слова перед сонорным следующего слова, а внутри фонетического слова перед сонорным, где они могут быть реализованы только звонкими аллофонами [б] и [ж]. В этой связи была произведена отбраковка соответствующих произнесений: решение о наличии одного или нескольких

Таблица 1а

Звонкие реализации постпозитивных частиц *б* и *ж* в позиции перед сонорным согласным следующего слова: количество (%), все информанты

перед	частица	
	<i>б</i>	<i>ж</i>
<i>мог</i>	53 (93 %)	3 (5 %)
<i>вы</i>	47 (89 %)	11 (19 %)
<i>лучше</i>	9 (16 %)	16 (28 %)
<i>рад</i>	11 (19 %)	24 (42 %)

фонетических слов в произнесении того или иного диктора принималось на основании двух основных факторов: 1) качества (формантной структуры) соответствующего гласного (например, для слова *мог* значение второй форманты в конце гласного выше 1100 Гц считалось соответствующим редуцированному, то есть безударному, гласному, ниже 1000 Гц — ударному [о]); 2) характера кривой изменения частоты основного тона (ЧОТ) — при наличии значительного изменения ЧОТ (более 15 % от значения в начале гласного) считалось, что гласный несет на себе фразовый акцент и тем самым несомненно является ударным. Факты, свидетельствующие (или позволяющие предполагать) произнесение тестовых сочетаний в одно фонетическое слово были зафиксированы в произношении 18 информантов. Полученные от них данные были исключены из дальнейшего рассмотрения. Таким образом, на втором этапе было проанализировано $39 \times 8 = 312$ тестовых примера.

В таблице 1б представлены данные о количестве и процентном соотношении звонких реализаций постпозитивных частиц *б* и *ж* в позиции перед сонорными согласными разного места образования в следующем слове в произношении 39 информантов после исключения дикторов, произносивших исследуемые сочетания в одно фонетическое слово.

Таблица 1б

Звонкие реализации постпозитивных частиц *б* и *ж* в позиции перед сонорным согласным следующего слова: количество (%), 39 информантов

перед	частица	
	<i>б</i>	<i>ж</i>
<i>мог</i>	36 (92 %)	3 (8 %)
<i>вы</i>	31 (79 %)	7 (19 %)
<i>лучше</i>	9 (23 %)	14 (39 %)
<i>рад</i>	9 (23 %)	21 (57 %)

В таблице 2 (с. 15) приведены усредненные по всем 39 информантам данные о длительности глухого участка на месте постпозитивных частиц *б* и *ж* в позиции перед сонорными согласными разного места образования в следующем слове.

Эти данные позволяют заключить, что для обеих частиц наблюдается зависимость между наличием оглушения перед сонорным согласным следующего слова и местом образования этого сонорного: чем ближе *б* и *ж* следующему сонанту по данному параметру, тем вероятность оглушения меньше:

- губной оглушается перед губным (гоморганным) в 14 % случаев, а перед переднеязычным (не гоморганным) — в 77 %;
- переднеязычный оглушается перед переднеязычным (гоморганным) в 55 % случаев, а перед губным (не гоморганным) — в 87 %.

Таблица 2

Реализация постпозитивных частиц *б* и *ж* в позиции перед сонорным согласным следующего слова: длительность глухого участка, мс, % от общей длительности (усреднено по 39 произнесениям)

перед	частица	
	<i>б</i>	<i>ж</i>
<i>мог</i>	9,1 / 70,6 (13 %)	82,4 / 102,1 (81 %)
<i>вы</i>	15,4 / 77,5 (20 %)	80,6 / 100,6 (80 %)
<i>лучше</i>	39,5 / 81,8 (48 %)	59,3 / 104,9 (57 %)
<i>рад</i>	37,4 / 79,7 (47 %)	33,6 / 103,4 (33 %)

Таким образом, можно сформулировать **вывод** о том, что чем ближе по месту образования шумный согласный постпозитивной частицы и начальный сонорный следующего слова, тем выше вероятность звонкой реализации шумного в конце предшествующего фонетического слова. Степень выраженности этого явления явно значительнее в случае с *б*; можно полагать, что это связано, в частности, с тем, что в позиции перед гоморганным [м] взрывной [б] произносится без взрыва (размыкания смычки), тем самым решение о его глухости / звонкости не может быть принято слушающим на основании длительности послевзрывной фазы и типа фонации в процессе ее реализации³, поэтому [б] носителями языка воспринимается (и впоследствии воспроизводится) как полностью звонкий. В позиции перед [в] может быть предложено сходное объяснение: послевзрывная фаза [б] перцептивно с трудом вычленима в сочетании с щелевым согласным близкого места образования.

Один из вопросов, который нуждается в обсуждении в этой связи, заключается в том, можно ли считать, что в описанных выше случаях наблюдается отсутствие оглушения шумного (и тем самым имеет место произношение «настоящего» звонкого) или после действия фонологического правила конечного оглушения происходит коартикуляционное озвончение [п] и [ш]. В [Князев 2004] приводятся некоторые фонологические интерпретации сходного явления, отмеченного М. В. Пановым [1997: 108] — «отсутствия оглушения» в новых звательных формах типа *Лиз! Федь! Володь! Сереж! Надь! Люб!*: в позиции перед паузой конечный согласный в этих формах все-таки произносится всегда без голоса, но может действительно отличаться от «настоящего» глухого по ряду других параметров, реализующих фонологический контраст по голосу — в первую очередь, по меньшей длительности и интенсивности шума. Однако в «двойных» звательных формах типа *Лиз, а Лиз!* или *Федь, а Федь!* конечный согласный первого вокатива сохраняет звонкость в прямом смысле (произносится с участием голоса) — иначе говоря, в них нет ни фонологического оглушения, ни чисто фонетического, поскольку этот согласный оказывается в положении перед гласным. Таким образом, глухость конечного согласного в формах типа *Лиз!* и *Сереж!* обусловлена фонетическим процессом, но не фонологическим правилом (правило конечного оглушения не могло быть применено в положении перед реализованным нулем гласным), а фонологическое правило звукового эллипсиса в русском языке применяется в самом конце процесса фонетической деривации лексических единиц, после правила конечного оглушения⁴.

Другим аргументом в пользу чисто фонетической (коартикуляционной) природы звонкого произношения шумного, оказавшегося в позиции перед сонорным в результате нулевой реализации разделявшей их гласной фонемы, является тот факт, что в этом положении

³ Подробнее о компенсации значений фонетических параметров, реализующих фонологический контраст по голосу, и неполной нейтрализации см. ниже во второй части данной статьи.

⁴ Другие аргументы в пользу этой точки зрения см. в [Князев 2004: 143].

2. Эксперимент 2

Вторая часть исследования фонационного варьирования согласных в связи с их способом и местом образования в русском языке была посвящена реализации шумных согласных внутри слова в положении между двумя сонорными.

Материалом исследования служили предударные сочетания [сонорный + шумный + сонорный] в следующих двух- и трехсложных словах:

- *контракт*, *компресс* (глухой шумный в позиции после гоморганного близкого способа артикуляции);
- *Кондрат*, *сомбреро* (звонкий шумный в той же позиции в качестве основания для сравнения);
- *форишмак* (глухой шумный в позиции после гоморганного переднебного другого способа образования);
- *портмоне* (глухой шумный в позиции после негоморганного близкого способа артикуляции).

Примеры из русских стихотворных текстов XIX–XX вв. были отобраны из поэтического подкорпуса [НКРЯ], тип фразовой позиции тестовых слов при отборе не контролировался, однако все тестовые слова в отобранных примерах оказались в сильных фразовых позициях.

Служившие материалом исследования стихотворные отрывки с тестовыми словами (выделенными полужирным шрифтом) приводятся ниже:

- (11) Я знал, что и руку другую ей дам,
Меж тем к щеке моей льнуло дыханье:
«В губки, **Кондрат!**» — и тянулась к губам, —
Но губы к губам — я лишился сознания.
(С. В. Шервинский. В обители)
- (12) Подписан с ним **контракт** кабальный
с условием на пять лет остаться
в чащобах сахарных плантаций
в стране чужой, в стране печальной.
(К. М. Симонов. Письмо из Аргентины)
- (13) Под Киевом — пески
И выплеснутый чай,
Присохший к жарким лбам,
Пылающим по классам.
Под Киевом, в числе
Песков, как кипятков,
Как смытый пресный след
Компресса, как отека...
(Б. Л. Пастернак. «Как усыпительна жизнь!...»)
- (14) Подходят ночи в **сомбреро** синих,
Созвездья взоров поют звезде,
Поют в пещерах, поют в пустынях,
Поют на море, поют везде.
(И. Северянин. Коктебель)

- (15) А в обеденный час,
Надорвав гневный бас
Громко с бурей по адресу мира,
Он берет на пятак
Пресловутый **форшмак**
И как можно побольше гарнира!
(Н. Я. Агнивцев. Один из многих)
- (16) Будут серьги, будет брошка,
Будут деньги в **портмоне**.
Я себе возьму немножко, —
За другим приходи ко мне.
(В. Я. Брюсов. Девичья)

Шесть стихотворных отрывков, приведенных выше, были прочитаны в случайном порядке теми же 60 **информантами**, которые принимали участие в первом эксперименте, в ходе той же сессии и записаны непосредственно в память персонального компьютера. В дальнейшем были проанализированы записи тех же 39 информантов, что и в первом эксперименте; два из них произнесли слово *портмоне* с двумя ударениями (то есть в два фонетических слова), полученные от них данные были также исключены из рассмотрения. Таким образом, всего было получено $57 \times 6 = 342$ тестовых примера, проанализировано $37 \times 6 = 222$ слова.

Процедура анализа также не содержала существенных отличий от описанной для эксперимента 1: в программе PRAAT по осциллограмме и динамической спектрограмме была измерена длительность глухого участка на месте смычки согласных *т*, *д*, *н*, *б* и шумовой части *ш* (взрыв и послевзрывная фаза согласных перед вибрантом содержат такой резкий и интенсивный выброс энергии, что контролировать наличие или отсутствие периодических колебаний на этом отрезке согласного весьма затруднительно, а зачастую и вовсе невозможно). Согласный считался звонким, если длительность глухого участка его смычки не превышала 20 мс. Ниже на рис. 5 приведена осциллограмма, а на рис. 6 — динамическая спектрограмма слов *контракт* и *Кондрат* в произношении информанта 24, на которых хорошо видно наличие периодических колебаний на месте [т], а на рис. 7 и 8 представлены осциллограмма и динамическая спектрограмма слов *форшмак* и *портмоне* в произношении того же информанта 24, на которых видно отсутствие периодических колебаний на месте [ш] и [т], длительность глухого отрезка — 156 мс и 42 мс соответственно.

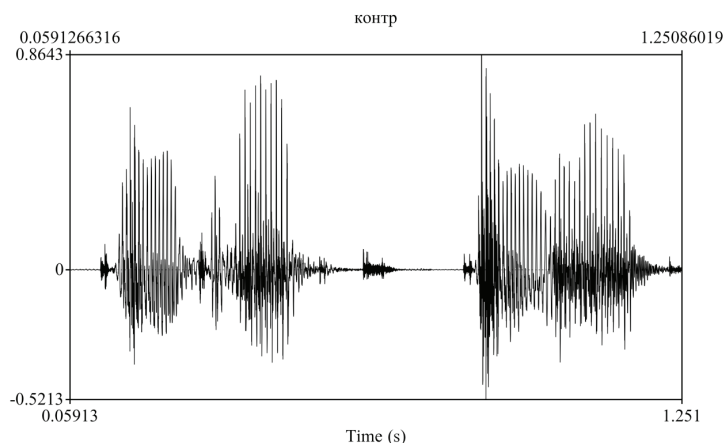

Рис. 5. Осциллограмма слов *контракт* (слева) и *Кондрат* (справа), информант 24

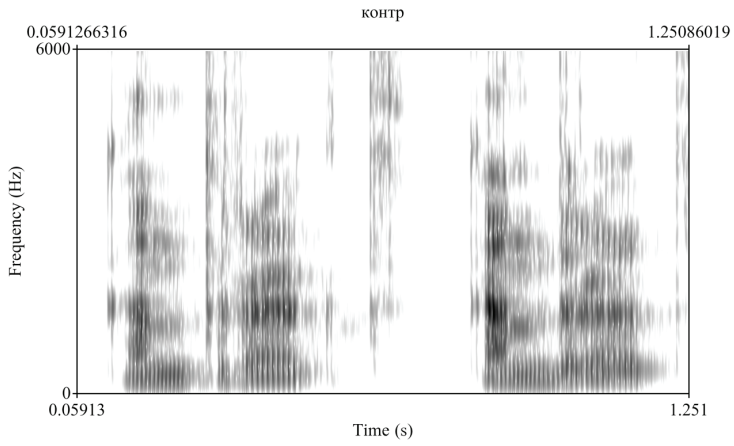

Рис. 6. Динамическая спектрограмма слов *контракт* (слева) и *Кондрат* (справа), информант 24

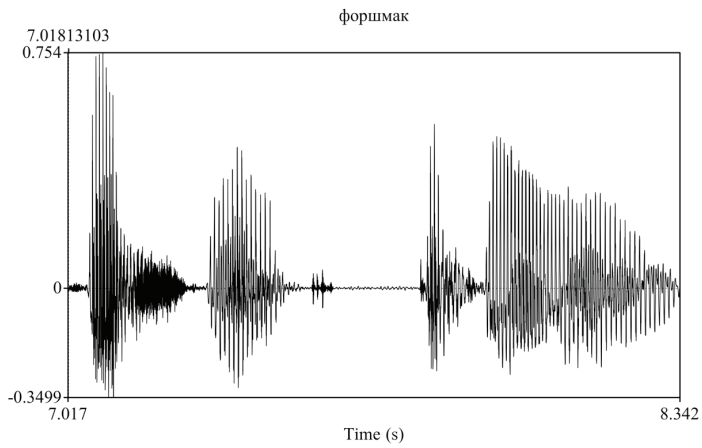

Рис. 7. Осциллограмма слов *форшмак* (слева) и *портмоне* (справа), информант 24

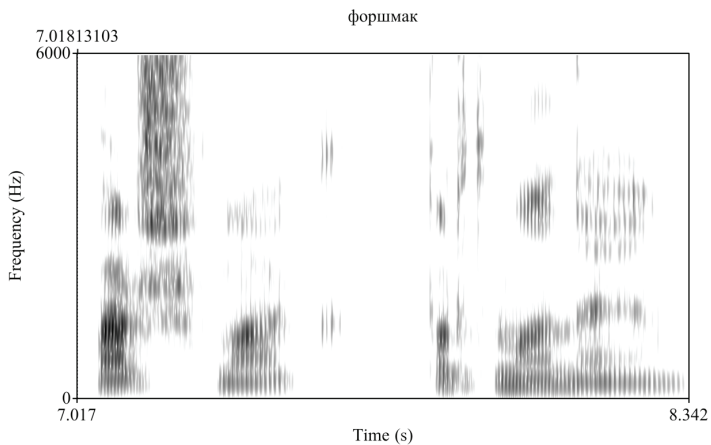

Рис. 8. Динамическая спектрограмма *форшмак* (слева) и *портмоне* (справа), информант 24

Результаты исследования обобщены в таблице 3, в которой представлены данные о количестве и процентном соотношении звонких реализаций шумного согласного в позиции между сонорными разного места образования и усредненные по всем информантам данные о длительности глухого участка на месте соответствующих шумных.

Таблица 3

Количество и процентное соотношение звонких реализаций шумного согласного в позиции между сонорными и длительность глухого участка на месте соответствующих шумных (мс); усреднено по 37 информантам

	кол-во (%)	глухой участок, мс
<i>ком<u>п</u>ресс</i>	26 (70 %)	19,3
<i>сом<u>б</u>реро</i>	37 (100 %)	0
<i>конт<u>т</u>ракт</i>	33 (89 %)	12,1
<i>Кон<u>д</u>рат</i>	37 (100 %)	0
<i>фор<u>ш</u>мак</i>	0 (0 %)	133,7
<i>порт<u>т</u>моне</i>	3 (8 %)	74,2

Эти результаты позволяют заключить, что в подавляющем большинстве случаев в слове *контракт* и более чем в 2/3 всех случаев в слове *компресс* взрывной согласный в окружении сонорных произносится с участием голоса на протяжении его смычки, а в словах *форшмак* и *портмоне* — практически всегда без участия голоса. На основании этих данных можно сформулировать **вывод** о том, что в консонантных кластерах [сонорный + шумный + сонорный] озвончение глухого шумного возможно в случае близости его по месту и способу образования соседним сонорным, особенно предшествующему. Отсутствие подобной близости препятствует этому озвончению. Представляется важным отметить, что данная закономерность была обнаружена в сильных фразовых позициях на материале чтения достаточно сложных текстов; можно с уверенностью утверждать, что в слабых фразовых позициях в живой устной речи это явление распространено гораздо шире.

На следующем этапе исследования был проведен предварительный перцептивный эксперимент, в качестве материала для которого служили четыре выделенных из произнесений дикторами слова *контракт* отрезка, заканчивающиеся ударным гласным (то есть слово *контракт* без следующих за ударным гласным согласных и конечной (около 30 %) части ударного гласного, содержавшей формантный переход к последующему согласному). Для предъявления аудиторам из 37 произнесений слова *контракт* были выбраны те четыре слова, в которых исследованные значения (длительность смычки на месте сочетания *-нт-*, длительность глухого участка смычки и длительность послевзрывной фазы были максимально близкими к средним (см. табл. 3, 4)). Эти отрезки были в случайном порядке предъявлены тем же 57 информантам, принимавшим участие в записи этих слов; аудиторы должны были ответить на вопрос, из какого слова вырезан соответствующий отрывок — *контракт* или *Кондрат*. Количество верных ответов составило 69 % от общего числа случаев, на основании чего можно заключить: несмотря на то, что глухой взрывной согласный озвончается в положении между гоморганными сонорными, при восприятии полного совпадения его со звонким шумным в той же позиции все же не происходит. Довольно низкий результат распознавания в данном случае частично может объясняться тем, что аудиторы, вероятнее всего, ожидали наличия среди тестовых примеров отрывков из слова *Кондрат*, отсутствовавших при предъявлении им стимулов (чтобы аудиторы не могли опираться на сравнительные данные).

Возможность успешного распознавания слова в данном случае связана с тем, что фонологические признаки на фонетическом уровне имеют сложную структуру: они состоят из набора

акустических и перцептивных параметров, так что взаимнооднозначного соответствия между фонологическим признаком и каким-то одним акустическим событием чаще всего не наблюдается [Кодзасов 1982]. Например, во всех языках глухие согласные могут отличаться от звонких 1) отсутствием голоса, 2) большей общей длительностью, 3) большей длительностью послевзрывной фазы, 4) большей интенсивностью взрыва и/или шума, 5) большим значением ЧОТ в начале последующего гласного, 6) меньшей длительностью соседних гласных и другими параметрами. В разных языках (а иногда — в разных позициях в одном языке) в качестве основного может служить то один, то другой акустический параметр; например, первый — в любой позиции в СРЛЯ, шестой — в конце слова и третий — в начале слова в английском языке, четвертый — в нидерландском языке и т. п. [Князев, Пожарицкая 2015: 108]. Кроме того, возможна и взаимная компенсация этих параметров. Так, если носитель русского языка не в состоянии принять решение о глухости / звонкости сегмента по наличию голоса, то он может использовать для этого значения других параметров (длительности, интенсивности и т. п.); этим объясняется, например, тот факт, что носители СРЛЯ могут — с той или иной степенью успешности — различать глухие и звонкие согласные в шепотной речи.

Приведенные на рис. 5 и 6 (типичные для большинства информантов) примеры произнесения слов *контракт* и *Кондрат* свидетельствуют о том, что несмотря на наличие голоса у согласных на месте /т/ и /д/ в обоих случаях, характер реализации анализируемых согласных в этих словах не идентичен: визуально можно наблюдать как минимум различия в степени интенсивности и характере выраженности послевзрывной фазы этих взрывных. В этой связи в ходе дальнейшего анализа в программе PRAAT была измерена общая интенсивность звонкой смычки на месте согласных *нт*, *мп*, *нд*, *мб* в позиции перед сонантом в словах *контракт*, *компресс* и *Кондрат*, *самбреро*. Поскольку абсолютная интенсивность может определяться значительным числом разнообразных факторов (общей громкостью произнесения, фразовой позицией, расстоянием до микрофона и т. д.), была измерена также средняя интенсивность следующего за консонантным кластером ударного гласного (в первой паре — [а], во второй — [е]) и определена относительная интенсивность звонкой смычки в процентах от интенсивности этого гласного. Соответствующие **результаты** представлены ниже в таблице 4. В той же таблице приведены данные о длительности послевзрывной фазы взрывных на месте *т*, *п*, *б* и *д* и об общей длительности кластеров на месте сочетаний *-нт-*, *-мп-*, *-мб-* и *-нд-*. Значения других фонетических параметров, которые могут быть существенны для реализации фонологического признака глухость / звонкость, в данном случае либо невозможно определить (например, вычислить длительность смычки взрывного, поскольку нельзя провести границу между [н]/[м] и следующим взрывным), либо они не являются релевантными (например, длительность предшествующего и последующего гласного, так как анализируемые согласные не находятся с этими гласными в непосредственном контакте).

Таблица 4

Абсолютная (dB) и относительная интенсивность звонкой смычки на месте согласных *т*, *п*, *б*, *д*, длительность (мс) послевзрывной фазы и смычки сочетания [н]/[м] + взрывной; усреднено по 37 произнесениям

	$i_{абс}$	$i_{отн}$	$t_{н/м}$	$t_{см}$
<i>ком<u>п</u>ресс</i>	62,09	93 %	22,6	139,9
<i>сам<u>б</u>реро</i>	66,83	98 %	5,6	110,4
<i>кон<u>т</u>ракт</i>	68,11	93 %	27,3	132,8
<i>Кон<u>д</u>рат</i>	68,98	99 %	7,9	110,1
<i>пя<u>т</u>ак</i>	—	—	14,4	—
<i>(ей) <u>д</u>ам</i>	—	—	8,8	—

Как видно из приведенных в таблице данных, степень интенсивности звонкого смычного согласного действительно существенно различна в двух исследованных случаях: в слове *Кондрат* она не только значительно выше, чем в слове *контракт*, но даже и в единичных случаях превышает интенсивность (в общем случае самого интенсивного из всех звуков) ударного [а] в том же слове; это свидетельствует о явной вокализации согласного на месте звонкого шумного в окружении сонорных (для губных согласных в позиции перед переднеязычным этот контраст выражен столь же явно, но в меньшей степени). В свою очередь, длительность смычки шумного согласного в словах *Кондрат* и *сомбреро* значительно меньше, чем в словах *контракт* и *компресс*⁶. Наконец, по-видимому, наиболее существенные акустические различия между фонологически глухим и звонким взрывным в позиции между сонорными наблюдаются в длительности их послевзрывной фазы: послевзрывная фаза глухого зубного составляет 345 % от значения того же параметра у звонкого, а глухого губного — 404 %, в то время как в позиции, благоприятной для разграничения согласных по наличию / отсутствию голоса (например, в интервокальном положении), это значение составляет у тех же информантов всего 164 % (см. в табл. 4 данные для слов *пятак* и *(ей) дам*) и обычно не превышает 200 %. В этой связи необходимо отметить, что в позиции между сонорными у глухого переднеязычного взрывного почти вдвое увеличивается и абсолютная длительность послевзрывной фазы по сравнению с интервокальным положением; так что, по-видимому, не только слушающий может основываться при восприятии фонологического контраста по голосу на значении этого параметра, но уже в процессе построения моторной программы произнесения эта возможность учитывается говорящим.

Как представляется, различия в реализации описанных выше параметров могут служить основанием для различения согласных на месте *m/n* и *д/б* в окружении сонантов несмотря на наличие голоса в обоих случаях, а сама реализация шумных в позиции между гомогантными сонорными может быть охарактеризована как неполная нейтрализация (incomplete neutralization) фонологического контраста.

Одно из замечаний анонимного рецензента⁷ данной статьи состояло том, что описанные выше различия могут объясняться не столько артикуляционной близостью между взаимодействующими согласными, сколько тем фактом, что предшествующий шумному сонорный является носовым, поскольку назализация и звонкость смычных тесно связаны, в частности, по аэродинамическим причинам (доступ в носовую полость приводит к падению давления в надгортанных полостях, и это способствует прохождению воздуха через голосовую щель). С этим замечанием, безусловно, нельзя не согласиться: в позиции после носового вероятность и степень озвончения смычного в общем случае выше, чем после других сонорных, но это, на наш взгляд, не противоречит тому факту, что и степень близости контактирующих согласных по месту и особенно способу артикуляции играет важную роль: так, после смычных носовых смычные шумные озвончаются в гораздо большей степени, чем щелевые. Кроме того, предварительные данные продолжающегося в настоящее время исследования реализации шумных в окружении идентичных по способу образования сонорных свидетельствуют о том, что и в соседстве с гомогантным боковым сонантом (например, в словах типа *болтливый*) полное озвончение смычки [т] фиксируется, как и в позиции после носового перед вибрантом, более чем в половине всех

⁶ Следует иметь в виду, что в табл. 4 приведены данные не о собственной длительности смычки взрывных, а о длительности смычки сочетания [носовой + гомогантный взрывной]; таким образом, относительные различия по длительности смычки взрывных существенно значительнее, чем это можно наблюдать на основании данных, представленных в табл. 4.

⁷ Пользуясь случаем, я хотел бы выразить глубокую искреннюю благодарность рецензентам за тщательный анализ статьи и высказанные ими замечания, которые в очень значительной степени способствовали совершенствованию данной работы; конечно, все оставшиеся погрешности остаются при этом целиком на совести автора.

обработанных в настоящий момент случаев (18 из 32, 56 %; средняя длительность озвонченного участка 46,5 мс, 70 % общей длительности); наоборот, в позиции между двумя зубными носовыми (*пенсне*) зубной щелевой озвончается гораздо в меньшей степени (0 из 32; 25,4 мс, 17 % соответственно⁸).

Неполная нейтрализация изначально была описана на материале конечного оглушения шумных согласных в немецком [Port et al. 1981], а позднее и во многих других языках (в том числе, русском [Dmitrieva et al. 2010], наиболее подробно — в [Kulikov 2012], где этот же процесс зафиксирован и в позиции контактного озвончения / оглушения шумных и даже при быстром темпе произнесения): тщательный инструментальный анализ позволяет выявить в позиции нейтрализации фонем последовательные различия в значениях фонетических параметров, реализующих нейтрализованный фонологический признак (так, в русском языке длительность гласного выше, а значение первой форманты ниже перед глухим, реализующим звонкую фонему, чем перед глухим, являющимся реализацией глухой [Ibid.: 152–153]); в ряде случаев эти различия оказываются даже статистически значимыми. При этом в лабораторных условиях носители языка хоть и крайне ненадежно, но в состоянии отличать глубинные глухие шумные от звонких [Kohler 2012]. Интерпретация подобных явлений⁹ с фонологической точки зрения была представлена, например, в рамках стандартной порождающей фонологии [Charles-Luce 1985; Port, O'Dell 1985], government phonology [Brockhaus 1995], теории оптимальности [van Oostendorp 2008]¹⁰. Основная проблема, связанная с фонологической интерпретацией этих фактов, заключается в том, что они дают основания усомниться в общепринятом представлении об обязательном предшествовании в процессе порождения высказывания фонологических операций (например, применения фонологических правил) фонетическим процессам [Słowiaczek, Dinnsen 1985: 338–339], в связи с чем возникает необходимость пересмотра однонаправленного фонетико-фонологического интерфейса и создания моделей, допускающих разнонаправленное взаимодействие между ними: «The results of the study raise questions about the assumption that phonology precedes phonetics. An adequate account of the findings requires an interface that allows interaction between the modules» [Kulikov 2012: 165]. В. Куликов в качестве примера такого рода обсуждает, в частности [Ibid.: 158–159], предложенную П. Бурсмой модель, в которой постулируются четыре уровня представления: глубинный фонологический и три фонетических — абстрактный поверхностный, собственно артикуляционный и перцептивный, причем первые два имеют независимый друг от друга доступ к двум последним [Boersma 2006].

Описанный в настоящем исследовании тип неполной нейтрализации, впрочем, в значительной мере отличается от охарактеризованного выше: в сочетаниях шумного согласного с сонорными наблюдаются не минимальные (и вряд ли существенные перцептивно) отличия по некоторым параметрам, реализующим ДП, а перцептивно значимые различия по ряду второстепенных параметров при условии нейтрализации главного для фонетической системы данного языка. При этом важно отметить, что «целью» неполной нейтрализации, описанной в литературе, очевидным образом, является неразличение соответствующих фонем, что проявляется не только в полном снятии контраста по некоторым фонетическим параметрам, реализующим ДП, но и в его ослаблении (по сравнению

⁸ Следует, конечно, учитывать, что еще одним важным фактором, влияющим на степень озвонченности согласного, может быть его общая продолжительность, большая в случае сибилантов: при одной и той же длительности озвонченного участка его доля в общей длительности для фрикативных ниже, однако этот участок значительно (почти в два раза) короче и в абсолютном выражении.

⁹ Называемых иногда «полуконтрастом» (semicontrast) [Winter, Roettger 2011: 56].

¹⁰ При этом наиболее адекватным средством описания градуальных фонетических процессов — в отличие от категориальных фонологических — по-прежнему остается артикуляционная фонология [Zsiga 1995: 299].

с позицией фонологического противопоставления) по тем акустическим ключам, где совпадение не достигло стадии полного¹¹; тем самым, этот процесс может быть охарактеризован как не вполне полная только фонетически — но не фонологически — нейтрализация. В противоположность этому, в интерсонантной позиции при совпадении фонем по отдельным акустическим ключам происходит не уменьшение, а увеличение контраста по другим параметрам с целью предотвращения идентичной реализации фонем, то есть и фонологически неполная нейтрализация.

Заключение

Результаты описанного в данной статье экспериментально-фонетического исследования аккомодации по голосу в консонантных кластерах с конечным сонорным свидетельствуют о том, что в современном русском литературном языке существует зависимость характера коартикуляции по типу фонации от места и способа артикуляции контактирующих согласных, а неполная нейтрализация звуковых единиц может рассматриваться как минимум в двух разных аспектах: собственно фонетическом (перцептивно незначимые различия в значениях одного или нескольких параметров, реализующих дифференциальный признак) и фонологическом (совпадение в значениях одного или нескольких параметров при сохранении или увеличении различий по другим параметрам).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Каленчук 1998 — Каленчук М. Л. Об одном из лингвистических парадоксов А. А. Реформатского. *Язык: Изменчивость и постоянство*. М.: Наука, 1998, 131–141. [Kalenchuk M. L. On a linguistic paradox by A. A. Reformatsky. *Yazyk: izmenchivost' i postoyanstvo*. Moscow: Nauka, 1998, 131–141.]
- Князев 2004 — Князев С. В. Об иерархии фонологических правил в русском языке (несколько новых соображений по поводу язв А. А. Реформатского). *Семиотика, лингвистика, поэтика: к столетию со дня рождения А. А. Реформатского*. Виноградов В. А. (ред.). М.: Наука, 2004, 133–150. [Knyazev S. V. On the hierarchy of phonological rules in Russian (Some new considerations on A. A. Reformatsky's jazv). *Semiotika, lingvistika, poetika: k stoletiyu so dnya rozhdeniya A. A. Reformatskogo*. Vinogradov V. A. (ed.). Moscow: Nauka, 2004, 133–150.]
- Князев 2021 — Князев С. В. О неполной дизерезе в русском языке: частица *ж*. *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*, 2021, 2 (в печати). [Knyazev S. V. On incomplete diaeresis in Russian: The case of the particle *ž*. To appear in: *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya*, 2021, 2.]
- Князев, Красько 2019 — Князев С. В., Красько А. В. Коартикуляция по голосу в сочетаниях «велярный + звонкий губно-зубной спирант» внутри и на стыках фонетических слов в современном русском языке. *Русский язык в научном освещении*, 2019, 2: 9–25. [Knyazev S. V., Kras'ko A. V. Voice coarticulation in nonhomorganic [velar # (/v/ + sonorant)] clusters in external sandhi and within phonological words in Modern Standard Russian]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2019, 2: 9–25.]
- Князев, Пожарицкая 2015 — Князев С. В., Пожарицкая С. К. *Современный русский язык. Фонетика*. М.: Юрайт, 2015. [Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. *Sovremennyy russkij yazyk: Fonetika* [Modern Russian: Phonetics]. Moscow: Yurait, 2015.]
- Кодзасов 1982 — Кодзасов С. В. Об универсальном наборе фонетических признаков. *Экспериментальные исследования в психолингвистике*. Фрумкина Р. М. (ред.). М.: Наука, 1982, 94–108. [Kodzakov S. V. On the universal set of phonetic features. *Eksperimental'nye issledovaniya v psikholingvistike*. Frumkina R. M. (ed.). Moscow: Nauka, 1982, 94–108.]

¹¹ Так, по данным В. Куликова, различия между фонологически глухими и звонкими взрывными по значению F1 предшествующего гласного составляют 42 Гц в интервокальном положении, 30 Гц в позиции перед шумным, 19 Гц в конце слова; различия по длительности того же гласного — 8,3 мс, 3,6 мс и 6 мс соответственно [Kulikov 2012: 43, 54, 64, 72].

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Панов 1997 — Панов М. В. Фонетика. *Современный русский язык*. Белошапкова В. А. (ред.). М.: Азбуковник, 1997, 40–164. [Panov M. V. Phonetics. *Sovremenniy russkii yazyk*. Beloshapkova V. A. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 1997, 40–164.]
- Реформатский 1970 — Реформатский А. А. Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке. *Из истории отечественной фонологии*. Реформатский А. А. М.: Наука, 1970, 374–397. [Reformatsky A. A. Consonants opposed in manner and place of articulation and their variation in Modern Standard Russian. *Iz istorii otechestvennoi fonologii*. Reformatsky A. A. (ed.). Moscow, Nauka, 1970, 374–397.]
- Bermúdez-Otero 2015 — Bermúdez-Otero R. Amphichronic explanation and the life cycle of phonological processes. *The Oxford handbook of historical phonology*. Honeybone P., Salmons J. C. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015, 374–399.
- Boersma 2006 — Boersma P. Prototypicality judgments as inverted perception. *Gradience in grammar: Generative perspectives*. Faneslow G., Fery C., Vogel R., Schlesewsky M. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2006, 167–184.
- Booij, Rubach 1987 — Booij G., Rubach J. Postcyclic versus postlexical rules in Lexical Phonology. *Linguistic Inquiry*, 1987, 18: 1–44.
- Brockhaus 1995 — Brockhaus W. *Final devoicing in the phonology of German*. (Linguistische Arbeiten, 336.) Tübingen: Max Niemeyer, 1995.
- Charles-Luce 1985 — Charles-Luce J. Word-final devoicing in German and the effects of phonetic and sentential contexts. *Journal of Phonetics*, 1985, 13: 309–324.
- Dmitrieva et al. 2010 — Dmitrieva O., Jongman A., Sereno J. Phonological neutralization by native and non-native speakers: The case of Russian final devoicing. *Journal of Phonetics*, 2010, 38: 483–492.
- Kohler 2012 — Kohler K. Neutralization.?! The phonetics-phonology issue in the analysis of word-final obstruent voicing. *Rhythm, melody and harmony in speech. Studies in honour of Wiktor Jassem*. Gybon D., Hirst D., Campbell N. (eds.). Poznań: Polish Phonetic Association, 2012, 171–180.
- Knyazev et al. 2007 — Knyazev S., Petrova I., Vorontsova I. Voice coarticulation across word boundaries in /v/+v/ sequences in Standard Russian. *AFCP Workshop “Coarticulation: Cues, direction, and representation”*. Montpellier, 2007, 247–251.
- Kulikov 2012 — Kulikov V. *Voicing and voice assimilation in Russian stops*. Ph.D. diss. Iowa City (IA): Univ. of Iowa, 2012.
- van Oostendorp 2008 — van Oostendorp M. Incomplete devoicing in formal phonology. *Lingua*, 2008, 118(9): 1362–1377.
- Port, O’Dell 1985 — Port R., O’Dell M. Neutralization of syllable-final voicing in German. *Journal of Phonetics*, 1985, 13: 455–471.
- Port et al. 1981 — Port R., Mitleb F., O’Dell M. Neutralization of obstruent voicing in German is incomplete. *Journal of the Acoustical Society of America*, 1981, 70: S13, F10.
- Slowiaczek, Dinnsen 1985 — Slowiaczek L. M., Dinnsen D. A. On the neutralizing status of Polish word-final devoicing. *Journal of Phonetics*, 1985, 13: 325–341.
- Winter, Roettger 2011 — Winter B., Roettger T. The nature of incomplete neutralization in German: Implications for laboratory phonology. *Grazer Linguistische Studien*, 2011, 76: 55–74.
- Zsiga 1995 — Zsiga E. An acoustic and electropalatographic study of lexical and post-lexical palatalization in American English. *Phonology and phonetic evidence: Papers in laboratory phonology IV*. Arvaniti A., Connell B. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995, 282–302.

Гипокористические формы христианских имен в древнерусском языке

© 2021

Евгения Владимировна Буденная

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; jane.sdrv@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена дистрибуции полных и гипокористических форм некоторых христианских имен в древнерусском языке XI–XV вв., отраженном в летописях и берестяных грамотах. Объектом исследования являются наиболее распространенные имена с дихотомией «полный vs. гипокористический вариант», последовательно употребляемые в отношении лиц с различным социальным статусом: *Василий (Василько, Василь)*, *Михаил (Михалко, Михаль)*, *Георгий (Юрий, Дюрги, Гюргий и др.)*, *Дмитрий (Дмитр)*. В отношении гипокористических форм этих имен проверялась гипотеза об их нейтрализующей функции в контексте адаптации иноязычного именослова. Диахронический анализ позволил проследить общую эволюцию в сфере христианского имянаращения в зависимости от социального статуса персонажа, а также подтвердил анализируемую гипотезу на основании многочисленных формальных признаков. Было установлено, что изначально христианские имена фигурировали только в полном каноническом варианте и только применительно к святым и церковным деятелям, тогда как светские лица, как правило, в качестве основных носили исконно славянские имена. В дальнейшем христианские имена стали более регулярно употребляться в обиходе среди разных слоев населения, причем первоначально (до XIII в.) — в гипокористическом виде (формы на *-ко* у князей и знатных лиц, усеченные формы — для более низких в социальной иерархии лиц). Впоследствии гипокористические формы (как на *-ко*, так и усеченные) развили дополнительную семантику уменьшительности, связанную с более низким социальным статусом персонажа, и в связи с этим для лиц, занимающих более высокое место в социальной иерархии, постепенно были вытеснены полными формами. Сравнение летописей с берестяными грамотами позволило более четко проследить хронологические рамки «адаптивного» использования гипокористических форм, а также уточнить поведение некоторых форм имен, чья природа ранее не была до конца очевидной.

Ключевые слова: гипокористика, диминутив, имена собственные, социальные факторы, древнерусский язык

Благодарности: Я благодарю А. Ф. Литвину, высказавшую множество ценных замечаний и предложений в ходе работы над статьей. Также благодарю анонимных рецензентов за полезные и конструктивные замечания. Разумеется, ответственность за конечные формулировки и недочеты целиком лежит на авторе статьи.

Для цитирования: Буденная Е. В. Гипокористические формы христианских имен в древнерусском языке. *Вопросы языкознания*, 2021, 3: 26–46.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.26-46

Hypocoristic forms of Old Russian Christian names

Evgeniya V. Budennaya

HSE University, Moscow, Russia;

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; jane.sdrv@gmail.com

Abstract: The article deals with the distribution of full and hypocoristic forms of some widely given Christian personal names in the Old Russian language of the 11th–15th centuries. We discuss the dichotomy between full and hypocoristic forms of the same names, according to the social status of the person: *Vasilij* (*Vasil'ko*, *Vasil'*), *Mixail* (*Mixalko*, *Mixal*), *Georgij* (*Jurij*, *Djurdi*, *Gjurgij*, etc.), *Dmitrij* (*Dmitr*). With the help of diachronic analysis, we track the general evolution in the field of Old Russian Christian naming. It was found that at the early stage Christian names appear only in their full version and with reference to saints and church figures, while lay persons normally carry original Slavic names. Subsequently, Christian names began to be used more regularly in everyday life, first (from 11th to end 13th) in their hypocoristic form (*-ko* derivatives for princes and noble persons, truncated forms like *Dmitr* for people standing lower in the social hierarchy). At this stage Christian hypocorisms function primarily as adaptive means for borrowed names and hardly ever have any diminutive or affectional meaning. By the 14th century, hypocoristic forms (both *-ko* and truncated forms) eventually develop additional pragmatics associated with a lower social status. As a result, for those occupying a higher place in the social hierarchy, hypocorisms are gradually replaced by full forms. Further comparison of chronicles with birchbark letters confirmed the initial adaptive function of hypocorisms and helped establish the time frame of the “adaptive” stage of Christian hypocoristic forms usage more precisely.

Keywords: diminutive, hypocoristics, Old Russian, proper names, social factors

Acknowledgements: I am grateful to Anna F. Litvina for her valuable remarks and suggestions during preparation of the article. I also thank the anonymous reviewers who contributed to revision of the manuscript with helpful and constructive feedback. Needless to say, responsibility for all potential shortcomings is entirely mine.

For citation: Budennaya E. V. Hypocoristic forms of Old Russian Christian names. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 3: 26–46.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.26-46

1. Вводные замечания

Гипокористические формы личных имен являются одной из универсалий в языках мира. Данные формы представляют собой усеченные варианты имен, которые могут сопровождаться дополнительными словообразовательными средствами (суффиксами, редупликацией¹ и др., с возможными морфологическими чередованиями, в зависимости от конкретного языка): русск. *Ваня*, *Ивашка*, *Гриха*, *Сеня*, *Сашок*, *Толян*, *Димыч* и др. Традиционно эти формы связываются с семантикой уменьшительности, ласкательности, фамильярности, более низким социальным статусом адресата, а также стилевыми и региональными особенностями [Суперанская 1969: 126–127; Frank 1975: 514; Сулова, Суперанская 1991: 108 и сл.; Варбот, Журавлев 1998; Зализняк 2004: 206; Суперанская и др. 2007: 118; Brendler 2008: 146; Ainiala et al. 2012: 133]. Во многих случаях употребление гипокористических форм объясняется совокупностью семантических и прагматических факторов.

Тем не менее прагматико- и семантико-ориентированные подходы далеко не всегда срабатывают в отношении этих форм в древнерусском языке. В отличие от современного

¹ Данный способ распространен, в частности, при образовании гипокористик в ряде языков банту [Newman, Ahmad 1992].

языка, для древнерусских собственных имен XI–XIV вв., внешне имеющих гипокористическую структуру, зачастую не удается выделить какой-либо четкой уменьшительной или пейоративной² семантики [Селищев 1968: 118–119; Зализняк 1986: 147; Успенский 2005: 14–15; Литвина, Успенский 2006: 131]. В частности, древнерусские памятники изобилуют гипокористическими именами как в отношении положительных героев с высоким социальным статусом (князья, посадники, см. примеры 2–4), так и в отношении рядовых персонажей (5–6). Однозначной связи с языковым регистром для этих форм также не просматривается: гипокористические формы встречаются и в отдельных житиях (1), и в летописях (2–5), и в берестяных грамотах (6–7):

- (1) Почто се, Клименте, еже обѣща ми ся дати, и нѣси ми далъ? [Житие Феодосия Печерского];
- (2) В лѣтѣ . 6685³ Престависа блѣговѣрнѣи и хрѣтолюбивѣи князь Михалко . снѣз Гюргевъ . внукуъ Мономаха Володимира [Лавр., л. 128 за 1176 г.];
- (3) и вѣнчанъ бѣи блѣгороднѣи князъ Василко . с своєю княгинею в цркви стѣна бѣа блѣговѣченна [Лавр., л. 154об. за 1227 г.];
- (4) Томъ же лѣтѣ прѣстависа Мирошышка, посадникъ новгородьскыи, постригъся у святого Георгия; и по томъ даша посадницъство Михалку Степаницю [НПЛ ст., л. 64 за 1205 г.];
- (5) Въ лѣто 6708. Ловоть възвѣша Литва... и гнашася новгородьци по нихъ... и убиша Литвы мужь 80, а новгородьць 15: Рагулау Прокопийница съ братомъ Ольхосоу, Гюргя Събышкиниця, Ратьмира Нѣжатиныця, Страшка серебряника вѣща, Вънезда Ягиниця, Луку Мирошкинъ отрок, Микиту Лазоревиця, Жиришу Огасовиця, Осипа подвоискаго, Романа Пыкта, инѣхъ 4 мужь, а полонъ весь отяша, а избѣтъкъ убѣжаша [НПЛ ст., л. 62об. за 1200 г.];
- (6) (ѿ) Петра къ василеви вѣданъ б коунъ и гривнуу вышатѣ [ДБГ Ст. Р. 15, XII в.];
- (7) оударивса розбоемъ на михаилицѣи дворъ на сѣа ево на ива(н)[ка] д[во]рѣи а жигална с сѣио с офоноско : игнатѣ симѣевъ з братомъ с макхи[мк]ѣ ва[си]лѣ вѣцѣркѣ грихнѣи вѣлко климѣнтѣи стѣхѣи мартынѣ [т]атаа храпѣ [с]ѣ[люѣ] крѣстѣи да дворъ розграбили а животъ въз [ДБГ 496, XIV в.].

Можно видеть, что гипокористические формы широко образовывались как от исконно славянских имен (*Сбыслав* → *Сбышка*, *Жирслав* → *Жиришка*, *Мирослав* → *Миришка* и др., см. (5)), так и от христианских имен (*Василий* → *Василь*, *Василько*; *Михаил* → *Михаль*, *Михалко*; *Александр* → *Олекса*; *Григорий* → *Грихно* и др., см. (1), (5–7)). Задаваясь вопросом о функциях гипокористических образований от христианских имен, с учетом их широкого употребления в раннедревнерусский период и внешне неочевидную семантику, А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский предполагают, что данные формы могли выполнять особую функцию адаптации иноязычного антропонимикона [Литвина, Успенский 2006: 131–137]. Поскольку для формирования гипокористических форм как от заимствованных, так и от исконно славянских имен использовались одни и те же словообразовательные модели, в контексте христианских имен они могли применяться для адаптации иноязычного антропонимикона для древнерусского уха.

² Некоторым исключением может являться суффикс *-ец (-ыц)*, в ряде случаев имеющий уменьшительно-уничижительное значение [Селищев 1968: 126]. Так, с помощью этого суффикса образуются имена убийц кн. Бориса Владимировича в 1015 г. и Ярополка Изяславича в 1086 г. («*законопреступникъ*» *Талець* и «*Нерадьць трѣклатьи*» [Лавр., л. 46, 69] соответственно. Тем не менее круг значений этого суффикса не исчерпывается подобными контекстами и в значительной части памятников (в частности, в завещаниях) «решительно невозможно усмотреть негативной окрашенности в его употреблении» [Литвина, Успенский 2006: 132]

³ Древнерусские числа даются в современной арабской передаче.

Данная статья посвящена проверке этой гипотезы на диахроническом материале трех древнейших летописей — Лаврентьевской (далее — Лавр.), Ипатьевской (далее — Ипат.) и Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов (далее — НПЛ ст. и мл. соответственно). Для уточнения летописных данных также использован материал берестяных грамот. Работа построена следующим образом. В разделе 2 даны краткие сведения об основных словообразовательных моделях, используемых для образования гипокористических имен в древнерусском языке, и особенностях христианских имен, выбранных в качестве объекта исследования. Раздел 3 посвящен выделению формальных признаков предполагаемой нейтрализующей функции гипокористических форм в летописях, а также некоторым выявленным корреляциям между формой именования персонажа и его социальным статусом. Раздел 4 дополняет общую картину данными берестяных грамот.

2. Древнерусские гипокористические имена в широком контексте

2.1. Общие сведения

Как уже отмечалось в разделе 1, древнерусский антропонимикон XI–XV вв. в массе своей составляли исконно славянские и христианские⁴ имена различного происхождения (в первую очередь греческого, латинского и древнееврейского), сравнительно быстро распространившиеся в языке после крещения Руси. От обеих групп имен массово образовывались гипокористические формы, представлявшие собой усеченные варианты основы полного имени, в ряде случаев — с дополнительным суффиксальным наращением. Усеченная основа представляла собой так называемый базис, который мог оканчиваться как на гласный (*Мирослав* → *Миро-*), так и на согласный (*Василий* → *Василь-*) [Зализняк 1986: 146]. Основные словообразовательные модели, использовавшиеся в древнерусском языке для образования гипокористических форм, включали в себя следующие случаи [Там же: 151]):

1. Усеченные имена без дополнительных суффиксов (для имен с консонантическим базисом): *Грига*, *Протас*, *Василь*;
2. Усеченные имена с суффиксами:
 - *-и-* (*Ивашь*, *Ярошь*),
 - *-х-ън-о* (*Стехъно*, *Грихъно*),
 - *-ил-* (*Селила*, *Путила*),
 - *-ат-а* (*Климата*, *Гостата*, *Гюрата*),
 - *-ък-* (*Михалько*).

Семантика и функциональные особенности употребления таких имен на данный момент остаются предметом дискуссии. В работах А. А. Зализняка [1986: 146] отмечается, что гипокористические формы «обладали (по крайней мере первоначально) дополнительным значением уменьшительности, ласкательности, фамильярности или эмоционально-оценочным», однако при этом констатируется, что «у определенной части таких имен эти дополнительные значения [...] ослаблены или даже почти стерты». По-видимому, этим обусловлен комментарий Зализняка об усеченных именах с консонантным базисом, полученных отбрасыванием *-ии-*: «Они шире, чем любые другие, используются в качестве

⁴ О небольшом пласте германских и прибалтийско-финских имен в древнерусских источниках см. [Мельникова 1997; 1999; Соболевский 2006; Циммерлинг 2013] и [Хелимский 1986; Saarikivi 2007] соответственно.

готовых основ, и ⟨...⟩ обычно выступают уже не как гипокористики, а просто как варианты исходного имени, например, *Игнать* при *Игнатии*, *Василь* при *Василии* и т. п.» [Зализняк 2004: 207].

Тем не менее определенная дифференциация в этих вариантах также прослеживается: «Мы не встречаем в источниках уменьшительную форму *Василь*, коль скоро речь идет о князьях. Здесь уместной оказывается только форма *Василько*» [Литвина, Успенский 2006: 137]. Этот факт показывает, что социальный статус и общественное положение конкретного лица в Древней Руси могли коррелировать с его именованием в памятниках. В этой связи перспективным объектом исследования выглядят гипокористические формы одних и тех же имен, употребляемых в отношении лиц с различным социальным статусом и положением. Однако надежная идентификация носителей имени чаще всего оказывается возможной только в отношении лиц с высоким социальным положением — митрополитов, архиепископов, князей, некоторых посадников и тысяцких⁵; про других персонажей чаще всего можно судить лишь на основании общего контекста и единичных фрагментарных сведений. В этом плане все четко идентифицированные лица представляют особую ценность.

Некоторую трудность для сопоставительного исследования имен у лиц разных социальных слоев представляет то, что исконно славянские⁶ и христианские имена в отношении лиц из разных слоев общества изначально функционировали по отличным друг от друга принципам. Так, исконно славянские княжеские имена (*Ярополк*, *Святослав*, *Изяслав*, *Брячислав* и др.) в древнерусских источниках давались людям не княжеского происхождения очень редко и лишь в ту пору, когда выходили из обихода княжеской династии. Не-князья, в свою очередь, могли носить схожие по своей структуре двухосновные имена (*Жирослав*, *Миронег* и др.), но почти никогда не носили имен, совпадающих с княжескими [Litvina, Uspenskij 2015: 362]. Иначе обстояло дело с христианскими именами: начиная с XI в. они распространяются как среди князей, так и среди рядовых горожан [Литвина, Успенский 2006: 136], в ряде случаев фигурируя в гипокористическом варианте. По сути, наиболее четкая дихотомия (полный vs. гипокористический вариант, в ряде случаев — несколько вариантов) в сочетании с носителями различного социального статуса, делающая возможным проведение сопоставительного анализа, прослеживается в древнерусском языке только для христианских имен. Именно этим обусловлен их выбор в качестве объекта исследования.

2.2. Дихотомия христианских гипокористических форм в анализируемых источниках

С проблематикой взаимодействия исконно славянского и христианского имени тесно связан феномен двуименности. Известно, что в первые века после принятия христианства большинство древнерусского населения имело два имени. Первое из этих имен, славянское по происхождению, было мирским, второе, христианское, давалось при крещении. Фактически каким-либо церковным именем обладал почти каждый житель Древней Руси, однако в памятниках многие светские лица XI–XV вв. фигурируют исключительно под мирскими исконно славянскими именами. Весь период XI–XV вв. связан с параллельным сосуществованием двух имен, с постепенным вытеснением языческих исконно славянских крестильными именами греческого и древнееврейского

⁵ Подробнее о посадниках и тысяцких и их управленческих функциях см. [Янин 2003; Бассальго 2008; 2011; 2014].

⁶ Некоторые княжеские имена (Олег, Игорь, Ингварь) имели скандинавское происхождение, эти имена остаются за рамками данной работы.

происхождения [Успенский 2002: 128; Литвина, Успенский 2006: 111]. В данной работе рассматриваются только те христианские имена, которые функционируют в памятниках в качестве основных вариантов именования персонажа — как в полном, так и в гипокористическом варианте.

Полные, или канонические, варианты христианских имен были представлены в месяцесловах Евангелий как имена святых и давались людям при крещении. При этом каноническая форма имени принималась за эталон, вокруг которого сосредотачивались все производные [Суслова, Суперанская 1991: 108; Суперанская 2002: 303]. В целом христианский антропонимикон на Руси имел скорее замкнутый характер — по крайней мере, для лиц, занимающих высокую позицию в социально-общественной иерархии. Так, не всякое христианское имя, которое мог носить церковный деятель или простой горожанин, подходило для князя: круг христианских имен в княжеской среде был достаточно ограниченным (преимущественно *Дмитрий, Михаил, Юрий, Василий, Иоанн, Федор*), в силу рано установившихся почитаний конкретных родовых святых [Литвина, Успенский 2006: 136]. Поскольку в основу статьи положен сопоставительный подход, здесь рассматривались только такие христианские имена, для которых встретилась дихотомия «полный vs. гипокористический вариант / варианты» и которые функционировали в качестве основного имени по отношению к людям разных социальных статусов. К таким именам относятся, в частности, *Василий, Михаил, Д(и)митрий, Георгий*⁷.

Канонические варианты⁸ анализируемых имен брались по месяцесловам Остромирова (1056–1057 гг.) и Мстиславова (1117 г.) Евангелий (далее ОЕ и МЕ соответственно). Здесь следует оговорить некоторую разницу этих памятников с точки зрения представленного антропонимикона. Так, некоторые имена святых, фигурирующие в МЕ в полном варианте на *-ии*, в ОЕ имеют усеченную до консонантного базиса форму: «Аврам, Исак, Григор, Протас, Димитр, Сидор, Пахом и даже Евген вместо Евгений и Алекс вместо Алексий» [Лисовой 1988: 13]. Аналогичная дихотомия в нашем анализе была также обнаружена для имени *Василий / Василь*:

(8) а. Страсть святую мученику *Василю* епископу. Амасии [ОЕ, л. 271об.];

б. Стра(с) стго сѣномѣка *Василиа* еп(с)па амассиска [МЕ, стб. 196а].

Н. Н. Лисовой [Там же] трактует данную особенность как инновацию диакона Григория, переписавшего ОЕ для новгородского посадника Остромира. Однако — и, возможно, даже с большей вероятностью, — ее можно также считать и чертой, унаследованной от южнославянского протографа⁹: некоторые имена святых фигурируют в усеченном варианте уже в южнославянских месяцесловах. Так, форма *Григор* представлена уже в Саввиной книге (вариант *Глигор* фигурирует также в Ассеманиевом Евангелии), форма *Дмитр* присутствует в Саввиной книге и Супрасльской рукописи, форма *Василь* — в Супрасльской рукописи и Синайском требнике, а форма *Алекс* — в Слепенском и Охридском апостолах [SJS]. Тем не менее каноническим вариантом для данных имен все равно представляется полный вариант на *-ии*, фигурирующий не только в МЕ, но и в ряде устойчивых формул, указывающих на наречение ребенка именем святого и эксплицирующих акт крещения. Данные формулы широко представлены в летописях (9), а также в грамотах церковного содержания (10):

⁷ В тексте статьи, за исключением примеров, христианские имена по умолчанию приводятся в полном каноническом варианте в современной орфографии.

⁸ Следует оговорить, что установление канонических вариантов для некоторых христианских имен представляет собой отдельную проблему, поскольку в византийских источниках, посредством которых эти имена проникали на Русь, в них могло наблюдаться определенное варьирование, см., например, [Тохтасьев 2018]. Мы оставляем данную проблему за рамками нашей работы.

⁹ Мы благодарны за это замечание анонимному рецензенту.

- (9) Азъ худъзи дѣдомъ своимъ Ярославомъ блгблнзмъ славнзмъ наречнѣмъ въ крѣпѣи Василии [Лавр., л. 86об., *Поучение Владимира Мономаха*];
- (10) петра " ꙗла козма дѣмьана оча васильа и бориса и глѣба и вѣсѣхъ стѣхъ (906, XII в.).

Усеченные же имена святых, изредка фигурирующие в редких случаях в других памятниках, помимо возможного южнославянского происхождения, дополнительно свидетельствуют о том, что какая-либо оценочная или разговорная семантика для них не была характерна: в противном случае, такие употребления были бы вряд ли возможны в отношении святых в религиозном тексте.

Среди христианских имен, имеющих дихотомию «полный vs. гипокористический вариант», имена *Василий*, *Д(и)митрий*, *Михаил*, *Георгий* являются одними из самых частотных. Гипокористические варианты этих имен различаются в летописях и берестяных грамотах. Так, если в берестяных грамотах представлен очень широкий инвентарь суффиксальных гипокористических образований, в летописях в качестве гипокористических форм от данных имен, за исключением имени *Георгий*, выступают либо усеченные бессуффиксные варианты (*Василь*, *Дмитр*, *Михаль*), либо варианты на *-ко* (*Василько*, *Михалко*). *Георгий* функционирует несколько иначе: в летописях основной гипокористической формой от этого имени выступает фонетически редуцированная усеченная основа (*Гюрги*, *Дюрги*, *Юрьи* и др.), в грамотах, помимо нее, также представлены варианты на *-ко* (*Гюрко*, *Юрко* и др.). В литературе имя *Георгий* и его варианты широко обсуждались, и в целом можно считать, что *Юрий*¹⁰ скорее признается гипокористической формой [Литвина, Успенский 2006: 136], хотя в некоторых работах данный вопрос не разрешается столь очевидно (см., например, [Янин 2003: 108]). Анализ этого имени в контексте других христианских имен представляется возможным решением данного вопроса: если выяснится, что предположительные гипокористические образования *Юрьи*, *Дюрги* и т. д. употребляются в древнерусских памятниках по тем же законам, что и безусловные гипокористические формы типа *Михалко*, есть все основания уточнить статус первых.

Дальнейшие разделы будут посвящены основным принципам и результатам анализа употребления этих имен в древнерусских памятниках XI–XV вв., в ходе которого на основе формальных признаков проверялась общая версия об адаптивной функции данного типа гипокористик. Параллельно по памятникам прослеживались частные особенности, связанные с социальным статусом носителей анализируемых имен.

3. Христианские имена в летописях

3.1. Полные формы имен: социальный статус носителей в диахронической перспективе

Анализ христианских имен в трех древнейших древнерусских летописях позволил выявить четкую эволюцию, связанную с употреблением полных форм имен в отношении разных людей. Так, если в самых ранних памятниках полные формы христианских имен фигурируют только в отношении святых и духовных лиц, то с течением времени они расширяют сферу своего использования и постепенно распространяются на светских лиц (первоначально — князей, но затем и других лиц, по умолчанию с более высоким социальным статусом). В диахронической перспективе у полных имен можно выделить два типа носителей: 1) лица, в отношении которых канонические формы имен употребляются

¹⁰ Имя представлено в современной передаче; в древнерусских источниках данная форма не имеет конечного двойного *-иш* (*Юрьи*, *Гюрги*, *Дюрги* и др.), в связи с чем может считаться усеченной.

последовательно в период с XI по XV в., а гипокористики не встречаются в принципе; 2) лица, в отношении которых полные формы имен начинают употребляться нерегулярно и не сразу, зачастую чередуясь с гипокористиками. Следует оговорить, что некоторое тонкое фонетическое варьирование в полных именах наблюдается даже для первой группы лиц — так, в них можно было встретить варианты *Василии* и *Василеи*, *Димитрии* и (существенно чаще) *Дмитрии*. Тем не менее все данные формы качественно отличались от морфологических гипокористических дериватов, в силу чего в рамках данной статьи они были объединены в одну выборку.

К лицам первой группы, последовательно фигурирующим в памятниках под полными вариантами христианских имен, относятся следующие.

— Иностранцы по происхождению (преимущественно византийцы с высоким статусом в социальной иерархии)¹¹:

- (11) *хочю имѣти миръ и свершену любовь со всакомъ и великимъ црѣмъ Гречьскимъ . съ Васильемъ* [император Василий II Болгаробойца. — *Е. Б.*] и *Константиномъ* [Лавр., л. 54 за 1059 г.];
- (12) *Въ лѣтѣ 6366 Михаилъ црѣ* [император Михаил III. — *Е. Б.*] *изиде с вои брегомъ и моремъ на Болгары* [Лавр., л. 7 за 858 г.];
- (13) *Глѣтъ Гевургии* [византийский монах Георгий Амартол, автор «Хроники Георгия Амартола». — *Е. Б.*] *в лѣтописаньи нбо комуждо ѡзъязыку ѡвѣмъ исписанъ законъ есть другимъ же обычаи зане [законъ] безаконникомъ ѡтчествиѣ мнитсѣ* ‘Глаголет Георгий в летописании: у каждого народа есть либо письменный закон, либо обычаи, который тот, кто не знает закона, соблюдает как предание отцов’ [Лавр., л. 5 об.];
- (14) *ваше ѡтрокъ съ родомъ сѣмъ Оугърскъ именемъ Гевурги* ‘Был этот отрок родом венгр, по имени Георгий’ [Лавр., л. 46 за 1015 г.].

— Святые:

- (15) *Изаславъ же постави манастиръ сѣгаго Дмитриа* [Лавр., л. 54 за 1059 г.];
- (16) *на томъ холмѣ нынѣ црѣки есть сѣго Василиа* [Ипат., л. 30 об. за 980 г.];
- (17) *в се же лѣтѣ сѣна быѣ црѣкви сѣго Михаила* [Ипат., л. 77 об. за 1090 г.];
- (18) *Томъ же лѣтѣ сзрубиша церковь нову святого Въздвигения и святого Василиа и святого Дмитриа Ноздрьцину* [НПЛ ст., л. 55 об. за 1196 г.].

— Русские князья в контексте устойчивых крестильных формул (по сути, соответствуют именам святых по месяцеслову МЕ):

- (19) *Азъ хуѡдзи дѣдомъ своимъ Ърославомъ . блгѡсванымъ славнымъ наречѣмъ въ крѣпѣи . Василии* [Лавр., л. 86 об. за 1096 г., *Поучение Владимира Мономаха*];
- (20) *Тогожъ лѣтѣ . родисѣ оу блгѡвѣрнаго и хрѡлюбиваго княза Всеволода сѣа Гюргева внука Володимера Мономаха сѣмъ ... и наречѣмъ въѣс в сѣмъ крѣпѣи Дмитрии* [Лавр., л. 139 об. за 1194 г.].

¹¹ От этой тенденции встретилось два отклонения (мы благодарны за указание на них анонимному рецензенту): в «Повести о взятии Царьграда» [НПЛ ст. за 1204 г.] византийский император Алексей III Ангел последовательно упоминается как Олекса; кроме того, в [НПЛ ст. за 1186 г.] упоминается «цесарь гръцкыи Алекса Мануиловицъ» (л. 46 об.). В качестве возможного объяснения этих форм можно предположить, что византийские императоры конца XII — начала XIII в. (кризисный период, предшествующий захвату Константинополя крестоносцами) воспринимались на Руси уже не так, как правители X–XI вв. Кроме того, известно, что упомянутый в летописи *Алекса Мануиловиц*, согласно историческим данным, в действительности являлся самозванцем, а не настоящим императором Алексеем II Комниным [Карпов 2017].

— Духовные лица с высоким социальным статусом (архиепископы, митрополиты, игумены; преимущественно не простые монахи):

- (21) Митрополитъ же тогда | въ Гевурги еписъ Петръ Переяславскыи. [Михаилъ Гоургевскыи] Феодосии же игуменъ Печерскыи . Содоунии стаѣ Михаила игуменъ . Германъ игуменъ стаѣ Сѣса Никола игуменъ Переяславскыи [Лавр., л. 60 об. за 1072 г.].

С течением времени христианскими именами начали называть и светских лиц. Однако это распространение проходило постепенно. Промежуточным этапом в данной эволюции, по многочисленным внешним признакам, как раз служили гипокористические варианты.

3.2. Гипокористики как промежуточное звено в заимствовании христианских имен

Согласно данным летописей, традиция именования светских персонажей полными христианскими именами стала конечным этапом адаптации этих имен в древнерусском языке. Изначально данные формы имен употреблялись только в отношении узкого круга греков по происхождению, церковных деятелей и святых (см. раздел 3.1), однако затем начали употребляться и в отношении древнерусских светских лиц — изначально в гипокористическом варианте, а затем и в полном. Гипотеза Литвиной и Успенского о том, что одной из функций христианских гипокористик являлась адаптация иноязычного антропонимикона, получила, таким образом, подтверждение. Основанием для того, чтобы констатировать промежуточный характер гипокористических вариантов христианских имен в общей диахронической перспективе (см. таблицу 1), стали многочисленные формальные признаки.

Таблица 1

Дистрибуция полных и гипокористических вариантов христианских имен в древнерусском языке в диахронической перспективе

	Этап 1 (ориентировочно до XII в.)	Этап 2 (XII–XIV вв.)	Этап 3 (XV в.)
Имена святых, духовных лиц, византийцев по происхождению, крестильные формулы	Полные формы (<i>Василий, Михаил</i>)	Полные формы (<i>Василий, Михаил</i>)	Полные формы (<i>Василий, Михаил</i>)
Имена светских лиц с высоким социальным статусом	— (преимущественно исконно славянские имена)	Гипокористические формы (<i>Василько, Михалко</i>) → полные формы (<i>Василий, Михаил</i>)	Полные формы (<i>Василий, Михаил</i>)

Среди внешних признаков, отражающих промежуточный адаптивный характер гипокористических христианских имен, можно выделить: 1) преимущественно гипокористические имена у князей XI–XII вв., в противоположность их потомкам; 2) параллелизм гипокористических и полных форм в ранних и поздних фрагментах одного и того же текста; 3) именование одного и того же персонажа гипокористическим именем в начале произведения и переход к полной форме в более поздних фрагментах. Ниже эти признаки будут рассмотрены подробнее.

3.2.1. Гипокористические имена князей XI–XII вв. и их эволюция

По данным трех анализируемых летописей обнаруживается, что все князья XI–XII вв., последовательно фигурирующие в летописях под христианскими именами, носят их исключительно в гипокористическом варианте. При этом, как правило (об исключениях см. ниже), в отношении одного человека последовательно употребляется одна и та же гипокористическая модель. Наиболее ярко эта закономерность прослеживается на примере имен *Василий* и *Михаил*: до середины XIII в. все князья, крещенные этими именами, фигурируют в летописях исключительно под гипокористическими вариантами *Василько* и *Михалко*, и лишь с середины XIII в. появляются первые князья (Василий Всеволодович и Михаил Черниговский соответственно), последовательно фигурирующие в летописях под каноническими вариантами этих имен. При этом эволюция носит четкий односторонний характер: если имя какого-либо из князей начинает последовательно фигурировать в каноническом варианте, впоследствии все остальные князья в летописи тоже носят этот вариант имени. Хронологический путь этой эволюции представлен ниже схематически, для конкретных летописных князей (имена первых князей, последовательно фигурирующих под полными вариантами своих крестильных имен, выделены полужирным):

(22) а. *Василько* → *Василий*:

Василько Теребовльский (ок. 1066–1124) → Василько Леонович (не позднее 1117–1135) → Василько Ярополкович (?–1171) → Василько Юрьевич (после 1161) → Василько Романович (1203–1269) → ... → **Василий** Всеволодович (не позднее 1229–1249) [Лавр., 1239, л. 164] → Василий Новгородский (1230-е — 1271) (1255, Лавр., НПЛ ст. и мл.);

б. *Михалко* → *Михаил*:

Михалко Вячеславич (?–1129) → Михалко Юрьевич, сын Юрия Долгорукого (ок. 1145/1153–1176) → ... → **Михаил** Всеволодович Черниговский (1176–1246; впервые появляется в [Ипат., 1224, л. 252]) → Михаил Хоробрит (1229–1248) → Михаил Тверской (1272–1318).

Данные этапы прослеживаются и на примере имени *Георгий* / *Юрий*. Первый князь, крещенный и последовательно фигурирующий в ряде контекстов под именем *Георгий*, — это Юрий Долгорукий (1090-е — 1157). Изначально в Лаврентьевской летописи он называется именем *Гюрги* / *Юрги* / *Дюрги* (23) и лишь впоследствии именуется *Георгием* (24–25). По сути, ранний промежуточный гипокористический этап здесь сводится к периоду жизни одного лица (об особенностях этого имени еще будет сказано ниже):

(23) и поа Володимеръ за Юргѣ Аспину дщерь . Всеневу внуку . а Улгъ поа за сѣа . Аспину дщерь Гиргеневу внуку [Лавр., 1107, л. 95];

(24) Ярославъ ходи на Половци за Донъ . и не вбрътъхъ ихъ воротиса впатъ и Геурги братъ его ходи на Болгары [Лавр., л. 97 за 1120 г.];

(25) В лѣто 6628 Георгии Володимеричъ ходи на Болгары . по Волзѣ [Ипат., л. 106 об. за 1120 г.].

Что касается христианского имени *Димитрий* (*Дмитрий*), то до XIII в. князей с таким именем в летописях нет. Можно предположить, что, если бы такой князь был, его имя могло бы фигурировать в варианте со слабым усечением и/или дополнительной фонетической редукцией корня, по аналогии с именем *Георгий* (гипокористические дериваты на *-ко* от имен с консонантным базисом на двойной согласный древнерусскому языку не были свойственны [Зализняк 1986: 146 и сл.]). Первые князья, последовательно фигурирующие в летописях под именем *Дмитрий* (сразу в полном варианте), появляются в НПЛ ст.

в описании событий середины XIII в. Первым Дмитрием является князь Дмитрий Александрович, сын Александра Невского. Данное княжеское имя появляется одновременно с именами *Михаил* и *Василий* у князей:

- (26) В лѣто 6767. Бысть знамение в лунѣ, яко ни знаменія не бысть.. а князь Олександръ побѣхъ послаѣ, посадивъ сына своего Дмитрія на столѣ. [НПЛ ст., л. 137 за 1259 г.];
- (27) Того же лѣта, въ осенинѣ, идоша новгородци съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ великимъ полкомъ подъ Юрьевъ [НПЛ ст., л. 138об. за 1262 г.].

Имя *Георгий* в этом контексте заслуживает отдельного рассмотрения. В отличие от остальных христианских имен, после некоторого колебания в период первой половины XII в., у этого имени в отношении светских лиц со временем начинает доминировать не каноническая (*Георгий*), а усеченная форма (*Юри*). Фактически колебание приходится на самого первого обладателя данного имени (Георгий–Юрий Долгорукий) и завершается «победой» усеченного варианта, который становится основным для всех последующих князей с этим именем (в частности, для князя Юрия Всеволодовича (1188–1238), сына Всеволода Большое Гнездо). В качестве объяснения можно предположить, что модель с более слабым усечением корня (не до консонантного базиса) в принципе не воспринималась носителями в одном ряду с морфологическими дериватами на *-ко*, которые изначально по крайней мере в некоторых случаях все же имели некоторую дополнительную семантику уменьшительности. Со временем эта семантика стала более четко ассоциироваться с моделями на *-ко*, что дополнительно способствовало вытеснению данных форм полными в немаркированных контекстах для князей. Модели же типа *Гюрги*, со слабым фонетическим усечением основы, могли изначально функционировать как своего рода «гипокористикоиды», последовательно употребляясь в отношении светских лиц, тогда как для церковных лиц функционировала форма *Георгий*. Однако в отличие от дериватов на *-ко*, подобные формы не развивали уменьшительной семантики и со временем, наоборот, начинали восприниматься как универсальный нейтральный вариант имени для светских лиц (первоначально — князей).

3.2.2. Параллелизм полных и усеченных форм в идентичных фрагментах текста

Второй особенностью, отражающей «промежуточный» характер гипокористических вариантов христианских имен в контексте общей эволюции, является параллелизм вида «полная форма / усеченная форма» в практически идентичных с текстологической точки зрения фрагментах Ипат. и Лавр., а также старшего и младшего изводов НПЛ. В этих фрагментах, в остальном практически полностью совпадающих, в Лавр. и НПЛ ст. представлены гипокористические формы имен, тогда как в Ипат. и НПЛ мл. — их канонические варианты. При этом случаев, когда в Лавр. представлен полный, а в Ипат. — гипокористический вариант того же самого имени в аналогичном по содержанию фрагменте, в ходе анализа не встретилось. Можно предположить, что данная особенность косвенно подтверждает хронологически более позднюю версию списка Ипат. по сравнению с Лавр., а также НПЛ мл. по сравнению с НПЛ ст.

Ниже эту особенность можно увидеть на примере именовании конкретных персонажей. Всего, по данным летописей, их было найдено семь — три князя, два посадника и два рядовых горожанина, см. (28–34). Можно констатировать, что в XII–XV вв. эволюция имен-названия затронула, таким образом, все слои населения:

- Князь Василько Теревольский (первый князь, носящий в летописи данное христианское имя): в Лаврентьевской летописи он фигурирует исключительно под именем

Василько, однако в более позднем Ипатьевском списке в одном из контекстов назван *Васильем*:

- (28) а. в се же лѣто воеваша Половци Лахъзѣ с Василькомъ Ростиславичемъ [Лавр., л. 71об. за 1092 г.];

б. в се же лѣтѣ воеваша Половцѣ Лахѣ с Васильемъ Ростиславичемъ [Ипат., л. 79об. за 1092 г.].

— Князь Михалко Вячеславич: в Лаврентьевской летописи — всегда *Михалко*, тогда как в Ипатьевской в одном из контекстов — *Михаило*:

- (29) а. В то же лѣтѣ престависа Михалко Вячеславичъ [Лавр., л. 100 за 1129 г.];

б. В се же лѣто престависа Вячеславичъ Михаилъ внукъ Володимерь [Ипат., л. 109 об. за 1130 г.].

— Князь Михалко Юрьевич (аналогичная дистрибуция):

- (30) а. Михаилко же приѣхъ Володимерю [со братыиъ своимъ Всеволодыиъ] да городъ стое Бѣи [Лавр., л. 127об. за 1176 г.];

б. и вниде Михаилъ въ городъ къ стѣи Бѣи [Ипат., л. 212 за 1176 г.].

— Василий, посадник князя Святополка Изяславича (Василь в Лавр., Василий в Ипат.):

- (31) а. Мстиславъ сѣвонецъ его стѣша же и Путата приаеа градъ и посадиа посадника стѣполча Василя [Лавр., л. 91об. за 1096 г.];

б. Мстиславъ сѣвонецъ его стѣоша и Путата Перенаеа городъ и посадиа стѣполча Василя посадиа [Ипат., л. 93 об. за 1097 г.].

— Дмитрий Завидич, новгородский посадник: в НПЛ ст. в одном из контекстов (отчество дочери) фигурирует под именем *Дмитр*, в аналогичном контексте НПЛ мл. — Дмитрий:

- (32) а. Тѣмъ же лѣтѣ оженися Мстиславъ Киевѣ, поя Дмитровну Новѣгородѣ Завидици. [НПЛ ст., л. 10–10об. за 1122 г.];

б. В томъ же лѣтѣ оженися Мстиславъ в Киевѣ, поя Дмитриевну в Новѣгородѣ Завидовици [НПЛ мл., л. 100 об. за 1122 г.].

— Василий, владимирец, участвовавший в ослеплении Василька Теребовльского: в Ипатьевской летописи он в одном из контекстов назван *Васильем*, тогда как в Лаврентьевской — *Василь*:

- (33) а. Дѣдъ же пославъ приведе Василя [Лавр., л. 90 за 1097 г.];

б. Дѣдъ же пославъ приведе Василя [Ипат., л. 92 за 1097 г.].

— Михаил, киевлянин, свидетель убийства князя Игоря Ольговича (*Михаль* в Лавр., *Михаил* в Ипат.):

- (34) а. Михаль же видѣвъ то ескочи с кона хота помочи Володимеру [Лавр., л. 106 за 1147 г.];

б. Михаилъ же видѣ то и скочи с кона хота помочи Володимироу [Ипат., л. 129 за 1147 г.].

Анализируя примеры (28–34), можно предположить, что у более поздних переписчиков полные христианские имена уже не ограничиваются тем кругом лиц, как это было на раннем этапе. В силу этого в более поздних памятниках они могли употребляться на месте более ранних гипокористических форм (которые, возможно, в более позднее время уже

стали развивать дополнительную семантику уменьшительности — прежде всего, это относится к моделям на *-ко*, см. раздел 3.3). С этой точки зрения схожую эволюцию обнаруживает употребление имени *Георгий*: в одном из контекстов Лаврентьевской летописи князь Юрий Долгорукий фигурирует под именем *Юрги*, тогда как в Ипатьевской летописи — *Гергий* (фонетический вариант имени *Георгий*):

- (35) а. и под Володимеръ за Юрга Аспину дщерь Весеневу внуку [Лавр., л. 95 за 1107 г.];
б. и под Володимеръ за Гергина Спиппину дщерь Асѣну внука [Ипат., л. 97об. за 1107 г.].

3.2.3. Первое vs. последующие упоминания одного и того же персонажа

Третьей особенностью, косвенно подтверждающей более ранний статус гипокористических христианских имен светских лиц (преимущественно князей), по сравнению с полными вариантами, является тот факт, что в последующих упоминаниях одного и того же человека в конкретном памятнике вместо прежнего гипокористического варианта имени иногда может фигурировать полный вариант. В частности, князь Юрий Долгорукий в Лаврентьевской летописи впервые появляется под именем *Гюрги* (36), однако в более поздних упоминаниях (см., в частности, (24)) он иногда именуется *Георгием*.

- (36) и Гюргева мѣи оумре [Лавр., л. 82, Поучение Владимира Мономаха]

Схожим образом обстоит ситуация с князем Василько Теребовльским в Ипатьевской летописи: изначально он упоминается в гипокористической форме, однако позднее автор называет его полным именем (28б).

Все эти формальные особенности подтверждают гипотезу о промежуточном гипокористическом этапе адаптации христианских имен в древнерусском языке и уточняют ее путь на примере эволюции полных канонических форм¹².

3.3. Гипокористические имена и социальный статус

Прежде чем перейти к анализу семантики гипокористических имен в памятниках XI–XV вв., отметим, что в более позднее время (XVI–XVII вв.) данные формы имен уже имеют четко выраженную социальную прагматику, связанную с более низким социальным статусом носителя, и последовательно фигурируют, в частности, в челобитных¹³. Анализируемые нами памятники написаны в домонгольский период, когда данная функция еще не является отличительной чертой гипокористических форм — однако прослеживаются некоторые предпосылки для ее формирования.

¹² Анонимным рецензентом было высказано предположение, что подобная эволюция в контексте именования персонажей может быть отражением того, что первоначально даже князья воспринимались как лица заведомо более низкого статуса по сравнению со своими святыми тезками, а последующие именования князей полными именами свидетельствуют об изменении подобного отношения к ним. Однако, с нашей точки зрения, нет оснований считать, что статус князя в достаточно короткий период XII–XIII вв. претерпел какие-либо существенные изменения: подобную эволюцию можно предполагать скорее для более позднего периода XIV–XV вв., связанного с централизацией русских земель, но не для XII — начала XIII в.

¹³ Ср. челобитную формулу 1667 г.: *Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу, бѣет челом холоп твой Васька Шорин* (РГАДА, ф. Посольский приказ, Сношения России с Персией, 1667 г., № 2, л. 53), *Васька* — Василий Шорин, именитый купец XVII в., отстаивающий интересы московских предпринимателей в борьбе с иностранцами.

Так, в ряде случаев можно полагать, что помимо характерной нейтрализующей функции в контексте заимствования христианских имен гипокористические формы (в частности, морфологические дериваты на *-ко*) иногда имели дополнительную семантику уменьшительности, которая со временем приобрела более отчетливый характер. Именно этим может объясняться тот факт, что формы на *-ко* в отношении князей со временем были вытеснены полными именами, тогда как в дихотомии *Георгий / Юрий* победила форма *Юрий*. В процессе адаптации иноязычного именослова эта форма несла ту же функцию, что и варианты на *-ко*, а также усеченные до базиса формы типа *Василь*, однако ни с какой дополнительной уменьшительной семантикой, в отличие от последних, по-видимому, не ассоциировалась и поэтому со временем стала восприниматься как немаркированный вариант имени.

Эта гипотеза требует более детального исследования природы предположительной уменьшительной семантики форм на *-ко*. Очевидно, в этом случае вряд ли можно говорить о какой-либо ласкательной или уничижительной семантике; корреляций с возрастом персонажа или чисто стиливыми особенностями здесь также не просматривается — исследуемые персонажи могут быть и молодыми, и старыми; контекст их упоминания также может быть любым. Так, гипокористические формы, как и полные, свободно употребляются с эпитетами типа «великий», «благодарный» и т. д.:

- (37) Тогожъ лѣтъ прѣстависа бл҃говѣрныи князь Гюрги Володимирѣчъ в Къіевѣ [Лавр., л. 116об. за 1157 г.];
- (38) Прѣстависа бл҃говѣрныи и х҃столюбивѣи князь Михалко . сѣъ Гюргевъ . внукъ Мономаха Володимера [Лавр., л. 128–128об. за 1177 г.];
- (39) Прѣстависа Володимеръ Гл҃бѣовичъ Переяслави внукъ великаго князя Гевургина [Лавр., л. 137об. за 1188 г.];
- (40) Тое же зимы ѡ жени великыи князѣ Гюрги сѣъ Всеволожѣ снѣвца своего Василка Костантиновича... и вѣнчанъ бѣи бл҃городныи князѣ Василко с своею княгинею в цркви сѣъна Бѣа бл҃говѣщенъа. И вниде х҃столюбивыи князѣ Василко в свои Ростовъ с своею княгинею [Лавр., л. 155 за 1223 г.];
- (41) Заложена бѣи цркви камена на Тѣфри бл҃говѣрныи княземъ Миханоломъ и мѣръю его Ѡдѣиньсю [Лавр., л. 170об. за 1285 г.].

С учетом этих данных, а также особенностей более поздних памятников, можно предположить, что если некая семантика уменьшительности у гипокористических форм имен XI–XV вв. все же имела место, то она могла проявляться в контексте социального статуса исследуемого лица [Литвина, Успенский 2006: 137]. В этой связи следует еще раз остановиться на типах обнаруженных гипокористических моделей. По летописям таковых прослеживается три: 1) модели с усечением основы до консонантного базиса (*Дмитр*, *Михаль*, *Василь*); 2) модели с усечением основы и одновременным добавлением суффикса *-ко* (*Михалко*, *Василько*); 3) модели со слабым усечением основы и дополнительными фонетическими преобразованиями корня (*Гюрги* / *Дюрги* / *Юрьи*). Других гипокористических моделей, широко представленных в древнерусских источниках и описанных в [Зализняк 1986: 146 и сл.] в летописях фактически не встретилось: единственный персонаж, именуемый гипокористическим христианским именем, образованным по иной модели, — посадник *Гюрята* (Гюрата). Можно предположить, что исключительный характер этой модели в летописях обусловлен фонетическими особенностями гипокористического базиса исходной формы — он является односложным и оканчивается на одиночный согласный. В других случаях модель на *-ята* непродуктивна, поскольку базис либо двусложный, либо имеет на конце два согласных (*Дмитр-*).

С точки зрения взаимосвязи между типами обнаруженных гипокористических моделей и социальным статусом персонажа прослеживается дифференциация: князья vs. остальные лица. Наиболее четко это можно видеть на примере моделей с усечением основы

до консонантного базиса: по отношению к князьям такие формы никогда не используются, однако в отношении же других лиц (в том числе — посадников и тысяцких, которые являлись «вторыми» лицами после князя) они употребляются свободно. Примеры лиц, для которых по данным летописей с той или иной степенью уверенности можно вычислить приблизительную ступень в социальной иерархии и в отношении которых периодически употребляются усеченные гипокористические модели типа *Дмитр*, *Василь*, *Михаль*, можно видеть ниже:

— Посадники:

- (42) Тогда же отъязша посадничество у Михалка и даша Дмитру Мирошкиницу [НПЛ ст., л. 72 за 1205 г.]

— Тысяцкие:

- (43) Мьстиславъ бо бѣ со всеми князьми Роускъими и Черниговскъими и посла Дмитра Мирослава Михалка Глѣбовича противу имъ к Городкоу [Ипат., л. 249об. за 1213 г.]

— Воеводы:

- (44) начаша стрѣлати въ плечи ему и много изоимаша дружины вколо его яша Дмитра Хороброго и Влехсу Дворьского [Ипат., л. 194об. за 1187 г.]

— Рядовые монахи (однако иногда по отношению к ним употребляются и полные имена, по-видимому, из-за близости к церкви; моделей на *-ко* в качестве имен монахов не встретилось):

- (45) реч имъ старецъ камо идете и речъ съда на свиньи бѣсъ по Михалла по Тольбековича [Лавр., л. 64об. за 1074 г.]

— Персонажи, чей точный статус и общественное положение неизвестно, см. также (34а):

- (46) да се Василию шлю тѣ [Лавр., л. 89 за 1097 г.]

Что касается моделей на *-ко*, то по умолчанию они могли употребляться в отношении любых лиц, включая князей. Дистрибуция этих моделей в зависимости от конкретного социального статуса еще требует дальнейших исследований, однако по данным летописей можно констатировать, что между двумя распространенными моделями (модели на *-ко* vs. модели с усечением основы до базиса) периодически прослеживается корреляция с более высоким и более низким социальным статусом персонажа соответственно. Наиболее четко это наблюдается на примере биографии конкретного человека. Так, в НПЛ ст. изначально фигурирует новгородец *Михаль* (47), который в дальнейшем становится посадником и начинает именоваться *Михалко* (48):

- (47) Томъ же лѣтъ постави церковь нову Михаль Степаниць святого Миханла [НПЛ ст., л. 41 за 1176 г.];

- (48) Томъ же лѣтъ прѣставися Мирошышка, посадникъ новгородскыи, постригъся у святого Георгия; и по томъ даша посадничество Михалку Степаницю [НПЛ ст., л. 64 за 1203 г.].

Со временем и формы на *-ко*, и усеченные формы постепенно вытесняются каноническими христианскими именами (в частности, новгородские посадники XV в. в НПЛ мл. уже в основном именуются полными вариантами имен). Обратной эволюции не происходит — модели типа *Михаль*, *Василь* никогда не начинают употребляться в отношении князей.

В целом взаимосвязь между христианским имянаречением и социально-общественным статусом персонажа в диахронической перспективе можно проиллюстрировать таблицей 2.

Таблица 2

**Имянаречение персонажей с различным социальным статусом
в диахронической перспективе (XI–XV вв., летописи)**

	Этап 1 (ориентировочно до XII в.)	Этап 2 (XII–XIV вв.)	Этап 3 (XV в.)
Князья	— (преимущественно исконно славянские имена)	Гипокористические формы на <i>-ко</i> (<i>Василько</i> , <i>Михалко</i>) / полные формы (<i>Василий</i> , <i>Михаил</i>)	Полные формы (<i>Василий</i> , <i>Михаил</i>)
Остальные лица	— (преимущественно исконно славянские имена)	Гипокористические формы на <i>-ко</i> (<i>Василько</i> , <i>Михалко</i>) / гипокористические усеченные формы (<i>Василь</i> , <i>Михаль</i>)	Полные формы (<i>Василий</i> , <i>Михаил</i>) / гипокористические формы на <i>-ко</i> (<i>Василько</i> , <i>Михалко</i>) / гипокористические усеченные формы (<i>Василь</i> , <i>Михаль</i>)

4. Христианские гипокористики в берестяных грамотах

4.1. Общие сведения

В рамках нашего исследования берестяные грамоты были проанализированы для подтверждения и уточнения роли гипокористических форм, прослеженных по летописям. Полученные данные грамот подтвердили диахроническую эволюцию в сфере имянаречения: если в ранних грамотах до XIII в. полные имена употребляются только в контекстах церковного содержания, то в поздних (XIV–XV вв.) они существенно расширяют сферу своего использования и массово употребляются по отношению к различным светским лицам. При этом в берестяных грамотах речь уже практически никогда не идет о князьях. В связи с этим данные грамот отражают и уточняют другой частный случай эволюции христианских имен, а именно — их употребление в отношении не-князей. С хронологической точки зрения берестяные грамоты позволяют более точно судить о времени становления полных имен в качестве немаркированных, поскольку летописи были написаны значительно позже излагаемых событий.

Несмотря на более обширный инвентарь словообразовательных суффиксов, преобладающей моделью христианских гипокористических форм в берестяных грамотах является модель с усечением основы (*Михаль*, *Василь*), изредка чередующаяся с моделью на *-ко*, что коррелирует с социально-общественным статусом и положением героев, в той мере, насколько его можно установить по косвенным данным, поскольку точный статус упоминаемых персонажей зачастую неизвестен. Учитывая общую эволюцию христианского имянаречения (от гипокористик — к полным именам), интерес представляет время соответствующего перехода. Ниже хронология этого процесса будет описана более подробно.

4.2. Хронология употребления гипокористических форм по берестяным грамотам (на примере исследуемых имен)

С точки зрения особенностей христианского имянаречения в берестяных грамотах выделяется два периода — XI–XIII и XIV–XV вв.

В ранних грамотах XI–XIII вв. полные христианские имена (*Василий, Михаил, Георгий, Дмитрий / Димитрий*) употребляются только в текстах церковного содержания (поминания, заказы на иконы, литургические формулы и др.), а также в отношении святых и лиц, близких к церкви:

(49) петра ꙗ ꙗ козма дьмьана : оча васильа : и бориса и гльба : и свѣхъ (ДБГ 906, кон. XI в.);

(50) на ржьство бѣѣ : на възвижень крѣта : лоуѣзи : дьмитрю : коузмѣ дьмьа : миѣила и гаври филипа : врѣварѣ (ДБГ 913, кон. XI в.);

(51) петре евана : маримина : ана : георегия : дедоръ прокопия оводокиа ев[а]на... (ДБГ 506, XII в.).

В этих контекстах, как и в летописях, полные имена стабильно употребляются и в более позднее время:

(52) у попа у миѣили возми поло ру[б]ла (ДБГ 260, XIV в.).

В грамотах же нецерковного содержания вплоть до середины XIV в. в отношении обычных людей употребляются преимущественно модели с усечением (*Василь, Михаль; Дмитр*):

(53) (ѡ) петра кѣ василеви вѣдди б коуѣнъ и гривьноу вѣшатѣ (ДБГ Ст. Р. 15, XII в.);

(54) (сѣ)[л]алъ дѣмитръ грамотоу ...(кѣн)ажю (ДБГ 839, XII в.).

Модели же с усечением основы и добавлением суффикса *-ко* в христианских именах за этот период фактически отсутствуют и впервые встречаются только в грамотах XIV в. Аналогичная хронология прослеживается для анализируемых полных имен: в отношении светских лиц в грамотах до XIV в. они не встречаются. Период, когда рядовые горожане постепенно начинают фигурировать под полными именами (а также гипокористическими христианскими именами на *-ко*), в грамотах приходится приблизительно на середину XIV в. (*Василий*) — начало XV в. (*Михаил*). При этом по умолчанию полные формы имен обозначают зажиточных и/или высоко стоящих в общественной иерархии людей: в (55) Василий является продавцом деревни, в (56) речь идет о новгородском боярине Михаиле Юрьевиче, сыне посадника Юрия Онцифоровича [Янин 1981: 12–20]:

(55) се купило миѣало у кнѣз великого бороце у василиа одреана кузнеца и токову и островну и ротковици кодраца и ведрово (ДБГ 318, XIV в.);

(56) целовитые ѡ сергина з братыи изъ рагуилова гнѣу миѣили юрьевичу (ДБГ 297, XV в.).

При этом любопытно, что форма *Дмитрий* в отношении обычных людей в грамотах так и не появляется, а гипокористический вариант *Дмитр* употребляется даже в отношении святого Дмитрия (последнее характерно также и для ОЕ):

(57) дмитра огафее ивана настасиа акова оводѣе . микитѣ . ивана . костана . патрикия . варварѣ . сергѣа . максима . федору . михѣа . озарее (ДБГ Смол. 10, XIII в., церковное поминание).

Таким образом, по данным берестяных грамот, относительно четко эволюция прослеживается для имен *Михаил* и *Василий*. О других именах можно судить только на основании косвенных данных, однако в целом грамоты позволяют более точно судить о хронологических рамках всего процесса. Так, до XIV в. анализируемые полные христианские имена

фигурируют только в отношении святых и/или в грамотах церковного содержания (поминовения, заказы на иконы и др.); с XIV–XV вв. они начинают употребляться в отношении знатных лиц (бояр и др., предположительно имя *Василий* начинает употребляться раньше, чем *Михаил*), наряду с гипокористическими формами на *-ко* и усеченными формами. Учитывая, что в отношении князей этот процесс, по-видимому, стартовал раньше, чем для бояр и посадников, предположительное время его начала можно отнести к XII–XIII вв. При этом скорость, с которой распространялись полные варианты имени в отношении лиц с различным социальным статусом, могла различаться в зависимости от конкретного имени.

Заключение

В статье исследовалась предположительная адаптационная функция гипокористических форм в общем процессе заимствования иноязычного христианского именослова. Для этого был произведен поэтапный хронологический анализ наиболее распространенных христианских имен в полном и гипокористическом варианте в летописях и берестяных грамотах. Анализ подтвердил, что изначально (до XIII в.) ряд христианских имен в отношении светских лиц действительно фигурировал преимущественно в гипокористическом варианте (*Василько Теребовльский*, *Михалко Ярославич* и др.), тогда как полные формы употреблялись только в качестве имен святых, статусных византийцев и духовных лиц, а также в крестильных формулах. С течением времени данная особенность размывается, и приблизительно к XIII в. полные формы начинают употребляться в отношении князей, а в XIV–XV вв. — и других светских лиц, причем чем выше было положение лица в общественной иерархии и/или его социальный статус, тем больше была вероятность именования его полной формой имени. Окончательное вытеснение гипокористических форм в качестве социально немаркированного варианта имени для князей приходится на XIV–XV вв., для остальных лиц — несколько позднее.

Отдельно была исследована взаимосвязь двух наиболее частотных моделей гипокористических имен с общественным положением конкретного лица. Анализ показал, что лица с наиболее высоким социальным положением (князья) преимущественно именовались либо полными именами (приблизительно с XIII в.), либо гипокористиками на *-ко* (более ранние этапы). Лица, стоящие ниже в общественной иерархии, по умолчанию именовались либо усеченными бессуффиксными формами типа *Дмитр*, *Василь*, *Михаль*, либо формами на *-ко* (*Василько*, *Михалко*), при этом формы на *-ко* при прочих равных употреблялись в отношении лиц, занимающих более высокое общественное положение по сравнению с теми, кто фигурировал под усеченными именами. Эта иерархия прослеживается и среди церковных деятелей, среди которых присутствуют только два варианта имянаращения — полные формы в отношении архиепископов и митрополитов (*Георгий*, *Михаил* и др.) и усеченные в отношении простых монахов (*Михаль*), при этом варианты на *-ко* не встречаются совсем.

Кроме того, в ходе работы был уточнен статус формы *Гюр(ь)гу / Юр(ь)гу* в соотношении с полным именем *Георгий*. Анализ показал, что об этих формах можно говорить как о своего рода «гипокористикоиде», причем и с морфологической точки зрения (более слабое усечение основы, не до консонантного базиса, как у других форм), и с функциональной. Так, формы *Гюр(ь)гу / Дюрди / Юр(ь)гу* тоже используются с целью адаптации иноязычного именослова и разграничения церковных деятелей и светских лиц на раннем этапе (XII в.), однако, в отличие от гипокористик на *-ко* и усеченных до консонантной основы форм, они не развивают дополнительной семантики, связанной с более низким социальным статусом. Со временем именно эти формы начинают восприниматься как немаркированные варианты имени светских лиц (князья Юрий Долгорукий, Юрий Всеволодович, новгородский посадник Юрий Онцифорович и др.), тогда как для церковных

деятелей на протяжении всего рассматриваемого периода последовательно употребляется форма *Георгий*.

Данную особенность можно рассматривать как своего рода звено в общем процессе вытеснения архаической модели двуименности (нехристианское имя + крестильное христианское имя) одноименностью или христианской двуименностью (христианское + христианское имя) в истории древнерусского имянаречения [Литвина, Успенский 2006]. Так, если в период XI–XIII вв. князья преимущественно имели два имени (*Ярослав Мудрый*, в крещении *Георгий*; *Владимир Мономах*, в крещении *Василий*; *Ростислав Мстиславич*, в крещении *Михаил*), то в XV в. они уже имеют, как правило, только одно, крестильное, имя, последовательно фигурирующее в памятниках в своей полной канонической форме (*Василий I*, *Василий II*, *Дмитрий Шемяка* и др.) или два христианских имени (*Иван III*, в крещении *Тимофей*). Число людей, у которых вообще нет нехристианских имен, к концу XV в. возрастает (сначала это князья и знать, затем остальные лица). Параллельно с этим к началу XV в. происходит ряд иных изменений в употреблении христианских имен (в частности, при постриге монахам обычно начинает даваться имя, начинающееся на ту же букву, что и мирское [Б. Успенский, Ф. Успенский 2017: 100 и сл.], а не имя святого, память которого отмечается в день пострига). Тем самым отношение к полным христианским именам и их функциям со временем глобально пересматривается. Гипокористические формы, будучи промежуточным звеном в адаптации этих имен, к XV в. полностью утрачивают свою специфическую раннюю «адаптивную» функцию и отныне используются преимущественно в качестве семантико-стилистических вариантов имени людей с (ситуационно) более низким социальным статусом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ

ДБГ — *Древнерусские берестяные грамоты*. <http://gramoty.ru>.

Житие Феодосия Печерского — Житие Феодосия Печерского по списку в составе Успенского сборника. *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 1: XI–XII века. Лихачев Д. С., Дмитриев Л. А., Алексеев А. А., Поньрко Н. В. (ред.). СПб.: Наука, 1997, 352–433.

Ипат. — *Полное собрание русских летописей*. Т. 2: *Ипатьевская летопись*. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.

Лавр. — *Полное собрание русских летописей*. Т. 1. *Лаврентьевская летопись*. М.: Языки русской культуры, 1997.

НПЛ ст. и мл. — *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

МЕ — *Апракос Мстислава Великого*. Жуковская Л. П. и др. (ред.). М: Наука, 1983.

РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*.

ОЕ — *Остромирово Евангелие 1056–57 года: с приложением греческого текста и грамматического объяснения*. Востоков А. Х. (изд., сост.). СПб.: Тип. Акад. наук, 1843.

SJS — *Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae*. Т. I–IV. Praha, 1958–1997.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бассальго 2008 — Бассальго Л. А. Новгородские тысяцкие. Ч. 1. *Новгородский исторический сборник*, 2008, 11(21): 33–67. [Bassalygo L. A. Tysyatskies of Novgorod. Part 1. *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 2008, 11(21): 33–67.]

Бассальго 2011 — Бассальго Л. А. Новгородские тысяцкие. Ч. 2. *Новгородский исторический сборник*, 2011, 12(22): 37–62. [Bassalygo L. A. Tysyatskies of Novgorod. Part 2. *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 2011, 12(22): 37–62.]

Бассальго 2014 — Бассальго Л. А. Новгородские тысяцкие. Ч. 3. *Новгородский исторический сборник*, 2014, 13(23): 115–150. [Bassalygo L. A. Tysyatskies of Novgorod. Part 3. *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 2014, 13(23): 115–150.]

- Варбот, Журавлев 1998 — Варбот Ж. Ж., Журавлев А. Ф. *Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии*. М.: РАН; ИРЯ РАН, 1998. [Varbot Zh. Zh., Zhuravlev A. F. *Kratkii ponyatiino-terminologicheskii spravochnik po etimologii i istoricheskoi leksikologii* [A brief conceptual-terminological handbook in etymology and historical lexicology]. Moscow: Russian Academy of Sciences; Vinogradov Russian Language Institute, 1998.] http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf.
- Зализняк 1986 — Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*. Янин В. Л., Зализняк А. А. М.: Наука, 1986, 89–219. [Zaliznyak A. A. Novgorod birchbark letters in linguistic perspective. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*. Yanin V. L., Zaliznyak A. A. Moscow: Nauka, 1986, 89–219.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Карпов 2017 — Карпов А. Ю. Византийский император на берегу Волхова: эпизод из истории самозванчества в XII в. *Исследования по истории домонгольской Руси*. Карпов А. Ю. М.: Квадрига, 2017, 374–384. [Karpov A. Yu. The Byzantine Emperor on the coast of Volkhov: An episode from the history of imposture of the 12th century. *Issledovaniya po istorii domongol'skoi Rusi*. Karpov A. Yu. Moscow: Kvadriga, 2017, 374–384.]
- Лисовой 1988 — Лисовой Н. Н. Остромирово Евангелие как исторический источник. *Остромирово Евангелие 1056–1057 гг.* Л.: Аврора; М.: Изд-во Московского Патриархата, 1988, 12–14. [Lisovoi N. N. Ostromir Gospel as a historical source. *Ostromirovo Evangelie 1056–1057 gg.* Leningrad: Aurora; Moscow: Patriarchate Press, 1988, 12–14.]
- Литвина, Успенский 2006 — Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*. М.: Индрик, 2006. [Litvina A. F., Uspenskii F. B. *Ybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [Naming among Russian dukes in 10th–16th centuries. History of the dynasty through the lens of anthroponymy]. Moscow: Indrik, 2006.]
- Мельникова 1997 — Мельникова Е. А. Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имен в древнерусских летописных текстах. *У источника: сб. статей в честь чл.-корр. РАН С. М. Каутанова*. Т. 1. Ч. 1. Столярова Л. В. и др. (сост.). М.: СигналЪ, 1997, 82–92. [Mel'nikova E. A. Studying Scandinavian personal names in Old Russian chronicles from the viewpoint of source criticism. *U istochnika: sbornik statei v chest' chlena-korrespondenta RAN S. M. Kashtanova*. Vol. 1. Part 1. Stolyarova L. V. et al. (comp.). Moscow: Signal", 1997, 82–92.]
- Мельникова 1999 — Мельникова Е. А. Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах. *Славяноведение*, 1999, 2: 10–15. [Mel'nikova E. A. Scandinavian personal names in birchbark letters of Novgorod. *Slavyanovedenie*, 1999, 2: 10–15.]
- Селищев 1968 — Селищев А. М. *Избранные труды*. М.: Просвещение, 1968, 97–198. [Selishchev A. M. *Izbrannye trudy* [Selected writings]. Moscow: Prosveshchenie, 1968, 97–198.]
- Соболевский 2006 — Соболевский А. И. Два личных имени. Труды по истории русского языка. Т. II: Статьи и рецензии. Соболевский А. И. М.: Языки славянской культуры, 2006, 307–309. [Sobolevskii A. I. Two personal names. *Trudy po istorii russkogo yazyka*. Vol. 2: *Stat'i i retsenzii*. Sobolevskii A. I. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2006, 307–309.]
- Суперанская 1969 — Суперанская А. В. *Структура имени собственного (фонология и морфология)*. М.: Наука, 1969. [Superanskaya A. V. *Struktura imeni sobstvennogo (fonologiya i morfologiya)* [Structure of proper name: Phonology and morphology]. Moscow: Nauka, 1969.]
- Суперанская 2002 — Суперанская А. В. Граждане современной России страдают из-за реформ XVII века. *Scripta lingvisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики — 2001*. Новиков А. И. (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2002, 294–304. [Superanskaya A. V. Citizens of modern Russia suffer from seventeenth-century reforms. *Scripta lingvisticae applicatae. Problemy prikladnoi lingvistiki — 2001*. Novikov A. I. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2002, 294–304.]
- Суперанская и др. 2007 — Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. *Теория и методика ономастических исследований*. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. [Superanskaya A. V., Staltmane V. E., Podol'skaya N. V., Sultanov A. Kh. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [Theory and methods of onomastic studies]. Moscow: LKI Publ., 2007.]
- Суслова, Суперанская 1991 — Суслова А. В., Суперанская А. В. *О русских именах*. Л.: Лениздат, 1991. [Suslova A. V., Superanskaya A. V. *O russkikh imenakh* [On Russian names]. Leningrad: Lenizdat, 1991.]

- Тохтасьев 2018 — Тохтасьев С. Р. *Язык трактата Константина Багрянородного De administrando Imperio и его иноязычная лексика*. СПб.: Наука, 2018. [Tokhtas'ev S. R. *Yazyk traktata Konstantina Bagryanorodnogo De administrando Imperio i ego inoyazychnaya leksika* [The language of *De administrando Imperio* by Constantine VII Porphyrogenitus and its foreign vocabulary]. St. Petersburg: Nauka, 2018.]
- Успенский 2002 — Успенский Ф. Б. *Скандинавы, варяги, Русь*. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Uspenskii F. B. *Skandinav, varyagi, Rus'* [Scandinavians, Varangians, Rus']. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Успенский 2005 — Успенский Ф. Б. Словарь Н. М. Тупикова и принципы родового имянаречения в Древней Руси. *Словарь древнерусских личных собственных имен*. Тупиков Н. М. (авт.), Успенский Ф. Б. (подгот. изд. и предисл.). М.: Языки славянской культуры, 2005, 7–23. [Uspenskii F. B. Nikolai Tupikov's dictionary and the principles of child naming in Ancient Russia. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen*. Tupikov N. M.; ed. and prefaced by F. B. Uspenskii. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005, 7–23.]
- Б. Успенский, Ф. Успенский 2017 — Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. *Иноческие имена на Руси*. СПб.: Нестор-История, 2017. [Uspenskii B. A., Uspenskii F. B. *Inocheskie imena na Rusi* [Monk names in Rus']. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017.]
- Хелимский 1986 — Хелимский Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*. Янин В. Л., Зализняк А. А. М.: Наука, 1986, 252–259. [Helimski E. A. On Finnic linguistic matter in the birchbark letters of Novgorod. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*. Yanin V. L., Zaliznyak A. A. Moscow: Nauka, 1986, 252–259.]
- Циммерлинг 2013 — Циммерлинг А. В. Скандинавские имена в берестяных грамотах: фонетика и нефонетика. (Доклад.) *VI Круглый стол «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе»* (Ин-т славяноведения РАН, 2013). [Zimmerling A. V. Scandinavian names in birchbark letters: Phonetics and non-phonetics. Talk at the 6th Round Table “Ancient Russia and the Germanic world in historical-philological perspective” (Institute of Slavic Studies, Moscow, 2013).] https://antonzimmerling.files.wordpress.com/2013/06/vi-th-round-table_az.pdf.
- Янин 1981 — Янин В. Л. *Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование)*. М.: Наука, 1981. [Yanin V. L. *Novgorodskaya feodal'naya votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie)* [Novgorod feudal patrimony: A historical-genealogical study]. Moscow: Nauka, 1981.]
- Янин 2003 — Янин В. Л. *Новгородские посадники*. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Yanin V. L. *Novgorodskie posadniki* [Posadniks of Novgorod]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]
- Ainiala et al. 2012 — Ainiala T., Saarelma M., Sjöblom P. *Names in focus. An introduction to Finnish onomastics*. Helsinki: Finnish Literature Society, 2012.
- Brendler 2008 — Brendler S. *Nomematik: identitätstheoretische Grundlagen der Namenforschung (insbesondere der Namensgeschichte, Namenlexikographie, Namengeographie, Namenstatistik und Namens-theorie)*. Hamburg: Baar, 2008.
- Frank 1975 — Frank R. Kosenamenbildung und Kosenamengebungstendenzen im Ruhrgebiet. *Onoma*, 1975, 19: 511–527.
- Litvina, Uspenskij 2015 — Litvina A. A., Uspenskij F. B. The prince and his names in the 12th century (a philological approach to medieval political history). *Die Welt der Slaven*, 2015, LX: 346–364.
- Newman, Ahmad 1992 — Newman P., Ahmad M. Hypocoristic names in Hausa. *Anthropological Linguistics*, 1992, 34(1–4): 159–172.
- Saarikivi 2007 — Saarikivi J. Finnic personal names on Novgorod birch bark documents. *Slavica Hel-singiensia*, 2007, 32: 196–246.

Notae Tocharicae: *apālkāts, pārsā(n)ts, letse* et autres addenda et corrigenda—4

© 2021

Ilya B. Itkin^a
Sergey V. Malyshev^b^aInstitute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia; HSE University, Moscow, Russia; ilya.borisovich.itkin@gmail.com;^bindependent researcher; sjerjzha@ya.ru

Abstract: This article continues the series of works “Addenda et corrigenda” (Svetlana Burlak & Ilya Itkin 2000, 2010; Ilya Itkin 2018) dedicated to re-interpretation and re-analysis of word forms found in Tocharian texts (mostly Tocharian A).

Keywords: Buddhism, paleography, textology, Tocharian, written records

Acknowledgements: The authors would like to express their sincere gratitude to Svetlana I. Pereverzeva for assistance with the article and both anonymous reviewers for valuable suggestions.

For citation: Itkin I. B., Malyshev S. V. Notae Tocharicae: *apālkāts, pārsā(n)ts, letse* et autres addenda et corrigenda—4. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 3: 47–75.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.47-75

Notae Tocharicae: *apālkāts, pārsā(n)ts, letse* et autres addenda et corrigenda—4

Илья Борисович Иткин^a
Сергей Владимирович Малышев^b^aИнститут востоковедения РАН, Москва, Россия; Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ilya.borisovich.itkin@gmail.com;^bнезависимый исследователь; sjerjzha@ya.ru

Аннотация: Настоящая статья продолжает серию работ «Addenda et corrigenda» (С. А. Бурлак и И. Б. Иткин 2000, 2010; И. Б. Иткин 2018), посвященную реинтерпретации ряда словоформ, встречающихся в тохарских текстах (в основном тохарских А).

ключевые слова: буддизм, палеография, письменные памятники, текстология, тохарские языки

Благодарности: Авторы выражают глубокую благодарность Светлане Игоревне Переверзевой за помощь в написании статьи, а также обоим анонимным рецензентам за ценные замечания.

Для цитирования: Itkin I. B., Malyshev S. V. Notae Tocharicae: *apālkāts, pārsā(n)ts, letse* et autres addenda et corrigenda—4. *Вопросы языкознания*, 2021, 3: 47–75.

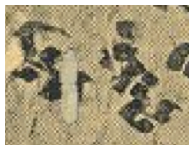
DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.47-75

1.0. Tocharian A *t*^s and *t*.s

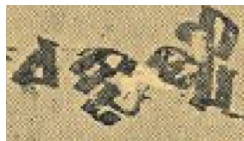
The first three passages that will be the object of our scrutiny all contain a sequence that is in the traditional transliteration system rendered as <*t*s>. In all these cases, as we will try to show,

the accepted interpretations exhibit a wrongful word or morpheme division; and the reason for that is that the researchers fail to take into account the existence of **two different** graphic and phonetic realities that lie behind this <ts>.

Take a look at two words from leaf A 63: *şontsam* ‘in the streets’ in line a4 and *entsālyo* ‘with a handle’ in line a5.

s şontsam (A 63 a4)

entsālyo (A 63 a5)

In the first case, the *s* is written below the *t* in the ligature, while in the second, the left side of the *s* coincides with the right side of the *t*. We will, where necessary, render the first type as *t.s*, and the second as *tʳ*; so, in this case we have *şont.sam* and *entʳālyo*.

Is there any difference in usage between *tʳ* and *t.s*? Let us check the occurrences. As *tʳ* is way more common than *t.s*, we shall quote the examples we could find of the latter and see if we can find something in common:

supuşpit. subhūmiyam: A 272 a6

şont.sam: A 63 a4, A 227 a2, A 254 a7, A 324 a6, THT 1380d a4; *şont.sane*: A 227 a3

länt.sam: YQ II.14 b1; *lämt.sam*: YQ II.12 b2

länt.samäs: A 297 a4, YQ II.12 b5

länt.señc: A 297 a6, YQ II.4 b2, YQ II.6 b6; *lämt.señc*: A 212 b4

lut.señc-ām: PK NS 2 b3

kāt.sa[m]ntrā: THT 1463 a6

In the first example, there is a word boundary between *t* and *s*. Our only other relevant example is *şpāt^saptātikaratwac* from a cursive text A 371 a4, where *tʳ* is written in spite of the word boundary. For other instances of ‘...t#s...’ (not taking into account the Fremdzeichen *ś*, for which see below) written without a virāma — A 94 b2 (*ākārnuṃt sās*), 144 a2 (*länt sew(ā)ññ*), 289 b5 (*pārwat se*), 320 a1 (*yat se*) — pictures are missing. With this little evidence, we tend to regard *şpāt^saptātikaratwac* as a deviation from the normal usage (which is frequent in cursive texts) and assume that normally *t.s* is written across a word boundary; this hypothesis is supported by the usage of *tś* vs. *tś* and *ñc* vs. *ñ.c* (see below).

For all the other examples there are two possible explanations:

- 1) *t.s* is used only **when between *t* and *s* a vowel has been dropped**: thus, *şont.sam* is derived from acc. pl. *şontas*, and *länt.sam* is formed from the present stem *läntūs-* (cf. the infinitive *läntāssi*);
- 2) *t.s* is written **if there is a morpheme boundary between *t* and *s***: in *şont.sam*, *s* is the acc. pl. marker and in *länt.sam*, *s* is the present stem marker.

Both interpretations are equally applicable to all the examples cited. For *tsāś*, where they come in conflict, see below.

Is *tʳ* also found across a morpheme boundary or a dropped vowel? We can only find one such case: in line A 52 a5 we have *krant āştramā ārtāntʳā*, ‘on good pure ...’, where *ārtāntʳā* can hardly be anything other than the perl. pl. of an otherwise unattested word *ārtant** or *ārtānt** of unknown meaning ([Pinault 2015: 149–152] suggests ‘group of jewels’), so we would expect **ārtānt.sā*. However, this example hails from the manuscript No. A 1–54, where ligatures *tC* are often written in the same way as *nC*, i.e. with both consonants in the ligature sharing one side: cf. A 4 b5 *tşam*, A 20 a3, 21 a6, 21 b5 *kuñcit-şi*, A 5 a6, 19 b6 *kuñcit-şim*; A 4 b2 *tpren-āk*, A 46 a6 *şpāt-pi*; A 4 a6 *tmā*; A 37 a6 *rit[w]·///*, A 34 b2 *ñareytwāş* (if not *-nwāş*), A 41 a1 *kārāśātw oki*

(if not -*nw oki*, see [Burlak, Itkin 2010: 350–351]), A 5 a2 *kāswonetwāśśi* (if not -*nwāśśi*). Therefore, we might regard *ārtānt^rā* to be of the same nature, i.e. as a graphical variant of *ārtānt.sā* characteristic of this manuscript.¹

Is there any phonetic reality to the distinction between *t.s* and *t^r*? The natural suggestion would be that *t^r* represents a single sound (an affricate), while *t.s* stands for a combination of two sounds.

It is quite easy to distinguish a single consonant from a consonant cluster in Toch. A: we just have to see what happens if it is found between *ā* and a vowel. In such contexts, *ā* is dropped before a single consonant, but is retained before a cluster: cf. *wraṃ* ‘in the water’ from *wār*, but *wārtam* ‘in the forest’ from *wārt*.

Before *t^r*, *ā* is of course dropped: cf. *amok^rāp*, the gen. sg. of *amokāt* ‘master’.

As for *t.s*, our only relevant example comes from the unpublished fragment THT 1463, line a6:

/// (pyā)[pp](y)āñ^ā syak *kāt.sa[m]ntrā* ♦ ///

Here, *kātsa[m]ntrā*² looks like a hitherto unknown causative form of the verb *kāt-* ‘to strew’. In this case, the meaning would be ‘the flowers are being made strewn together’ (with a passive usage of the medium), which is somewhat odd.³

Regardless of the meaning, this example makes it clear that *ā* is retained before *t.s*, which, therefore, represents a consonant cluster /ts/, unlike *t^r*, which stands for an affricate /tʃ/.

As for the cases where /ts/ or /tʃ/ is followed by /ä/, the norm here is using a Fremdzeichen for *s*⁴ and a regular *t*, with the right side of the latter coinciding with the left side of the former, cf. *t^ropatṣam* (A 63 a2). In transliteration it is represented as <ts>.

Rarely another possibility is used, with a Fremdzeichen for both *t* and *s* written one above the other, i.e. <ts̄>:

māntat ṣas (A 75 a3), *līt sam* (A 110 a4), *ñkāt ṣas* (A 274 b6), *nmit ṣarki[ñ](c)o* (A 277 b6), *osiṭ ṣarkiñco* (A 302 a6), *ye[t] ṣa[m]* (THT 1625k b1), /// *lkāt ṣam* (THT 2106 b2), *[tsa]ṣ* (A 372 b4).⁵

As we can see, all the examples but the last one have a word boundary between *t* and *s*. As for contrary examples, with *ts̄* written across a word boundary, we cannot find any. Therefore we may provisionally conclude that *tsa* stands for /tsä/ and *ts̄a* for /tsä/.

Now, let us turn to the irregular verb *tā-/tās-* ‘to put’. A form *tsāṣ*, which looks like its 3.sg. pres. act. caus. form, is encountered two times, and the spelling differs: *tsaṣ* (A 250 b4) and, already quoted, *[tsa]ṣ* (A 372 b4). However, neither of the two examples easily betrays the meaning

¹ Note, however, that in the actual Toch. A *ns* the consonant signs **do not** share their sides (see the note below). In Toch. B, on the other hand, *ns* is written roughly in the same way as *t^r* (cf. IOL Toch 19 b3 *kālnsāte*).

² In [Carling 2009: 129] this form was read as *kānsantrā*, but — although *ns* is written more or less similarly to *t.s* in the only example available to us (A 58 b3 *klyosnseñe*) — the sequence *ns* being retained after a vowel (i.e. not changed into *ms*) would be most unusual. In [Malzahn 2010: 569] this form is wrongly given as *kāmsantrā*. In [Itkin 2019: 103] it is cited as *kātsantrā*, without the anusvāra.

³ Non-causative forms of *kāt-* are found in similar contexts, cf. B 274 a6 *k_n[s]e ysā-ṣṣāna pyappayain [r]ā [k]ātam* ‘Even who strews golden flowers’ (translation according to CETOM; cf. also IOL Toch 14 b3). If our passage tells about ornamentation, the causative *kātsa[m]ntrā* may be compared with the causative *wotār* from *wāt-* ‘to put, place’ (next to the non-causative *panwar*) in A 63 a4 *panwar walānās ṣontsam orpanksam wotār ārkyañ wātsyās sāwam* ‘They spread tents (?) on the streets and squares (?), erected big white parasols’. Malzahn [2010: 877] says that the causative of *wāt-* ‘does not seem to have causative semantics’; maybe the same is true for the causative of *kāt-* and our line means simply ‘flowers are strewn together’ (maybe with some nuance in the meaning).

⁴ Very rarely /tsä/ is written as <t^rä>: A 1 b4 *kluṃtsäsyō*, A 54 b6 *emtsässi*, A 314 a6 *ptsāk*, A 359, 13 /// *rtsām* (cursive), THT 2542 a3 *knun[t](s)ām*, THT 3976, 3 *tsopatsām* (cursive), see [Itkin 2019: 225–226].

⁵ For *lā[ts̄]* (A 355 a2) a reading *lā[ts]* seems also possible, if not preferable.

of this stem [Malzahn 2010: 643]; therefore, it might as well be another verb *täs-*. Here, the two solutions proposed above, i.e. that /ts/ is found across a dropped vowel or across a morpheme boundary, come in conflict, because there is a dropped vowel in *tsäs*, but *täs-* is probably a single morpheme. The differing spelling of the two surviving attestations makes it impossible to tell which solution is correct; one might even suggest that the variation is **due** to the conflict (as in most cases there were both a dropped vowel **and** a morpheme boundary, speakers/writers might have had a hard time deciding whether to use *t^s* or *t.s* in such cases). Another possible explanation is as follows. Because the verb *tā-/täs-* shows an irregular change of {*täsäsV*} into {*tstsV*} (cf. the imperative *pāt^stār*), which is further simplified to /ts/ word-initially (cf. the preterit *t^sānt*), some forms of the causative present, such as 1.sg. act., should also be subject to this change; therefore, an opposition must arise between, say, 1.sg. act. /tsam/ and 3.sg. act. /tsäs/. The spelling *tsas* may reflect the result of erasing this opposition, i.e. changing /tsäs/ into /tsäs/ to conform with /tsam/.

The problem of *t.s* / *t^s* reminds one, of course, of that of *ly*, as the phoneme /l'/ (palatalized *l*) is written as a combination of *l* and *y*. However, in this case, unlike with /ts/ and /ts/, the sequences /ly/, /l'/ and /l'y/ are all written in exactly the same way: <ly>. See relevant examples in a comparative table:

Table 1

Graphical correspondences of Tocharian A /ts/, /ts/, /ly/, /l'/ and /l'y/

Transliteration	Phonology	Example
<t.s>	/ts/	<i>kat.sa[m]ntra</i>
<t ^s >	/ts/	<i>amokr^sāp</i>
<tsa>	/tsä/	<i>tsas</i>
<tsa>	/tsä/	<i>t^sopatsam</i>
	/ly/	<i>enkalyo</i>
<ly>	/l'/	<i>lyäkyām</i>
	/l'y/	<i>-p_lkalye</i>

Here again, we can distinguish /ly/ from /l'/ because in *enkalyo*, instr. sg. of *enkāl* 'passion', *ā* is retained and in *lyäkyām*, acc. sg. masc. of *lykäl* 'little', it is dropped. Aside from *-p_lkalye*, gen. sg. fem. of *-puklyi* '... years old', /l'y/ can be seen in *šälyās* 'on the left', which is derived from *šälyi* 'left' as *päcyās* 'on the right' is from *pāci** 'right'⁶.

Another similar case is the spelling of the cluster *ñc*. Compare two examples from leaf A 64: *ñce* in *sne-pältikāñ cem* in line b2 and *ñci* in *lāñcināñ* in line b1.

ñce (A 64 b2)

ñci (A 64 b1)

Once again, in the first (rare) type the *ñ* is written in its full form (like *t* in *t.s*) and in the second type it loses its 'tail'; in a similar way, we will render the first type as *ñ.c* and the second

⁶ It is hard to tell whether /ly/ and /l'y/ were actually distinguished in pronunciation, but it has to be noted that similar clusters with nasals, /ny/ and /n'y/, are usually distinguished in writing as <ny> and <ñy>, cf. A 21 b2 *šñy ašānyo* 'with your own eyes', albeit in some manuscripts, especially those found outside of Šorčuq and Yanqi, we often see cases of /ny/ spelled as <ñy>, cf. *wkāñyo* 'in a manner' (A 386 a1, 387 b2, 430 a5, etc.).

one as $\tilde{n}^c$. The distribution of the two types resembles the distribution of /ts/ and /tʃ/: as a general rule, $\tilde{n}.c$ is written across a word boundary, while $\tilde{n}^c$ is written word-internally. See the following examples of $\tilde{n}.c$ with a word boundary:

sne-pältikāñ. cem (A 64 b2), */// ·[s]·ñ. cam* (A 85 a4), *wrasañ. cesām* (A 254 a4), *karutiñ. cindāmañiñ* (A 301 a6), *esañ. ce ///* (YQ II.11 b8), */// ñ. candaṃ-ši* (YQ II.14 b8), possibly also *āmās/[āñ. ce]/sm[i]* (THT 3033 a2).

There are two major modifications of this general rule. First, the phrase *pāñ cmolu* ‘five [types of] births’ (Skt. *pañcagati*) and its derivatives are always written with $\tilde{n}^c$; examples with a surviving picture are A 68 a6, A 405 a2, A 407 b2 and YQ II.14 b7. As can be seen from the list above, $\tilde{n}.c$ is never found before a consonant (cf., however, the deviating *riñ.crā* below), so maybe it is prohibited in this context. Second, *āl(y)akāñ-cam*, acc. sg. masc. of *ālak-sam* ‘some’, is likewise only found with $\tilde{n}^c$ (A 12 a3, A 15 a6, A 110 b5, A 267 a1, THT 1144 b2, THT 1322b b3); perhaps the reason for that is that $\tilde{n}$ and c are ‘glued’ together by the samdhi $n + c > \tilde{n}c$.

This rule has a few exceptions. On the one hand, we have *śākkiñ^cem* in YQ III.2 b5 in spite of the word boundary. On the other hand, there are examples of $\tilde{n}.c$ word-internally, although they are extremely rare compared to many hundreds of examples of $\tilde{n}^c$: we can only cite *āñ.cām* (A 7 b4), *swāñ.cenāñ* (A 184 a5), *koṃ-pärkāñ.cām* (A 379 b4) and *riñ.crā* (YQ II.4 b1).

Unlike with $\tilde{r}$, we cannot assume that $\tilde{n}^c$ is a single consonant (cf. *pāñ^cām*, acc. sg. fem. from *pānt* ‘fifth’, where $\tilde{a}$ is not dropped); maybe different spellings reflect different syllable divisions, e.g., we are to divide *wrasañ cesām* as *wra:sañ-ce-sām*, but *lāñci* as *lā-ñci* and *pāñ cmolu* as *pāñc-molu*, but there is no external evidence to support this claim.

To summarize, we now see that beside the affricate /tʃ/, there is also a consonant cluster /ts/ in Toch. A, and they are distinguished in writing.

This knowledge gives us a tool to draw word/morpheme boundaries in difficult cases. Below, we present three such cases, where this tool gives results different from those that are commonly accepted. The sequences in question are *apalkāñ^c·ā ///* (A 328 b2), *parsātsam* (A 340 b7) and *le^se₋ ///* (A 138 b5).

1.1. A particularly unlucky Tocharian A privative

In Tocharian languages, a privative is a verbal adjective with a negative meaning; it is usually formed from the subjunctive stem. While in Toch. B privative is a quite productive form and can be viewed as one of the non-finite forms of the verb paradigm, in Toch. A we only have a few isolated examples.

Toch. A privatives are formed by adding the prefix *a-* ($\tilde{a}$ -, if the verbal root has a ‘long’ vowel) and, as is usually believed, the suffix *-t* (corresponding to Toch. B *-tte*).

One of the best attested Toch. A privatives is an adjective meaning ‘unheeding (to something), careless’ (with the unheeded object in the locative case), derived from the verbal root *pālk-* ‘to see’. This adjective is encountered at least four times, of which three, due to the damage, give no information regarding the shape of its suffix: A 71 a5 *a[pā]lkā ///*, A 84 a4 and 132 a4 *a[pā] ///*. But in one case the adjective is preserved in its entirety. The line in question, A 328 b2, was published in [Sieg, Siegling 1921: 179] as follows:

/// kapsiññam apalkāts · ā ///

The meaning of the line must be ‘unheeding to the body’.

Since the other clear cases of Toch. A privatives end in *-t*, later scholars proposed a new reading: */// kapsiññam apalkāt s-ā ///*: cf. ‘*apalkāt* (so 328 b 2 abzutrennen)’ in Couvreur [1956: 89]. However, such word division seems very unlikely, because the text has $\tilde{r}$, not $\tilde{t}.s$.

Moreover, in all known cases of *-t* and *s-* written in one akṣara, the *s* is always followed by a vowel, whereas in our text, below the *ṛ* there is another consonant (most likely *k* or *w*), so the word division *-t sC-* would be completely unprecedented. As for *-ṛ C-*, it is often written as one akṣara, cf. A 67 b4 (*ṛo*)*pat*^s *kācke*, A 71 b2 *mā-kk at*^s *weñāṣ*, etc.

Therefore, on the basis of paleography, line A 328 b2 ought to be read as follows:

/// *kapśiñṇaṃ apālkāṛ* *-ā* ///

This reading finds strong support in another line, A 84 b5:

/// *-l[k]āt[u]ne aräs[s]i [mā] penu ā* ///

The first word can hardly be anything else than *(a)[pā]l[k]āts[u]ne*, an abstract noun derived from *apālkāts*, possibly meaning ‘disdain’. Line A 84 a4 above also speaks in favor of this restoration: *puk saṃsār-ṣinās wrassaṃ a[pā](lkāts)* /// ‘unheeding to all saṃsāric beings’. For the whole line b5, a restoration *(a)[pā]l[k]āts[u]ne aräs[s]i [mā] penu ā(ṣām)* ‘not even worthy of evoking disdain’ is possible; or, if *[mā] penu* is part of a correlative phrase, ‘neither to evoke disdain, nor...’ (in this case *ā* /// may also be part of some privative). It is interesting to note that out of the five known occurrences of *apālkāts*-, three — A 71 a5, 84 a4 and b5 — are found in the Mūkaphalgu-jātaka from the manuscript No. A 55–88.

A similar case of a *ts*-privative seems to be found in a derived noun in line A 138 b1: *āyātātsuney* ///, which, as far as we know, has not drawn any attention from scholars. Judging by the suffix *-ā-*, which points to subjunctive class 5 and preterit class I (what Malzahn calls ‘*ā*-character’), and the lengthened prefix *ā-* (see above), we are dealing with the root *yāt-* ‘to be able, tame’ and not *yāt-* ‘to adorn’.

apālkāts and *āyātāts** correspond to Toch. B *empalkaitte* ‘unheeding’ and *ayātaitte** ‘untamable’, both with the suffix *-tte* (see below on behalf of the latter). There are, however, two Toch. B privatives with the suffix *-tstse* (corresponding to Toch. A *-ts*), namely *anaiwatse* ‘unpleasant’ from *aiw-* ‘to be turned toward’ and *etrīwaitstse** ‘indifferent’ from *triw-* ‘to be mixed, shaken’. The former has a cognate in Toch. A, *ānewāts* ‘id.’, which, however, is not connected synchronically to any verb (as the Toch. A verb corresponding to Toch. B *aiw-* ‘to be turned toward’ is not **ew-*, but *yu-*).⁷

The number of *tstse*-privatives in Toch. B might actually be higher than it is believed. The reason for this is that the suffixes *-tte* and *-tstse* are neutralized in forms that require a palatalization, which yields *cc* for both *tt* and *tsts*: cf. *empalkaicci* and *ānaiwacci*, nom. pl. masc. of *empalkaitte* and *anaiwatse*. Therefore, any privative for which only palatalized forms are attested hypothetically may also contain the suffix *-tstse*. Here is a list of such privatives found in [Adams 2013]: *akārpatte**, *akautatte**, *anautatte**, *amaukatte**, *alaitatte**, *eṅklyauṣätte**, *eṣuwatte**, *eṣpiratte**, *aiskatte**⁸. Here also belongs *apākätte**, because for its only occurrence, THT 1192 b5, both readings, *apākā(tt)e* and *apākā(tsts)e*, are possible. On the other hand, the dictionary form *ayātaitstse**, for which only palatalized forms are quoted in Adams [2013], should be changed to *ayātaitte**, because this form is found in line THT 1859 a2, where it is spelled *[ā]yāttaitte* [Ogihara 2015], cf. also [Huard 2020: 26–27].⁹

As we can see, in both languages both *t(te)-* and *ts(tse)-*privatives are found, although the distribution is different. Putting the problem of Toch. B aside, let us consider the Toch. A material. On the one hand we have *atāṅkāṭ* ‘unhindered’, *asināt* ‘insatiable’ and *āpāṣāt** ‘not observing’

⁷ As an anonymous reviewer points out to us, *ānewāts* might be borrowed from Toch. B, but if that were the case, we would expect the *-e* to be retained like in other borrowings, such as *eṃṣke*, *pruccamñe*, *lālaṃṣke*, etc.

⁸ *ayāmätte** must be excluded from this list because now its nom. sg. masc. form *ayāmāte* can be found in PK LC 20 a3.

⁹ Actually, Adams gives two conflicting dictionary forms for this word: *ayātaitstse** in the dedicated entry (p. 22), but *ayātaitte* in the entry of the verb *yāt-* (p. 528).

(cf. the derived noun in YQ I.3 b3 *āpāṣṭ_uneyāṣ* and a7 *āpāṣṭu* ///), on the other, *apālkāts* and *āytāts** (as well as a possible Toch. B loanword *ānewāts*). Judging by these examples, it is quite natural to assume that *-t* comes only after *-ā-*.

Next, of great interest is the word *āknats* ‘ignorant’, derived from the verb *knā-* ‘to know’. Its Toch. B cognate *aknātsa* is somewhat symmetrical to Toch. A *ānewāts*, as the verb *knā-* is not extant in Toch. B and *-tsa* is not a standard suffix for privatives. Toch. A *āknats* resembles a privative, albeit an unusual one, as privatives are normally formed from the subjunctive stem (which in this case is *kñāññ-*), whereas *āknats* does not have the suffix *-ññ-*. But for a verb as irregular as *knā-* (see [Peyrot 2011: 39–40; Itkin 2014: 38–40]), such abnormality would not be something unimaginable: cf. the verb *nas-/ṣ-/tāk-* ‘to be’, which forms its past participle, *nāṃtsu*, from the present stem.

There is an important difference between *āknats* and *āytāts** on the one hand and *āpāṣāt** on the other hand. In the first two cases the prefix *ā* causes the root vowel *ā* to be weakened to *a* (*āknats*), which is further reduced to *ä* or zero before a ‘long’ vowel or *u* (*āytāts** and abstract noun *āknatsune*). The same can be seen in the case of the stem *pāt-* of *pāci** ‘right’ when another, homonymous, prefix *ā-* is attached to it: cf. *āpat* ‘to the right’. However, we do not see a weakening in *āpāṣāt**. Given the scarcity of evidence, it is hard to establish a rule. Maybe the *ā* is not weakened before the suffix *-ā-*.

Another interesting example is line YQ I.9 b5, which begins with /// *ritāts* ∴. The editors of the Yanqi Manuscript consider *ritāts* to be the nom. sg. masc. of an adjective meaning ‘striving for’, ‘searching (?)’ (see [Ji et al. 1998: 61, 294]), derived from the verb *rit-* ‘to wish, strive for’. However, as all clear instances of verbal adjectives with the suffix *-ts* are privatives, it is possible that the actual word here is *(a)ritāts* ‘± having no desire’ or ‘± not desirable’ (the Uyghur translation given in [Geng et al. 1988: 107] is damaged and does not seem to provide support for either solution).

Finally, line THT 2159 a2 reads /// *amukā* /// and possibly has a privative of the verb *muk-* ‘to desist (?)’, which, as a matter of fact, elsewhere is only found with the negative particle *mā*: A 303 a3 *mā škam mukāṣt mā ṣiṃsāte* /// ‘and you did not desist nor were you satiated’ [Malzahn 2010: 778–779] and THT 1412h b2 *mā muk·* /// (cf. also B *amaukatte** above). If the rule ‘*-t* after *ä*, *-ts* otherwise’ holds true, we should restore this privative as *amukā(ts)*.

To summarize, here is the list of all the known privatives in Toch. A per subjunctive classes:

Class 5: *apālkāts*, *āytāts**, ? *(a)ritāts*, ? *amukā(ts)*, plus irregular *āknats*, plus a possible loanword *ānewāts*

Class 1: *atānkāt** (alongside an obscure form *atānkac*), *asināt*

Class 2: *āpāṣāt**

1.2. Three mistakes or one new adjective?

Another likely example of a wrong word division is found in line A 340 b7: the sequence *pārsātsam* was edited as *pārsāt sam* in [Sieg, Siegling 1921: 187] and translated as ‘Er fragte’ in [Sieg 1952: 39]. Such interpretation is very questionable, as it suggests that the scribe made three mistakes at once here. Firstly, the correct 3.sg. pret. med. of *pār-* ‘to ask’ is *pārksāt* (cf., e.g., A 436 b4) and there seem to be no other examples of simplification *rks > rs* in Toch. A texts. Secondly, *sām* is the nom. sg. fem. of *sas* ‘one’, therefore the translation ‘Er fragte’ presupposes that *sām* is an error for *sam* ‘he’. Finally, as we discussed in the beginning, would there be a word division, we would have an akṣara *tsam*, not *tsam*. Therefore, it is natural to read *pārsātsām*, the acc. sg. masc. form — without any mistakes — of a previously unknown adjective *pārsāts**, which agrees with *oko* ‘fruit’.

Leaves A 340 and 341 contain a fragment of a metrical version of the story of Śroṇa Koṭīkaṇṇa and are written in a tune of the structure 5/5/5/5 + 4/4/4/3/4/3 + 5/5 + 4/4/4/3. The right part of line A 340 b7 can be presented as follows (‘|’ is a boundary between cola, ‘-’ is a lacking syllable):

oṣe(ñi) — | — — — — (: koṣā)wā śoś | tmi(s) — ś oko | pārsātsām — | — — (: 86)

These words belong to a man who explains to Koṭīkaṇṇa the reasons for his current situation: because he held precepts at night (*oṣeñi*) and killed sheep ((*koṣā*)*wā śoś* ‘I killed sheep’) by day, now, during the night he enjoys himself with a woman and during the day is eaten by a dog. For the last colon of the pāda a likely restoration is (*wārpñāmār*) ‘I partake’, cf. the last colon of stanza 95 of the same manuscript: A 341 b3 *tmiś caṃ oko | wārpñātār* ‘partakes of the fruit of this [action]’ (cf. also A 54 a1 *tmiś oko wārpñ[ā] ///*). Before *oko*, we should probably suggest (*ca*)ś ‘this’ (proposed at CETOM, pace Sieg [1952: 39], who restores (*tā*)ś). For the one-syllable word after *pārsātsām*, there are many options, e.g., *nāś* ‘I (masc.)’, *ṭṣaṃ* ‘here’, *tām* ‘that’, etc.

To determine the meaning of *pārsāts**, one might want to look at the parallel from the Divyāvadāna, which also contains the story of Śroṇa Koṭīkaṇṇa. There, the same character describes his situation as follows [Cowell, Neil 1886: 10]:

tasyaitat karmaṇaḥ phalaṃ hy anubhavāmi kalyāṇapāpakam
‘Indeed, I partake of this good and bad fruit of this action.’

We can see that the two texts are very close. Therefore, *pārsātsām* must correspond to the Sanskrit compound adjective *kalyāṇapāpakam* ‘good and evil’.

*pārsāts** looks a lot like the Toch. B adjective *pārsāntse* [Adams 2013: 402], although the correspondence between the two is not ideal. Theoretically, *pārsātsām* may stand for **pārsāmtsām*, with an omitted anusvāra, as is the case, e.g., in *nātsu* (A 3 a2, 384 b2, etc.), *lātsac* (YQ III.6 b6), *polkātsem* (YQ III.6 a2), *[klo]pasutsām* (THT 1331a b2), etc. In that case, the correspondence *pārsāmts** ~ *pārsāntse* would be regular. But in the manuscript No. A 340–341 the combination of phonemes *n* + *ts* is in all clear instances written as *nts*: *nāntsūs* (A 340 a5), *entsu[ś]* (A 340 a8), *entsyo* (A 340 b1), *entsāt* (A 340 b3, 341 b6), whereas spellings *mts* and *ts* are not recorded. However, this hypothesis finds support in line a1 of the Toch. A fragment THT 2384o: */// pārsāntsā ///*, which might be a feminine form of the same adjective (see [Itkin 2019: 145]).

As for the meaning, in line B 5 a8, the words *kokal[y]i [o]lyapotstse pārsāñci* translate the Sanskrit *rathāḥ sucitrāḥ* ‘very bright chariots’ (Udānavarga, 1.28); therefore, *pārsāntse* corresponds to Skt. *citra* ‘bright, spotted, variegated, excellent’. For line A 340 b7 a meaning ‘variegated (i.e. ambiguous, having both good and bad sides) fruit’ would fit very well, we believe.

Furthermore, in line A 145 b5, Toch. A *śokyo [p]ārs* translates the Sanskrit *paramacitraka* ‘very bright’, and therefore it is believed (see [Adams 2013: 402]) that the hapax legomenon *[p]ārs* means the same thing as Toch. B *pārsāntse* (this *[p]ārs* is to be distinguished from *pārs** ‘letter’ = Toch. B *parso* ‘id.’).

Due to lack of sufficient data, the connection of the discussed words, *pārsā(n)ts** and *pārs**, to each other as well as to the Toch. A and B verb *pārs-* ‘to sprinkle’ and Toch. A verb *pārs-* ‘?’ remains an open question.

1.3. Tocharian A *letse** ‘lock’

Line A 138 b5 in [Sieg, Siegling 1921: 73] was read as */// [c] yokās, letse — ///*. And it is this reading that was the point of departure for proposed restorations of this line. In [Sieg et al. 1931: 467], the last word was interpreted as *letse(ñc)*, a 3.pl. pres. act. form of *lit-* ~ *let-* ‘to fall’ (present class 8). As this form coexists with present class 3 *litantrā*, it was suggested in [Malzahn 2010: 848] to be causative, and for the whole line a reading *yokās letse(-)* ‘they let fall down the hairs (?)’ was proposed.

There are, however, numerous objections to this interpretation. First, the word *yok* ‘hair’ is not otherwise attested in plural. Second, as we have demonstrated above, if it were indeed a present class 8 form **letseñc*, we would expect the akṣara *t.se* (as in *lānt.samās*), whereas we actually have *t^he*. Third, the akṣara after *tse* is visible, and it does not look like *ñc*.

The reading we propose takes into account all of the objections above. We believe that the phrase we encounter here is *(t)[s](e)n-yokās letse[s]* ‘blue-colored locks’. For the first word, acc. pl. masc./fem. of *tseṃ-yok** ‘blue-colored’, cf. YQ II.2 a4 *tseṃ-yokāss*. The noun *letse** ‘lock (of hair)’ is otherwise not attested in Toch. A and must be a loanword from Toch. B *letse** ‘id.’ As is well known, the blue locks are the 12th sign of a mahāpuruṣa according to the MSN, see [Geng et al. 1998: 135].

2. Tocharian A *letatār*: subjunctive or present?

Line YQ.II 11 b4 reads:

/// — *tri ñemintwaṃ wsokoneyās : letatār yāṣ muskālune kotluneyam :*

In [Ji et al. 1998: 120–121] a restoration *(wras)[o](m)* was proposed for the beginning of the line, and it was translated as ‘If a being falls from the joy in the three jewels, he goes to vanishing and destruction’ (which presumably suggests *k_ipre ne* ‘if’ as filling in the two missing syllables of the first pāda). The form *letatār* was taken to be the 3.sg. subj. med. of *lit-* ~ *let-* ‘fall down’ [Ibid.: 276]; the same interpretation is accepted in [Malzahn 2010: 847–848] and [Peyrot 2013a: 809].

Below are all the other known occurrences of this verb:

Present stem: 3.pl. pres. med. *litantrā* (A 344 b3), *lita[ntrā]* (THT 3650a b1), inf. *litatsy* (A 58 a6).

Subjunctive stem: 3.sg. subj. act. *letaṣ* (A 408 a2),¹⁰ vn. *litālune* (A 307 b3), *letlune* (YQ I.8 a8 and YQ II.11 b5), *letlū* /// (A 238 a5).

Preterit stem: 3.sg. pret. act. *līt* (A 110 a4), *lit* (THT 2415 b1), *lo līt* [t] (A 168 a6, see [Peyrot 2013a: 809]),¹¹ past. part. *lāletu* (A 64 a5).

First of all, note that most of the occurrences — A 58 a6, 64 a5, 110 a4, 238 a5, 344 b3, YQ I.8 a8, YQ II.11 b4, b5 — come from verses. The only secure exception is *litālune* in line A 307 b3, which is in prose (for lines A 168 a6, 408 a2, THT 2415 b1 and THT 3650a b1 it is unknown whether they are written in verse or prose). Of utmost interest is our leaf YQ II.11. Here, in line b3 the question is asked in prose: *mānt nu āṣānik mrācāṣ klālune māskatrā* ‘What, oh venerable one, is **‘falling** from the top?’’, and in line b5 the answer is given in verse: /// *[pkā]rsās mrācāṣ letlune manarkāñ* ‘/// recognize (this), oh brahmin youths, as **‘falling** from the top!’’ (translations as per [Ji et al. 1998: 121]). Therefore, it seems that the verb *lit-* is a somewhat elevated, chiefly poetic, synonym of *klā-* ‘to fall’ (even though, in this case at least, the choice between the two does not affect the number of syllables).

This verb exhibits an anomalous variation of its root vowel. In some forms we find a variant *lit-*, in others *let-* (besides the subjunctive *letaṣ*, which is the regular form for both variants). A similar variation is seen in possibly related, yet not completely synonymous verbs *wik-* ‘to disappear’ and *wek-* ‘to fall apart, be scattered; shed, scatter’ (see below). However, for the variants *lit-* and *let-* there seems to be no obvious difference in meaning [Peyrot 2013a: 809].

¹⁰ This segmentation is ascertained by fragment THT 1402k, which happens to be the left part of this leaf. Supplied by it, this line reads /// *[t](e)mi skeysā letaṣ sāmm* ///.

¹¹ Another example, similar to this one, is probably found in line A 183 b6 *w[l]ām-ñaktañ lo l-///*, but the form is unknown.

Now, let us return to the form *letatār*. As is seen from the cited forms, the verb *lit- ~ let-* belongs to present class 3 and as such has only middle forms in present. In subjunctive and preterit we have active forms *letaš* and *līt*, which is perfectly normal for class 3/4 verbs (the only clear examples of such verbs having middle subjunctive and preterit forms are 4 class verbs *tsār-w-* ‘to rejoice’ and *ārt-* ‘to love, praise’), cf. [Peyrot 2013a: 29].

If we accept the commonly held position that *letatār* is a subjunctive, it means that this 3 class verb has both active and middle subjunctive forms, which is completely unprecedented for 3/4 class verbs and extremely rare for intransitive verbs in general.

One of the only, if not the only intransitive verb that has active as well as middle forms within one tense is *kām-* ‘to come’. Its middle forms seem to be restricted to the meaning ‘to meet’ in construction with a comitative: cf. YQ II.15 b8 *šakk ats metrakām ptā-ñktaššāl šyak śmimār* ‘May I by any means meet the Buddha Maitreya’ (cf. also A 279 b3, 288 a5, 302 a6, YQ II.7 b1), though active forms were also in use in such contexts: cf. A 229 b6 *šakk ats [c]e[s](ma)ššāl šiyak kumse* ‘They surely meet them’ (cf. also A 279 b1, 302 a2 and a5, as well as A 211 + THT 2464 a2, see [Itkin 2019: 39]).

Another seeming exception is *tsu-*, which in the preterit, besides the middle forms *tswe*, *tswāt*, *tswānt*, has one active form: *tsawar*. But here the active and middle forms have completely different meanings: ‘to obey’ and ‘to stick together’, see [Malzahn 2010: 997]. It is by no means obvious that this is one and the same verb, as only one present form *tswātār* (class 5) with a meaning ‘to obey’ is found. As a matter of fact, in Toch. B *tsuw-* ‘to stick together’ has a class 3 present, so it is not impossible that the same is true for its Toch. A cognate.

/// [Im]ārintrā in line A 205 a3 certainly does not contain a middle optative of *ār-* ‘to cease’ (which is active in subjunctive), pace Sieg et al. [1931: 421]; it most likely reads [m]ā rintrā ‘will not abandon’, with a subjunctive of *ri-* ‘to abandon’ (with *ntr* < *ñtr*, for which see below). The preceding word might be (śo)[l] ‘life’, cf. *śol raryurāš* ‘having abandoned life’ (A 295 a5 = YQ N.3 b1).

Line A 287+259 b3 does not, pace Geng et al. [2004: 45], contain a phrase (*kātā*)*ñkāntrā ñākcyāñ [w](akañ)* ‘divine voices are raised’ with a middle form of the active intransitive verb *kāt-* ‘to rise’: the small fragment THT 1409l happens to be a missing part of this leaf and supplemented by it, the verb can be securely read as *wāsāñkāntrā* ‘move’. Therefore, we should probably restore *wāsāñkāntrā ñākcyāñ [w](aštu)* ‘homes of the gods are moving’.

In [Peyrot 2013a: 809] an attempt to solve this problem was proposed: *letaš* was said to belong to *lit-* and *letatār* to *let-*. Although, given the evidence at hand, it is impossible to disprove such interpretation, we believe that there is a simpler one: to regard *letatār* as a **present** form. Besides the morphological benefits (no need to suggest a divergence in voice between the variants), this interpretation also gives a simpler syntax, as now we have two presents standing together within one colon: *letatār yāš* ‘falls down and goes’. It also finds support in Toch. B, as *le-tatār* corresponds exactly to Toch. B present *laitotār*.

As for the Uyghur translation of the line in question, it is extant, but far from literal and does not provide much help, as is noted in [Peyrot 2013a: 250].

3. Tocharian A *asäs*: preterit or imperfect?

The form *asäs*, found in line A 45 b3 before *wär* ‘water’, was taken to be the 3.sg. pret. act. of *ās-* ‘to dry’ in [Sieg et al. 1931: 422]. However, as it shows the inflection of preterit class III, it is completely incompatible with its class 4 present (*asatrā*) and class 5 subjunctive (*āsaš*) forms. Because of that, in [Malzahn 2010: 535] *asäs* is analyzed as a causative (‘Antigrund-verb’) form. But this would be anomalous as well, since roots with a ‘long’ vowel form their causative preterit with the suffix *-šā-*: cf. *pyāštšā* from *pyāšt-* ‘to be nourished’, *spārtwšā* from *spārtw-* ‘to turn around’, etc.

Therefore, we believe that *asās* is not a preterit, but an imperfect. It is well known that no regular — with the *ā*-suffix — imperfects are attested from present classes 3 and 4 [Malzahn 2010: 261]. However, two class 4 verbs show ‘strong’ active inflection in the imperfect identical to preterit class III: *klā*- ‘to fall’ has *klawrā* and *pārsk*- ‘to fear’ has *prasku*.¹² *ās*- with *asās* fits well in this group. All these imperfects — as well as the other class III imperfects *sepār*, *cran̄kās* and *sawr-ām* from class 1 verbs *tsip*- ‘to dance’, *trānk/we*- ‘to say’ and *su*- ‘to rain’ and *kñasu* from class 6 *knā*- ‘to know’ [Itkin 2014: 38–40] — show the same ablaut grade *a*.

4. Tocharian A *yākṣintr-ām*: optative or present?

The form *yākṣintr-ām* (A 101 a1) is universally believed to be the optative (3.pl. mid.) of *yāks*- ‘to embrace’ [Sieg et al. 1931: 459; Poucha 1955: 241; Malzahn 2010: 791]. However, as it is acknowledged in [Sieg et al. 1931: 415] and [Malzahn 2010: 352], it exhibits a palatalization of *s* into *ṣ*, which is otherwise not found in optatives formed from class 5 subjunctives (cf. a regular optative *kārsiñc* from *kārs*- ‘to know’, with the subjunctive *kārsātār*) and *yāks*- ‘to embrace’ indeed has a class 5 subjunctive (*[yä]ksātār*).

Let us see if there is another possible interpretation.

First of all, the semantic and metrical analysis suggests that the order of recto and verso of leaf A 101 is to be reversed, because the verse of the structure 5/5/4/4/4/3 that starts in line A 101 “a”6 continues on to leaf A 107:

-----|-----|-----| (suda)r[ś]anem | nimim̄ ṣolār | sne yärm lām̄s :
kus pat nu --|-----|-----|-----|-----|-----|---- (:)
 (puk) [c](e)m waštās lcār | wärt wṣeññe em̄t[s](ānt) |-----|-----|-----|---- (:)
 -----|-----| (wärt) wṣeññe cam | käl̄pāt nande | k_uyal tu ckā(car) |---- (: 1)
 -----|-----|-----|-----|-----|-----|---- wäl | bhadrīke :
pāñ kānt māskitāñ | rā[h]u(l) --|-----|-----|-----|-----|---- (:)
tu penu klyomim̄ | nandes pācrāśśi | p_ukis [t]nās klināst |-----|-----|-----|---- (:)
 -----|-----|-----| [tā]myo tñi tmā | kācke arṣāl | mā ṣural : 2 ||

‘...countless kings up to Sudarśana and Nimi and which... (All) of them left home and made the forest their refuge... Nanda found this forest [to be] his refuge. Therefore, my daughter, why do you?.. king Bhadrīka. Five hundred princes (starting with) Rāhula... You too, noble lady, should ... *tnās* of all Nanda’s forefathers... Therefore, you should rejoice at it, not worry.’

These two leaves tell of Sundarī’s longing for her husband, who promised to come back from greeting the Buddha before her makeup dries up and then never came back, having become a monk. In particular, the above-quoted verse is spoken by Sundarī’s maiden, who comforts her, telling her about the merits of the well-established practice of entering the religious life.

This scene was also rendered in chapter 6 of Aśvaghōṣa’s poem *Saundarananda*, which seems to have served as one of the major sources of inspiration for the Tocharian text of manuscripts No. A 89–143 and 144–211. There too, an unnamed woman consoles Sundarī in a similar way, cf. 6.39:

*rājarṣivadhvās tava nānurūpo dharmāśrite bhartari jātu śokaḥ
 ikṣvākuvaṃśe hy abhikāṅkṣitāni dāyādyabhūtāni tapovanāni*

‘You are the wife of a royal seer and it is not at all fitting for you to grieve when your lord has taken refuge in the Law. For the groves of asceticism are the hereditary possessions of the Ikṣvāku race and sought after by them.’ [Johnston 1932: 34]

¹² In [Schmidt, Winter 1992: 53] this form was interpreted as a preterit, but the actual preterit is seen in *pārsāk* (class I). We argued for its reinterpretation as an imperfect in [Itkin 2014: 40–41].

What concerns us here is the previous stanza (6.38), which introduces this woman's speech:

*yā tatra tāsāṃ vacasopapannā mānyā ca tasyā vayasādhikā ca
sā prṣṭhataḥ tām tu samālilīṅge pramrjya cāśrūṇi vacāṃsy uvāca*

'But the oldest of the women there, who was the most respected by her and the most gifted in speech, **embraced her from behind** and wiping away her tears said...' [Ibid.]

It is quite similar to line A 101 "a"1, which also precedes the consolatory speech:

/// [ṣ] ṣñi ckācarr oki tuṅkyo sārkiñcā ṣu yākṣintr-ām ///

If we adopt the traditional interpretation of *yākṣintr-ām* as an optative, we must accept the meaning 'Let them embrace her *sārkiñcā* with love like their own daughter', which is remarkably odd in the context of the narrative. But if we compare this line with Aśvaghoṣa's stanza, a much simpler translation comes almost inevitably: 'She embraces her *sārkiñcā* with love as her own daughter' with *yākṣintr-ām* being the 3.sg. pres. mid. form. This meaning fits the context perfectly. As a matter of fact, if the parallel is close enough, we might even suggest that the hapax legomenon *sārkiñcā* (some derivative of *sārki* 'after, behind') corresponds to *prṣṭhataḥ* 'from behind' and means the same.

Now, how can *yākṣintr-ām* be a present form? It is similar to such present forms as *arṣaṣintrā* from *arṣaṣiññ-* 'to fit' and *śewiñtrā* from *śewiññ-* 'to yawn', which show an affix *-iññ-* before inflection. As for the depalatalization *ñ > n*, it appears to be regular before *-trā*: cf. also the subjunctive *rintrā* in A 205 a3 (see above), whereas there are no forms in *-ñtrā* attested. On the contrary, before *-tār* the *ñ* is always retained: cf. A 51 b3 *s_ukaṣiñtār*, A 352 a1 *kñāñtār*, YQ III.3 a8 *nākāñtār*.

There are two types of verbs which employ the suffix *-iññ-*: *śewiññ-* 'to yawn', *tuṅkiññ-* 'to love' and *kāṣiññ-* 'to blame' have it in all forms, while *āks-* 'to teach' and *oks-* 'to grow' show it in non-present forms (cf. part. pret. *ākṣiññu*, *okṣiññu*), while in the present, another suffix, *-is-*, is used (3.sg. pres. act. *ākṣiṣ*, *okṣiṣ*). For the other verbs, such as *arṣaṣiññ-* 'to fit', *klopiññ-* 'to complain', *s_ukaṣiññ-* '?', *krāṣiññ-* 'to upset' and *slānkiññ-* '?', there is not enough data.

If we adopt the reinterpretation of *yākṣintr-ām* as a present form, we must accept that there is a third type, viz. verbs that employ the suffix *-iññ-* only in present forms (cf. the preterit *yāksāt*), see the table:

Table 2

Types of Tocharian A verbs employing the suffix *-iññ-*

	pres.	non-pres.
<i>tuṅk-</i> , etc.	<i>-iññ-</i>	<i>-iññ-</i>
<i>āks-</i> , <i>oks-</i>	<i>-is-</i>	<i>-iññ-</i>
<i>yāks-</i>	<i>-iññ-</i>	—

Although in Toch. A *yāks-* stands isolated (for now), in Toch. B such verbs are more numerous. According to Malzahn [2010: 473], to this group belong at least *kāw-* 'to desire, crave', *kāsk-* 'to scatter', *klānts-* 'to sleep', *mānt-* 'to destroy, be angry', *miw-* 'to tremble, shake' and *wāsk-* (or *wāsk-* according to [Peyrot 2013a: 823]) 'to stir, move, quake': cf. pres. *kawāmñentār* and pret. *kawāte-ne* from *kāw-*. However, the Toch. B verb *yāks-* 'to entangle, embrace', cognate to A *yāks-*, forms a class 6 present from a bare root (*yāksana[tār]-n(e)*).

Unlike the traditional interpretation, the new one accounts for the palatalization of *s*, as it is seen in the other verbs before the suffix *-iññ-* as well: cf. *okṣiññu* alongside *okṣiṣ*.

It is interesting to note that all three Toch. A verbs ending in *-ks*, namely *āks-*, *oks-* and *yāks-*, employ the suffix *-iññ-* either in present or non-present forms.

5. Tocharian A *āssi* ‘to bring’

According to dictionaries [Poucha 1955: 30; Carling 2009: 58–59], the word *āssi* is found two times in Toch. A texts: A 59 b3 and 157 b4. Based on the Sanskrit parallel for the former, in [Sieg et al. 1931: 288] it was taken as an equivalent of Sanskrit *prati* ‘for’. Putting that example aside for a moment, let us look at the other one:

A 157 b4 /// *āssi pkāt-ām kar* ||

Here we have a form of the verb *pāk-* ‘to intend’, which more often than not follows the infinitive of a verb: cf. A 9 b2 *kārṣnātsi pākṇāṣāt*, 56 a4 *trāṅktsi pākṇāsmām*, YQ I.6 b1 *knāssi pke*, etc. Therefore, at least for A 157 b4 it is more than natural to assume that *āssi* is also the infinitive of some verb; due to the lack of context, its meaning, of course, cannot be determined.

As for the first example, it was noticed in [Sieg 1952: 41–43] that leaf A 59 has a close parallel in the Unmādayantī-Jātaka of Āryaśūra’s Jātakamālā.

Line A 59 b3 reads /// *(tā)pārk ṣṇi wārpāluneyam pat āssi ālu eluneyam pat nā* ///.

The corresponding passage in the Jātakamālā reads *strīratnam te deva viṣaye prādurbhūtam / yatas tatpratigrahaṃ visarjanam vā prati devaḥ pramāṇam iti* / ‘A jewel among women is present in your realm, Your Majesty. It is up to Your Majesty whether to take or reject her’ [Meiland 2009: 318–319].

Although the Sanskrit here uses verbal nouns — *pratigraha* ‘taking’ and *visarjana* ‘sending away’ — it would be quite natural to expect an infinitive in a Tocharian rendition (cf. the English one quoted above). Therefore, we might propose the following interpretation for this fragmentary passage: ‘Now, (may the lord decide) whether to *āssi* (her) to his own pleasure or as a gift to others.’

But the most important piece of evidence for reinterpreting *āssi* as an infinitive comes from line A 461 a1. It was transliterated as follows in [Sieg, Sieglings 1921: 248]:

/// *w[a] ·n· – – p· nayi – – – – ss·* || *yadi* ///

As was shown in [Couvreur 1967], leaf A 461 is a Sanskrit–Tocharian A bilingual text of the Dīrghāgama. In particular, line a1 contains the translation of Sanskrit *upanayitum* ‘to lead or drive near’. Although the text is damaged here, the following reading seems secure enough:

[] (u)p(a)nayi[tu](m ♦ *kā*)[tse ā]ss(i) ||¹³

Here, *kātse* ‘near’ is a rather straightforward translation of *upa-* ‘idem’ (cf. another bilingual text A 359, 9, where *k[āts](e)* likewise translates *upa-*) and *[ā]ss(i)* apparently corresponds to *nayitum* ‘to lead, bring’. For line A 59 b3 this meaning — ‘Now, (may the lord decide) whether to bring (her) to his own pleasure or as a gift to others’ — looks quite appropriate.

One may be tempted to compare this verb with Toch. B *ās-* (inf. *āṣtsi*) ‘to bring, fetch’.¹⁴ But it is peculiar that only the infinitive is found in Toch. A, whereas for another similar verb with a similar meaning, *āk-/wā-* ‘to lead’, no infinitive forms are found. The expected form would be **āṣtsi*, but, as is well known, *ṣts* becomes *ss* in the infinitive (as *klyossi* ‘to hear’ from **klyoṣtsi*), therefore it is not impossible that this rule covers all sibilants and *āssi* is synchronically the regular infinitive of *āk-/wā-* (regardless of its possible diachronical connection with Toch. B *āṣtsi*). However, this remains provisional.

Another line in which we may be dealing with this form is A 120 a6, for which the following restoration looks tempting (unfortunately, no picture is available), as we cannot come up with a better infinitive to fill in the lacuna:

(hāriteṃ riṣa)kāṃ ca[m-ā]k wārta[c] (ā)s(s)i (wo)tāk
‘He ordered to take ṛṣi Hārta to that very forest.’

¹³ Restoration (*ṣu arā*)ss(i) proposed in [Couvreur 1967: 160] is impossible paleographically.

¹⁴ *āssi* was compared with *āṣtsi* in [Carling 2009: 59], but still interpreted as an adverb synchronically.

6. Tocharian A *we-* ‘to fall; shed’ and *tsākkiñ* ‘buds’

The Toch. A verbal root *we-* was hypothesized on the basis of three occurrences of present forms, namely *wenaträ* (THT 1142 b2), *wenanträ* (A 156 a2) and *wena* (A 145 a4), the latter probably being a mistake for *wena<š>*, see [Sieg et al. 1931: 472–473; Malzahn 2010: 907]. The meaning proposed for it in these works is ‘to sprout’ (in middle forms) or ‘to let sprout’ (in active forms). Let us have a look at the two examples which have some context. Line A 156 a2 reads:

: *meš tkam-ñkāt lykäly lykäly wenanträ pyā[pyā]ñ* [:]
 ‘The earth is trembling gently; flowers *wenanträ* (are sprouting?).’

Fragments A 145 and A 192 are parts of the same leaf, as was already noted in [Sieg et al. 1931: 466]. In this text, Mahākāśyapa tells Nanda about the marvelous Pārijāta tree growing in Indra’s Heaven. What interests us here are the two stanzas in the tune *Apratitulanā* (of structure 5/5/4/4/4/3) recited by Mahākāśyapa. These stanzas have a good parallel in the Pāli Canon, namely in the Pāricchattaka-Sutta of the Aṅguttara-Nikāya. Wilhelm Siegling long ago pointed to this similarity in a penciled note in his personal copy of [Sieg, Siegling 1921: 76], but we are unaware of any published comparative analyses of the two texts.

Both texts have a similar structure. In each, seven stages of the tree’s life cycle are described, and at each stage, it is said, gods rejoice. Let us compare the first stage in both languages. The Tocharian text reads (with restorations and cesurae), lines A 192+145 a3–4:

šom praš(ta)m – r | wsā-yok lotānkāš | (ñakta)[śśi] yo | ñakteññāśśi | kākā(š āriñc) |
(tā)m praštām :
 ‘On the first occasion, ... turns yellow (lit. ‘of golden color’). At that time the heart of gods and goddesses rejoices.’

In Pāli, we have:

Yasmiñ, bhikkhave, samaye devānañ tāvatiṃsānañ pāricchattako koviḷāro paṇḍupalāso
hoti, attamanā, bhikkhave, devā tāvatiṃsā tasmिñ samaye honti
 ‘Bhikkhus, when the foliage of the Tāvatiṃsa devas’ *pāricchattaka* coral tree has turned yellow, the Tāvatiṃsa devas are elated.’ [Bodhi 2012: 1083]

Unfortunately, the Tocharian word for ‘foliage’ (= Pāli *palāsa*) is lost in a lacuna, and only the final *-r* has survived.

The next stage is described as follows in Pāli:

Yasmiñ, bhikkhave, samaye devānañ tāvatiṃsānañ pāricchattako koviḷāro pannapalāso
hoti, attamanā, bhikkhave, devā tāvatiṃsā tasmिñ samaye honti
 ‘When the foliage of the Tāvatiṃsa devas’ *pāricchattaka* coral tree has fallen, the Tāvatiṃsa devas are elated.’ [Ibid.]

The Tocharian text reads (line A 192+145 a4):

wāccām praštām nu | wena pālt-pyāpyās | – – – | (su)k āriñcis | tā(mnāš tā)m [pra]št |
ñakta(śś)i :
 ‘On the second occasion, ... *wena<š>* leaves and flowers... At that time [it] evokes happiness in the gods’ heart.’

If we accept the meaning ‘to let sprout’, commonly ascribed to *wena<š>*, this pāda is bizarre even without taking into account the Pāli text: after trees turn yellow, their leaves and flowers do not sprout, but do the exact opposite — fall.

It is therefore natural to suggest that this verb does not mean ‘to sprout; let sprout’, but ‘to fall; shed’, and *wena<š> pālt-pyāpyās* means ‘sheds leaves and flowers’. In this light, line A 156 a2

quoted above should mean ‘The earth is trembling gently; flowers are falling’, which is, again, more coherent in our opinion.¹⁵

As noted above, this verb is allegedly found only in present forms. But consider the following examples of a similar verb, namely *wek-* ‘to fall apart, break’ (translation according to [Malzahn 2010: 907]):

*tmāš pekant śla tuñk yantār-ši – [śo]mine tsarā emtsurāš tm-āk sām yañtār **wekat*** (A 7 a4–5)
‘Then the painter took the mechanic girl by the hand, and the mechanism immediately **fell apart**.’

*kāsu cesmi amok šeš **wāwekuñcās** āyāntwāš śi(śāk śa)śmānta :* (A 13 a2–3)
‘Good was their art: they raised¹⁶ the lion from **scattered** bones.’

We can see that the meaning is pretty close, and it is tempting to equate the past forms *wekat* and *wāweku* with present forms like *wenatrā*. It is well known that some roots lose their final stop before the class 6 present suffix: cf. *tārñāš* from *tār-* ‘to let go’ or *rinātār* from *rit-* ‘to wish, strive for’. Therefore, it is not impossible that *wenatrā* is the regular present form of *wek-* ‘to fall apart, be scattered; shed, scatter’. But this, for now, remains uncertain.

The next two pādas in Tocharian are as follows:

cmatār pyāpyā-ši | – – – – – | – – (tā)m prašt | suk käckeyo | plāntāštr āriñc | ñā(ktāśśi :)
– p(y)āp(y)ā-[ś]i | ko || tār tām praštām¹⁷ – | || (: 1)
‘Floral ... will be born... At that time [it] (will) gladden¹⁸ gods’ heart with happiness and joy. ... floral ... At that time, ...’

According to the Pāli text, at the third stage, the tree *jālakajāto hoti* ‘has had its floral initiation’, on the fourth, *khārakajāto hoti* ‘has had its floral differentiation’. For *khāraka* ‘floral differentiation’, a restoration *p(y)āp(y)ā-[ś]i ko(tlune)*, lit. ‘floral splitting’ may be proposed.

The fifth and sixth stages are described as follows in Tocharian:

pāñcām praštām nu | ytāštār tsākkesyō | ñwam ts(ākk)• – | – – – – | – – – – | – – – – (:)
|| nteñc tsākkiñ [...] || | – – [pras]tam | tsopats[ām] suk | sātkāšš oki | ñāktas(am) :
‘On the fifth occasion, [it] embellishes itself with *tsākkiñ*; new *tsākkiñ*...
... *tsākkiñ*... time, [it] spreads, as it were, great happiness among the gods.’

In Pāli we have *kuṭumalakajāto hoti* ‘has had its bud formation’ and *korakajāto hoti* ‘has had its bud burst’.¹⁹ The Pāli parallel, therefore, suggests that the noun *tsākki** or *tsākke**, found three times in this verse, means ‘bud’. Besides this passage, this noun is found in A 378, 1 *wsā-šy ople tsākkiñ*, which is, therefore, to mean ‘yellow lotus buds’.²⁰ The meaning ‘buds’ (‘Knospen’) was

¹⁵ Cf. a similar example in A 77 a2: *tkanis mewlune ñākyās pyāppyāśśi s[w]āšlune* ‘trembling of earth, raining of divine flowers’. Here, again, the flowers are said not to sprout, but to fall.

¹⁶ *(śa)śmānta* (a mistake for *(śa)śmānt*) is usually assigned to the verb *tām-* ‘to grow’ [Malzahn 2010: 986], but it can equally belong to the verb *kāly-/štām-* ‘to stand’, and the meaning ‘to raise (from the dead)’ is at least as likely as ‘to make grow’, in our opinion.

¹⁷ *tām praštām* is probably a mistake stemming from the confusion between *tām praštām* (as in the first pāda) and *tām prašt* (as in the second, third and seventh pādas).

¹⁸ *plāntāštr* is usually taken as a present form [Sieg et al. 1931: 453; Malzahn 2010: 742], but it can equally be a subjunctive (class 9). Since *cmatār* in the same pāda is a secure subjunctive, this interpretation is at least as likely as the traditional one. However, besides *cmatār* (which might have been preferred over the present *tāmnāštār* for metrical reasons), all other secure forms in this verse are presents.

¹⁹ Both *kuṭumalaka* and *koraka* (Sanskrit *kuṭmala* and *koraka*) are said to mean ‘bud’ [MW: 289a, 313c]. Bodhi’s translation seems to be based on the botanical reality (cf. [Bodhi 2012: 1787, note 1586]).

²⁰ *ople* is usually believed to stand for *ople«m»* (see CETOM), but this is a singular form of an adjective, whereas *tsākkiñ* ‘buds’ is plural. It is more likely that *ople* is a gen. sg. form akin to *kapśāññe* from *kapśāñi*

already proposed in Couvreur [1956: 72], but was not universally accepted (cf. Michaël Peyrot's commentary on CETOM for A 378, 1: "As for the meaning, the context in my view suggests that it should be a part of a lotus, for instance 'petals'").

The variation nom. pl. *tsākkiñ* ~ acc. pl. *tsākkes** is peculiar; the same variation is also seen in words for 'gandharva', cf. *gandharviñ* (nom. pl.) ~ *gandhārveśsi* (gen. pl.), and 'Śākya', cf. *śākkiñ* (nom. pl.), *śākkis* (acc. pl.), *śākkiśsi* ~ *śākkeśsi* (gen. pl.), *śākki-ṣi* ~ *śākke-ṣi* (adjective). Inconsistencies in the final vowel or lack thereof (perl. sg. *gandharvā*) sometimes occur in loanwords (cf. also nom. sg. *Daśagrīve* next to all. sg. *Daśagrīvnac*), which makes one think that *tsākke** ~ *tsākki** is also a loanword of unknown origin, as also does the geminate *kk*, which is a rarity in native nouns.

/// *nēñc* must be some 3.pl. active form of either present or subjunctive; its subject is *tsākkiñ* 'buds'. Four known verbs are eligible here: *spānt-* 'to trust', *plānt-* 'to rejoice', *mānt-* 'to destroy, be angry' and *wānt-* 'to cover (?)'. If we are to choose among them, the latter seems to be the best choice, e.g. 'the buds (will) cover (the tree or branches)'. Judging by the Pāli text, we would expect the meaning 'to burst', so we might be dealing with an unknown verb.

7. Tocharian A *skā(w)-*, B *skāw-* 'to lick'

For the optative form *sk[ā]wiṣ* found in line A 83 a2, two possible interpretations were proposed in [Sieg et al. 1931: 479]. One attributed it to an otherwise unattested verb *skāw-* '?', the other to the verb *ske-* 'to strive'. The first interpretation is morphologically impeccable, which by no means can be said of the second one: since in the non-present forms the verb *ske-* shows the stem *skāy-* (cf. *skāylune**, *skāy*, *pāskāyās*), the expected optative form of *ske-* is *skāyiṣ**.

Over the time, different sides were taken in regard to this question.

Poucha [1955: 380–381] repeats the original ambiguous interpretation.

In Sieg [1952: 20], *sk[ā]wiṣ* was translated as 'sollte Gefallen haben', which led Couvreur [1954: 261] to compare this *skāw-* to the Toch. B denominative verb *skwaññ-* 'to be happy', therefore adhering to the first interpretation.

Starting with Hilmarsson [1994: 101–103], where an attempt to justify the anomalous *w* instead of *y* was made, the second interpretation took over, and it was accepted in [Malzahn 2010: 956] and Peyrot [2013a: 832, fn. 973].

As was shown in Sieg [1952: 20–21], fragments A 83 and A 76 are parts of the same leaf, which contains a jātika story about Mūkaphalgu (in Pāli, Mūgapakkha). The form *sk[ā]wiṣ* is found in a verse where the prince Mūkaphalgu explains to his father why he does not want to inherit his throne. There is a lacuna in this line, which complicates determining the meaning of our form.

Help comes from an unpublished fragment THT 1382k. A little penciled note on it (by E. Sieg or W. Siegling?) reads "Zu Š 67, 1 (?)". T III Š 67.01 is the inventory number of leaf A 83, and indeed, the new small fragment fits in the lacuna in lines a1–2 = b5–6 perfectly. Supplemented by it, the verse in lines a1–3 reads as follows (the new text is in bold typeface):

(mā)ś[sk]i[t trāñkās || viśikkonaṃ ||
 wsomānt śwātsi | krant [św] (ātsi) | [ka]śśi penu | śol-kulyпам | k_wya(l) — — (:)
 — — — | — — — | lālupunt tsrā[m] | **k[sk]u[r]i[s āk]** | k_wyal pa(t) sk[ā]wiṣ :
 waram krāntsām | tseṃ [o]ppal | ārṣluminām | śol-kulyпа(m) | — — — (:)
 — — yntuyo | lāñcinās | [p]ñi²¹ [ma]lywāntām | lāntune | k_wyal ārtimār : 1 ||

'body' (found once in A 240 a1, see [Itkin 2002: 14]): both nouns are feminine and belong to the same inflection class (cf. nom. pl. *oplāññ*, *kapśiññāñ*), where the usual gen. sg. ending is *-is* (*oplis*, *kapśiññis*).

²¹ Sieg and Siegling [1921: 48] read [s]ñi, but the akṣara is damaged, and [p]ñi 'merit' (as the object of the verb *malyw-* 'to crush, squeeze'), in our opinion, gives a better sense.

‘**The prince says**, in the *Viśikkonaṃ* tune: “How (could) [someone] to whom his life is dear, even if hungry, (eat?) poisoned food, [even if it is] good to eat²²? Or how could [someone] *sk[ā]wiṣ* a sharp **edge of a blade** smeared (with ...)? (Or how could) [someone] to whom his life is dear (smell?) a fragrant blue lotus with a snake in it? And how could I be fond of the kingship, which crushes merit with its royal (signs?/ornaments?²³)?”’

So, in the second pāda, to *sk[ā]wiṣ* a sharp blade smeared with something (probably tasty, such as honey) would be as dangerous as eating poisonous food or smelling a lotus with a snake in it. It is natural to assume that this verb means ‘to lick’²⁴. And here we are about to make a bold move, which, as far as we know, has never been made before²⁵: to compare Toch. A *skāw-* with Toch. B *skāw-*.

This Toch. B verb is found once (apart from fragmentary line PK AS 15G b2 /// *sa skāwa – ta -e* ///), in the following context (line B 83, 3):

/// (e)ñkormem kenīne lamāstār-ne autsate-ne rupaške kantwas(a) skāwa(tsi) ///

‘...having taken..., he seats him on his lap and started to *skāwa(tsi)* his little face with his tongue...’

skāwa(tsi) is usually translated as ‘to kiss’ (see, e.g., [Malzahn 2010: 957; Adams 2013: 773]), but the word *kantwas(a)* ‘with [his] tongue’, in our opinion, makes the meaning ‘to lick’ at least as likely (cf. the example from the Rāmāyaṇa quoted above). In any case, it is virtually certain that the A and B verbs are cognate.

The actual form of the Toch. A root cannot be determined precisely based on a single form *sk[ā]wiṣ*: it can be either *skā-* or *skāw-* depending on whether the *w* is a hiatus-filler or part of the root. In the first case, we expect, for example, the verbal noun to be **skālune* (cf. *wālune* next to the optative *wāwim* from *āk-/wā-* ‘to lead’); in the second case, we would expect **skāwlune* (cf. *(wl)āwluneyumāṣ* from *wlāw-* ‘to control (oneself)’).

8. Tocharian A *pāšt-*, B *pāšt-* ‘to whisper’

The Toch. A verb *pāšt-* is attested twice — in lines A 131 a5 and A 253 b4. The latter comes from a narrative about women of the city of Ketumafī praising the bodhisattva Maitreya and trying to gain his attention. The episode is preserved almost without lacunae. The closest context reads:

²² Sieg [1952: 20] translates *wsomānt śwātsi krant [św](ātsi)* as ‘eine giftige Speise als gut (Speise)’ with *śwātsi* understood as ‘food’ both times. However, as in the other pādas the mortal danger is put side by side with external attractiveness, we believe that *krant [św](ātsi)* means ‘good to eat, tasty’, where *śwātsi* is not the noun ‘food’, but the infinitive ‘to eat’, cf. *lkātsi kāśwe* ‘good to look at, handsome’ (A 5 a3, 16 b3).

²³ For the beginning of this pāda, there are at least two possibilities. The first possible restoration is *(ṣotre)yntuṣyo* ‘with signs’: in line A 64 b1, it is said that Mūkaphalgu possesses the 32 signs of a cakravartin king (which is unexpected, since he becomes neither a cakravartin nor a Buddha within his lifetime): *cakravartti lāñcināñ ta(r)y(āk)-[w](e-pi) [s](ot)r(e)yntu salu camī* : ‘He has all the 32 signs of a cakravartin’. Another possibility is either *(yetwe)yntuṣyo* or *(wampe)yntuṣyo*, both ‘with ornaments’.

²⁴ Cf. a similar phrasing, with the same word *kṣura* ‘blade, razor’, in the Rāmāyaṇa 3.47.41, where Sītā says to Rāvaṇa, who is asking her hand: *akṣi sūcyā pramrjasi jihvayā lekṣi ca kṣuram* ‘You are rubbing your eyes with a needle and licking the razor with your tongue’ (translation according to <https://www.valmiki.iitk.ac.in/>).

²⁵ Malzahn [2010: 957] claims that this comparison was made in [Couvreur 1954: 261], but as we said earlier, Couvreur was actually talking about the verb *skwaññ-*.

karyeñc šomaṃ päṣṭiñc šomaṃ ši ats wasac pälkūtār :

‘[C]ertaines rient, certaines crient: “Regarde donc une fois seulement vers nous!..”’ (translation as per [Pinault 2006: 72]).

It is of course beyond any doubt that *päṣt-* is some verb of speech; however, there seems to be no obvious reason why its exact meaning is ‘to shout’ and not, e.g., ‘to supplicate’.

The first occurrence is said to be “without context” in [Malzahn 2010: 722], but we will try to show that it is not so. In [Sieg, Siegling 1921: 71], line A 131 a5 is given as follows:

//// *•otsaṃ päṣṭsaṃ taṃ ne škemše[m]* ////

There is just one Toch. A noun that ends in *-ots*, and it is *klots* ‘ear’, and the locative (*kl*)*otsaṃ* ‘in the ear’ seems natural next to a verb of speech. As for *škemše[m]*, it is possible to emend it to:

/// (*kl*)*otsaṃ päṣṭš-ām taṃ ne šk<a>ṃ [p]e[m]* ///
 ‘...he/she ??? in his/her ear: “Say thus...”’

The reading *[p]e[m]* seems even more likely than *še[m]*, and *škem* instead of *škaṃ* could be a scribal error influenced by two *e*’s in adjacent syllables (*e* in *škem* looks fainter than the rest of the akṣara, so there might have been an attempt to scrape it). If our reading is correct, in this case, just like in A 253 b4, the verb *päṣt-* introduces the direct speech. It can be compared to the following example (A 432 a2):

/// *šomiṃ pärkmar-ci māmt ne wram tāṣ tām ne peṃ*
 ‘Girl, I am asking you, tell [me] what the matter is.’

Quite remarkably, the phrase (*kl*)*otsaṃ päṣṭš-ām* finds a good parallel in Toch. B (line B 328 b4):

/// || *kattāke klautsaine pāsaṃ-(n)e* ///
 ‘If the householder ??? in his/her ear...’

(The verbal form is given as per [Sieg, Siegling 1953: 212]; for the restoration *-(n)e*, see [Malzahn 2010: 698].)

As Malzahn rightfully notes, ‘the lower part of the akṣara <pā> is damaged, so one could read <p(·)ā>’ [Ibid.]. But the same is true for the akṣara *saṃ*: the leaf is torn in such a way that a reading *pās(t)am-(n)e* is also possible²⁶.

Leaf B 328 describes *pāyantika* offenses (in Tocharian, *pāyti*, seen in lines a3, a4, b3), and the line in question can be compared with the *pāyantika* offense for nuns No. 103 from the Bhikṣuṇī-prātimokṣa of the Mūlasarvāstivāda-vinaya, cf. the Tibetan text (Derge Kangyur, Ta 19b):

yang dge slong ma gang khyim pa las rnar bshub cing smra ba nyan na ltung byed do
 ‘If a nun listens to a **householder whispering in her ear**, she commits a *pāyantika* offense.’

We can, therefore, conclude that the Toch. B verb *päṣt-* means ‘to whisper’, as was already suggested in [Adams 1999: 367]. The same, of course, holds true for its Toch. A cognate *päṣt-*. As the Toch. B form is *pās(t)am-(n)e*, this verb exhibits the *ā* ablaut grade in non-present forms, which is not unprecedented for verbs that have the class 1 present in Toch. A: cf. *pik-* ‘to write, draw’, *lik-* ‘to wash’ and *säl-* ‘to fly’, which show the *ā*-grade in both languages, although in Toch. B the verb *pik-* has a class 7 present and the verb *lik-* class 6 (for *säl-* no data is at hand). Besides the newly found *päṣt-*, this group might also include *länk-* ‘to hang’, which has the class 1 present in Toch. A (non-present non-causative forms are not known), if the isolated Toch. B form *laṅkār-ne* (THT 1428 a3) belongs to it (see [Peyrot 2013a: 808, fn. 745]).

²⁶ If so, pace Adams [2013: 408], this form cannot belong to the same verb as the verbal adjective *psälle* /// (IOL Toch 946 a2) of unknown meaning.

Therefore, we can reconstruct the Proto-Tocharian verb **pəst-* ‘to whisper’, which most likely has an onomatopoeic origin, cf. English ‘psst!’

9. Tocharian A *mišā*?

Compare A 62 a1 *yma[tu]nt mi[s]ā* and A 251 b4 = A 252 b4 *ymatunt miši*. Putting aside the problem of the meaning of this phrase (see [Peyrot 2016: 206–208]), the strange variation *mi[s]ā ~ miši* is bothering. Luckily, the picture of leaf A 62 is available and we can see that the akṣara transliterated as *[s]ā* in [Sieg, Siegling 1921: 35] is damaged and another reading is possible here, namely *mi[š]ā*, which is, of course, to be preferred over *mi[s]ā* in light of the parallel in leaves A 251 and 252. *ī* instead of *i* is found a few times in the manuscript No. A 55–88 (including twice on the same leaf A 62): cf. A 57 a5 *pāšīnās*, A 62 a4 *ālašī*, A 62 b6 *sīddhām* and A 69 b3 *samsār-šīnās*. It is noteworthy that in all of these examples the *ī* follows a sibilant (*ś*, *ṣ* or *s*).

In very much a similar way we propose to emend the reading given in [Sieg, Siegling 1921: 243] for A 447 b5: instead of *·āme pāl[tsa] ///* one should read *[ī]me pāl[tsā](k)* ‘mind and thought’, which is a very common phrase [Carling 2009: 64]. What the editors took for a diacritic sign for *ā* is actually part of the akṣara *ī*.

10. Tocharian A *arkamām** ‘cemetery’

The Toch. A correspondence of Toch. B *erkau* (plural *erkenma*) ‘cemetery’ is thought to be unattested in its pure form, as only the derived adjective *arkāmnā-šī** is found in dictionaries [Poucha 1955: 10; Carling 2009: 16]. Four instances of it are quoted, of which we will discuss one, namely A 375 b5. The passage of interest is transliterated as follows in [Sieg, Siegling 1921: 208]:

arkāmnā-ā – krānāśśi lepsāśśi k_uñāś^ā yāmā – – –

Different restorations have been proposed for the beginning of this pāda, namely *arkāmnā-(š)ā – krānāśśi* [Poucha 1955: 10], *arkāmnā-(ṣṣ)ā(s su)krānāśśi* [Carling 2009: 16; Malzahn 2014: 92] and *arkāmnā (m)ā (su)krānāśśi* [Burlak, Itkin 2010: 355]. Neither of those, however, takes into account the fact that the two akṣaras after *mnā* are quite visible, and the most preferable reading is *arkāmnā[s]ā [su]krānāśśi*.²⁷

It means that here we are dealing not with the adjective but with the original noun, namely its perl. pl. The akṣara after *yāmā* looks like *[l]*, therefore the improved reading we propose is as follows:

arkāmnā[s]ā [su]krānāśśi lepsāśśi k_uñāś yāmā[l]· ///

‘On cemeteries, a strife may arise (lit. ‘be made’) between vultures/crows (?) and jackals (?)...’

Given the Toch. B correspondence *erkau* (plural *erkenma*), the expected vocabulary form in Toch. A should be *arkamām** (with both *a*’s regularly corresponding to Toch. B *e*’s). The second *a* is weakened to *ā* due to the so-called Vokalbalance before endings (see [Krause, Thomas 1960: 45–47]), cf. a similar case in *onkalām* ‘elephant’, nom. pl. *onkālāmāñ*.

As for the animals depicted in this line, see the discussion in [Burlak, Itkin 2010: 354–356] and [Malzahn 2014: 92–93]. The Sanskrit *jambūka* ‘jackal’ was glossed in a damaged bilingual text A 454 + A 456 + THT 16360 b4, but its gloss, most of which is in a lacuna, did not receive a reading in [Malyshev 2019: 83]. We now believe that the best reading is *[k](uṣṭ-l)[u]*, a compound

²⁷ The *[s]* was actually restored by W. Siegling in his personal copy of [Sieg, Siegling 1921]. However, his full restoration is *arkāmnā(s)ā(s su)krānāśśi*, with an unexpected *-s*.

found twice in leaf A 55 alongside *lepās**.²⁸ *kušt-lu* is believed to have a more general meaning like ‘carrion-eater’ or ‘predator’ (cf. [Carling 2009: 156]): compare it with such designations as *wrināñ lwā* ‘fish (?)’ (lit. ‘water animals’)²⁹ and *saltāñ lwā** ‘birds (?)’ (lit. ‘flying animals’).

11. Tocharian A *Lumbiniy*: genitive or nominative?

Line A 118 b1 contains a unique case of a word-final *-iy* in Toch. A:

/// *triś riyam suprabuddhes lānt lumbiniy* ///

In [Sieg et al. 1931: 86] and [Poucha 1955: 271], *Lumbiniy* was thought to be the gen. sg. of *Lumbini**, the name of the birthplace of the Buddha (< Skt. *Lumbinī*). However, as was rightly noted in the former work, it is highly irregular as the expected form would be **Lumbinis* (cf. *Sundaris* from *Sundari*).

A better interpretation can be proposed if we look at a very close parallel from the Saṃghabhedavastu of the Mūlasarvāstivāda-vinaya [SBV I: 33]:

devadrśe nagare suprabuddho rājyam rājā kārayati ... suprabuddhasya rājño lumbinī nāmāgramahiṣī

‘In the city of Devadrśa ruled the king Suprabuddha ... King Suprabuddha’s chief wife was called **Lumbinī**.’

First of all, this parallel secures W. Siegling’s restoration (*Deva*)*triś*, being the name of Suprabuddha’s city (see his personal copy of [Sieg, Siegling 1921: 66]). But most importantly, it shows that *Lumbiniy* is not the gen. sg. of a place name, but rather the nom. sg. of the name of the queen, and there is no need to surmise an anomalous ending *-y*. Since the queen is called *Lumbiniy* and not **Lumbini*, we probably have a version of her name different from that found in the Saṃghabhedavastu. It must come from an unattested variant **Lumbinīyā* or **Lumbiniyā*.

12. Tocharian A *kñom** ‘coil’

The noun *kñom** is found three times — in lines A 315+316 a6, 389 a1 and probably THT 1488 a4 [Itkin 2019: 113]. In [Sieg et al. 1931: 50] it was left without translation. Starting with [Sieg 1952: 29], the translation ‘serpent’s hood’ (‘Haube’) became a commonplace, see [Poucha 1955: 89; Carling 2009: 168]. Hilmarsson [1984: 287] claims that “the meaning of A *kñom* as ‘a serpent’s hood’ seems ascertained, cf. Thomas 1964: 98 (= Skt. *phaṇā*)”, but does not provide evidence (neither does Thomas, whom he quotes).

Here is the example in which the context is best preserved (A 315+316 a6):

/// *mi opliš kesāram śkaṃ wāsugi nāge kñomm oki pārlyāñk [ś:]* ///

‘...and on the filament (?) of the lotus ... cross-legged posture like the *kñom* of Vāsuki the nāga...’

²⁸ Cf. A 55 b2 /// *[sā]m sne sem waste kušt-lwākā tā śśi yārtār* ‘Where is he, [who is] without support and refuge, being dragged by *kušt-lu*’s?’

²⁹ In [Itkin et al. 2017: 73] we noted that “It is possible that the Uyghur translator interpreted the phrase *wrināñ lwā* as a designation of some hellish beings and therefore translated it literally as *suvdaki tin-laglar* ‘Wasser-Lebewesen’. As far as we know, this phrase is not found anywhere else in the ‘Maitrisimit nom bitig’”. However, it came to our attention that this very phrase is found in another Uyghur text translated from Tocharian A, namely the Daśakarmapathāvadānamālā, lines 01112–01113 as per [Wilkens 2016: I, 262], in the description of Supārāga’s journey into the Ocean.

It is not immediately clear why a cross-legged posture would be compared to a serpent's hood, so let us see if there is a better solution.

Luckily, there are good parallels for this passage. One comes, again, from the *Samghabhedavastu* [SBV I: 113]:

vajrāsanam abhiruhya suptoragarājabhogaparipñḍīkṛtaṃ paryāṅkaṃ baddhvā niṣaṇṇaḥ
'He sat down, having mounted a diamond seat and taken the **cross-legged posture with limbs massed together like coils of a sleeping serpent king.**'

The other is from the *Buddhacarita* (12.120a–b):

tataḥ sa paryāṅkaṃ akampyam uttamaṃ babandha suptoragabhogapiñḍitaṃ
'Then he took up the supreme, immovable **cross-legged posture with his limbs massed together like the coils of a sleeping serpent.**' [Johnston 1936: 186]

Therefore, it seems certain that the Sanskrit equivalent of *kñom** is not *phāṇa* 'hood', but *bhoga* 'coil' (which, by the way, also has a meaning 'hood'), and it means the same.

13. Tocharian A *pant**, B *pente* 'a throwing weapon'

Line A 264 a1 was read as follows in [Sieg, Siegling 1921: 137]:

(ka)pśīññā pākār maṣkamtram, cākkri tomāri śaktiñ triś – [bhi]ñḍipālyī kāreñ pa[tt·] ///
(In his personal copy of [Sieg, Siegling 1921: 137], W. Siegling restores the nom. pl. *triś(ūli)* 'tridents', but this word is not attested with a long *ū* in Toch. A; moreover, besides **triśuli*, a palatalized form **triśulyi* is also possible, cf. *treśāl[y]ī* from *treśāl** 'house with 3 halls (?)'.)

It can be translated as:

'On their/our body were revealed *cakras*, lances (*tomara*), darts (*śakti*), tridents (*triśūla*), *bhindipālas*, swords...' (*Cakra* is a wheel to be thrown as a weapon; *bhindipāla* is also some sort of throwing weapon, see [MW: 757c] for its meaning and many spellings.)

For the mysterious *pa[tt·] ///*, starting with [Sieg et al. 1931: 107] the conjecture *pa[tt·](ākāñ)*, nom. pl. of *pattāk** 'banner, pennant' (< Skt. *patākā*) has been accepted, cf. acc. pl. *pattākās* (A 164 a2), gen. pl. *pattākāśsi* (A 220 a3). Such decision, however, cannot be regarded as certain: a banner is not a kind of weapon. In line A 164 a2 *pattāk*'s are found next to a word of quite a different semantics: *yetwentu* 'ornaments'; line A 220 a3 does not seem to refer to anything "military" either, although the context is not too clear.

Our line can be compared to line b1 of the unpublished Toch. B fragment THT 1927:

/// – r₁ tomār₁ pente bhi – ///

(The reading of this line proposed in [Tamai 2007] is clearly unsatisfactory, thus we beg not to consider it.)

As it also appears to contain names of weapons, we can propose the following restoration:

/// (cāk)[kār] tomār pente bhi(n)[d](ipāl) ///
'...*cakra*, lance (*tomara*), *pente*, *bhindipāla*...' ³⁰

³⁰ Neither *tomār*, *pente* nor *bhindipāl** are recorded in [Adams 2013]. However, the latter is securely attested in a more "Tocharized" spelling at least in one other fragment in the perl. sg. form *piñḍipāltsa* (THT 1556 b5), see [Ogihara 2012: 143].

In this light, it is tempting to read *pa[nt]·* instead of *pa[tt]·* in A 264 a1, as *nt* and *tt* are often hard to tell apart (the picture of A 264 is unfortunately lost), and equate it to Toch. B *pente*, as the correspondence is phonologically regular. Since both nouns are found among names of throwing weapons, it also possibly denotes some sort of throwing weapon. In A 264 a1 we are of course to expect a nom. pl. form, but the exact shape of it is impossible to restore.

If we were to read *tt* in both cases, then the correspondence would not be regular as Proto-Tocharian double consonants are simplified in Toch. A: cf. B *tärrek* — A *trak* ‘blind’, B *pälskossu* — A *pälskasu** ‘± thoughtful’, etc. [Burlak 2000: 84–85].

The etymology of the Toch. B *pente*, A *pant** (Proto-Tocharian **pente*) remains an open question. Evidently, it cannot be a Sanskrit loanword; but certainly, such lists of weapons are not supposed to contain only loanwords, cf. a native Toch. A lexeme *kāre** ‘sword’ in line A 264 a1. If our assumption about the combination *nt* in this word is true, the comparison with the first part of the same Skt. *bhīṇḍipāla* comes to mind. However, the correspondence ‘Proto-Tocharian **e* ~ Skt. *i*’ is not regular; besides, the Sanskrit noun, remarkable for its highly varying phonetic shape (which suggests an idea of its non-native origin), is etymologically unclear (see [Uhlenbeck 1899: 201, Mayrhofer 1963: 501]).

14. Tocharian A *plāk** ‘copper’

At the end of line A 166 b4 we read *añcwā-ṣim pat plāk-ṣim* ‘of iron or of *plāk*’. *plāk* is usually said to mean ‘look, glance’ here (see [Poucha 1955: 204]), but iron and look make a rather odd pair, in our opinion.

The end of Toch. B line THT 1543d b2 reads: *eñcuwa pilke wat* ‘iron or copper’. The meaning of the Toch. B word is determined with full certainty owing to the bilingual text B 529: in line B 529 b4 *pilke* translates Skt. *tāmraṃ* ‘copper’.

Therefore, we think it is necessary to reinterpret *plāk-ṣim* as derived not from *plāk* ‘look’ (= B *pilko*), but from a homonymous noun *plāk** ‘copper’, regularly corresponding to B *pilke* ‘copper’. Adams [2013: 414] derives this word from *pālk-* ‘to shine’, which etymologically may not be distinct from the root *pālk-* ‘to see’ (see [Malzahn 2010: 716]). Interestingly, both Proto-Tocharian **p’al(ə)ko* ‘look’ and **p’al(ə)ke* ‘copper’ seem to have cognates in Modern German *Blick* ‘look’ and *Blech* ‘sheet of metal; brass instruments’, from the same root (see [WP II: 211–212]).

15. Causative from Tocharian A *māsk-*

The verso of leaf A 153, for which there is no picture available, tells a story about how the monk Nanda’s semen (*śūraṃ*) fell on the head of Viśākhā, a rich upāsikā. This episode is also narrated in the Kṣudrakavastu section of the Mūlasarvāstivāda-vinaya (Derge Kangyur, Tha 121b; translation as per [Formigatti 2009: 141]):

“While Viśākhā was touching his feet, because the touch of a woman is poison, Nanda out of intense lust ejaculated and his sperm fell on her head. Since the Buddhas have the inherent quality of mental lucidity, the Blessed One magically transformed the sperm into olibanum resin. Viśākhā thought, ‘Here, from where does the olibanum resin come out? Surely the noble Nanda emitted an impurity and therefore the Blessed One, who possesses the inherent quality of mental lucidity, magically transformed³¹ the sperm into olibanum resin.’”

³¹ On the basis of Tibetan *byin gyis brlabs*, the original Sanskrit verb for ‘magically transform’ can be hypothesized as *adhitiṣṭhati* [BHSD: 12b–13a].

This text is pretty close to that in leaf A 153. In particular, the process of the transformation of Nanda's semen into something else is mentioned twice: first in the narrative, then in Viśākhā's thoughts. The first passage reads (line b3):

/// wram pättā-ñkāt kāsṣi eše yāmtsāt tm-āk puttiśpar-ṣiṃ cāmplune cam šūram waryo ka-
knunt ku(ñcit-ṣi śālyp) ///

'The Buddha-teacher comprehended (this) matter, and immediately the power of the Buddhahood (transformed) this semen into fragrant sesame (oil).'

The verb of transformation is completely lost in a lacuna. The second passage reads (line b6):

caṣ škam pättā-ñkāt kāsṣi waryo kaknunt kuñci[t]-(ś)i śālyp mamā-ṃ – m-r-o ///

'And the Buddha-teacher (has transformed) it into fragrant sesame oil...'

Here, *mamā* most likely belongs to some causative preterit (class II) of some verb with a 'short' root vowel, and *ṃ* is a 3.sg. enclitic pronoun. Just one known verb seems to fit semantically, namely *māsk-* 'to be, become'. Although it is one of the most frequent Toch. A verbs, no causative forms of it are quoted in literature.³² However, beside our conjecture *mamā(skā)-ṃ* for line A 153 b6, another example seems to be found in line THT 1589h b2: /// (arā)mpāt mamā[s]k- ///. Although the last akṣara is damaged, the bottom of it is preserved, and it is clear that the vowel is not *u*, therefore it cannot be the past participle *mamāsku* and the only remaining option is to treat it like another case of the causative preterit of *māsk-* [Itkin 2019: 59].

That *māsk-* has a class II causative preterit *mamsāk** next to a class III non-causative preterit (*māskās*) is noteworthy; otherwise we can only cite *si-* ~ *sin-* 'to be satiated' with the causative forms *sasyā* ~ *sasiṃ* and the non-causative forms *sasyu* ~ *siṃsāte*.

16. Tocharian A *kāmārwāts**

Line A 120 a1 is presented as follows in [Sieg, Siegling 1921: 67]:

//// (hā)rite : yetu wāmpu yetwesyo eñkalyo yā – () kāmār wā[nt] : ś.

kāmār was interpreted in [Sieg et al. 1931: 265] as a deviant form of *kāmar* 'together'. If we accept this interpretation, we are left with the word *wā[nt]*, for which the only possible meaning is 'they led' (3.pl. pret. med. from *āk-/wā* 'to lead'), which is syntactically out of place next to the nominative singular forms *yetu* and *wāmpu*.

Since the original reading does not make a lot of sense, we suggest emending *kāmār wā[nt]* to *kāmārwā[ts]*, an adjective derived from the already mentioned adverb *kāmar* 'together'. This interpretation explains the change of *a* into *ā* by the Vokalbalance, cf. *yātālwāts* 'mighty' from *yātal* 'capable'. The adjective would mean something like 'endowed with, full of' and thus synonymous to *kaknu*. For *yā – ()*, the only sensible restoration seems to be *yā(ś)* 'goes'. The translation of the pāda then goes like this: 'He (= Hārta?) goes ornated and adorned with ornaments, full of passion.'

There is no surviving picture of leaf A 120, so we cannot support our emendation of *[nt]* into *[ts]* paleographically, but a minor damage could have easily made the two indistinguishable. This case is very similar to that in line A 342 a5, for which Couvreur [1956: 85] proposed to emend *rākṣa[nt]* to *rākṣa[ts]* 'rākṣasa' (cf. [Itkin 2019: 175] for other attestations of this form), even though the picture is likewise missing.

³² However, this very form (*mamā-ṃ*), without conjectures and interpretations, is listed in [Poucha 1955: 228] under *māsk-*.

17. Tocharian A *yāw-* ~ *yow-* ‘to enter’: a ghost verb

According to [Sieg et al. 1931: 461], there are three forms belonging to a verb meaning ‘to enter’ (‘eintreten’): pret. *yowā* (A 111 a2), *yowās* (A 19 b4 and maybe A 62 a2 and A 75 a3) and past. part. *yaiwu* (A 320 a3). There is little doubt that this verb was established on the basis of comparison with such B forms as pret. *yopsa* and past. part. *yaiwu* of the same meaning. Objections to this analysis are numerous:

1. Correspondence ‘B *p* ~ A *w*’ is irregular.
2. Correspondence ‘pret. *yowās* ~ past. part. *yaiwu*’ is irregular for Toch. A.
3. The meaning ‘to enter’ does not fit well any of the contexts. Most contexts are fragmentary.

Let us analyze the contexts one by one.

/// *ñcyowātsakāl* (A 111 a2) is obscure. A word boundary between *ñc* and *yowā* would be unusual, as all examples of ‘...*ñc*#y...’ known to us are written with a virāma (A 1 a3 bis, 55 b3, 218 b2, 220 a2, 231 a5, 236 b3, 276 b6, 324 b6, 332 a9). Given the context, we would rather read this line as /// *ñc yo wātsakāl essi putāk nāš nāšye pāk yšam* /// ‘...order to give ...*ñc* and *wāt-sakāl*. For the lady’s sake (?)³³ I ... a moat...’ (the enclitic *yo* is always written without a virāma; otherwise, -*yo* can, of course, be the instrumental case ending). Perhaps *wātsakāl* is some instrument required for digging a moat, such as a spade.

The best preserved context comes from the story of Bṛhaddiyuti, lines A 19 b3–5 (the problematic part is shaded and given without translation):

tmāš sām āśānik (śā)kyamuni ñāktaśśi ptā-ñkāt cam penu sārka-ši wraśālyowās šolāram
ārki-šośšis tso(pa)tsām pruccamñe yatsi kāryatsum ānandānac trāñkāš
 ‘Then the arhat Śākyamuni, the Buddha of gods ... intent on doing a great advantage for the world, says to Ānanda.’

In [Sieg, Sieglings 1921: 16], the sequence *wraśālyowās* was segmented as *wraśālyo wās*, but starting with [Sieg et al. 1931: 461] at the latest, a new interpretation took over: *wraśāl yowās*, containing the verb *yāw-* ~ *yow-* ‘to enter’.

This interpretation raises many questions. First of all, *šolāram* is a postposition and, like its synonym *šolār*, in all clear cases follows a nominal phrase (the only exception is *tāpprem šolār* in 360, 11 and 13; at its first occurrence, it glosses Skt. *tāvatā* ‘to that extent’). They usually require the accusative case: cf. A 101 “a”6 *nimiṃ šolār* ‘up to Nimi’ (see also A 23 a1, 69 b2, 270 a6, 300 a6, 408 a3, YQ I.4 b5, YQ II.14 b2, YQ III.10 a6, THT 1422c a3); in one uncertain case we have a locative: A 375 a5 [l](a)[p](a)[m] *šolār*.

As for the meaning of the shaded segment, the translation *kono byōki no kurushimi no saichū ni arinagara* ‘while being in the midst of suffering from this disease’ in [Ogihara 2010: 170] presupposes that in our text *šolāram* functions as a conjunction and renders it by the Japanese suffix *-inagara* ‘while’, whereas there seems to be no indication that this or any other postposition may serve as a conjunction after a finite verb form. Reading the translation in [Sieg 1944: 23] ‘auch an diese Erkrankungsempfindung war er herangetreten (?)’, one cannot help but wonder how one can ‘enter’ pain. CETOM’s translation ‘up to this feeling of sickness, too, he had come’ seems to connect *šolāram* with *wraśāl*, with *yowās* being sneaked in between them.

Therefore, we deem it necessary to return to the original segmentation *wraśālyo wās*, with *wraśālyo* being the instr. sg. of *wraśāl* ‘pain’ and *wās* meaning ‘poison’. In that case, for *cam*

³³ For *pāk* ‘part’ used as a genitival postposition possibly meaning ‘for the sake of’ see A 313 b6 *puk saṃsār-šinās wrasaśśi mosam šomāp šomāp pāk ko(ry a)saṃkhesyo* ‘For ten million of innumerable eons, for the sake of all saṃsāric beings, for every single one of them...’ and B *pakāna* ‘for the sake of’ (also a genitival postposition).

penu sārka-ṣi wraṣālyo wās ṣolāraṃ the following translation can be proposed: ‘even with the pain of this sickness, to the point of [drinking] poison’, where *wās ṣolāraṃ* might be an idiomatic phrase describing the intensity of the pain; cf. *ṣol ṣolār(am)*, which also seems to have an idiomatic meaning ‘never in one’s life’: A 300 a6 *ṣāmnāsā pkāc ṣol ṣolār mā yas kāṣiṇṭsi* ‘never in your life have you intended to offend monks’ (cf. also A 233 a7, 408 a3, YQ II.14 b2). Perhaps a better solution may be proposed, but, in our opinion, reading *yowās* as a verbal form is definitely not the best one.

As for line A 62 a2, we have argued against reading *solntu (yo)wās* ‘entered lives’ in favor of *solntu (ś)wās* ‘lived lives’ in [Itkin 2018: 169–170].

In line A 75 a3, the reading *(yo)wās kapśṇam* is impossible paleographically: there is no trace of an *o*. In this line, the gods praise Śaḍdanta’s compassion towards the hunter after the latter shot him with a poisoned arrow (cf. *wsom pār* ‘poisoned arrow’ below, in line b4). Therefore, *wās* ‘poison’ is most likely to be read here as well.

Finally, line A 320 a3 reads:

/// *pāccās poṣṣāsā yaiwu* – – – – (*swā*)*ñcenyo* : 2 || *tān ne [w]kā(nyo)* ///

yaiwu is clearly a past. part. of some verb. However, there is no need to assign it to the hypothetical verb *yāw-* ~ *yow-*, as there is a well-attested verb — *yu-* ‘to be inclined’ — for which *yaiwu* would be a totally regular and expected causative past participle.

What do the words *pāccās poṣṣāsā yaiwu* mean? The phrase *pāccās poṣṣāsā* is also found in line A 12 b4, where it means ‘on the right side’ (said of a lion’s sleeping position). The recto of leaf A 320 tells about the rays that the Buddha’s body emits, which go as far as hells and comfort their denizens, cf. the next line a4:

/// (*krośśās swāñce*)*nās tarkar* ♦ *krośśās ñarey(n)twam* – (*o*)*mām swāñcenās tark(ar)* ///
‘(In hot hells), they emitted (cold) rays. In cold hells, they emitted hot rays.’

This description is similar to a cliché in the Mūlasarvāstivādin literature describing the Buddhas’ smile. For line a4, cf., e.g., the Divyāvadāna [Cowell, Neil 1886: 68]:

ya uṣṇanarakās teṣu śītībhūtvā nipatanti ye śītanarakās teṣuṣṇībhūtvā nipatanti
‘When they (= the rays) fall into hot hells, they become cold; when they fall into cold hells, they become hot.’

On the previous page, the colors of the rays are described. Some are said to be blue (*nīla*), some yellow (*pīṭa*), some the color of rubies (*padmarāga*), etc. Of interest for us are those the color of *dakṣiṇāvartaśaṅkha* ‘right-turned conch shell’, because *dakṣiṇāvarta* ‘right-turned’ resembles a lot our phrase *pāccās poṣṣāsā yaiwu*.

The causative of *yu-* ‘to be inclined’ is peculiar, because in both A and B it is sometimes intransitive (see [Malzahn 2010: 805–806]). As such, it is similar to the verb *nām-* ‘to bend down’, whose causative and non-causative forms are equally intransitive; the difference in meaning for *nām-* was described in [Peyrot 2013b: 245–246]: causative forms, such as *nanmu** ~ *ñāñmu**, refer to reverential bowing, while non-causative ones, such as *nmo*, simply denote bending down (including of inanimate objects). With *yu-*, the non-causative forms also mean a mere change of position in space (cf. A 8 a4 *ywont lap tsru* ‘a slightly bent head’). The causative is translated as ‘aspire to, reach out for’ in [Malzahn 2010: 805], but there is just one example of intransitive usage with some context (A 394 a2). Whatever the difference in meaning between *ywo** and *yaiwu* is,³⁴ it is clear that they can both be intransitive, similarly to *nmo* and *nanmu** ~ *ñāñmu**. Therefore, *pāccās poṣṣāsā yaiwu* can probably be a good enough translation of Skt. *dakṣiṇāvarta* ‘right-turned, dextral’.

³⁴ Since all examples of *ywo** (A 8 a4, a5) and *yaiwu* come from verses, one or the other may have been chosen for purely metrical reasons.

As we have tried to show, all the alleged occurrences of the hypothetical verb *yāw-* ~ *yow-* ‘to enter’ are very dubious (beside being morphologically anomalous) and for some of them plausible solutions can be proposed. Therefore, this verb probably does not exist in Toch. A.

18. Tocharian A *sārmār wārmām* ‘breathing heavily (?)’ and *sok* ‘slowly (?)’

The verse in line YQ III.11 b8 of the structure 4/3/4/3/4 reads:

/// ymām | sārmār wārmām | što semā | sok šik tāmām : mokoneyo | yo ///
‘...going, *sārmār wārmām*, with the support of a stick, *sok* taking steps. By old age...’

With the meaning of *sārmār* and *sok* unknown and the Uyghur translation missing, the translation of this line is difficult. But it is clear that it is a description of an old person going somewhere.

The middle participle *wārmām* was attributed (with a question mark) to the verb *wār-* ‘to practice’ in [Ji et al. 1998: 277]. However, this can hardly be correct, as the expected class 8 middle participle of *wār-* would be *wrāsmām** (cf. *nmāsmām* from *nām-*). *wārmām* rather belongs to *wārs-* ‘to breathe’, otherwise only attested in an ambiguous 3.sg. pres. act. form *wārsās*, which points to either present class 1 or 8. The form *wārmām* allows placing this verb securely into class 1, pace Malzahn [2010: 892].

As for the hapax legomenon *sārmār*, the fine consonance *sārmār wārmām* could mean ‘breathing heavily’ or alike in our context.

sok is left untranslated in the glossary to [Ji et al. 1998: 300], but in the text itself it was translated as ‘slowly’ [Ibid.: 193], which fits the context well. Furthermore, it finds support in the already mentioned bilingual manuscript No. A 460–466 of the *Ārghāgama*, namely in line A 462 b1. In [Sieg, Siegling 1921: 248] it was read as follows:

//// bhiroke *palko* [w·] – – [te] ♦ *sok* || m· – m· ////

The line is preserved very badly, but on the right, the Sanskrit word *m(a)[nd](a)m(andaṃ)* ‘very slowly’ can be read with some certainty. Unfortunately, the surviving text of the Sanskrit *Ārghāgama* has not yet been published, which impedes the study of our bilingual manuscript. However, there are important parallels between the *Ārghāgama* and the *Mūlasarvāstivāda-vinaya*, in particular the *Samghabhedavastu* (see [Couvreux 1967]), and in it, the phrase *śanair mandamandam* ‘softly, very slowly’ is found at least four times [SBV II: 27, 47].³⁵ Therefore, we propose a reading (*śa*)[*nai*](*h*) ‘softly, quietly’ for the word that was glossed with *sok*.

sok ‘slow (?)’ may be compared with Latin *sēgnis* ‘slow’, Homeric Greek ἥκα ‘slowly’ and the English verb *to sag* [WP II: 474].

19. ‘Two births’ in Tocharian B

The total number of Toch. B words attested in the dual form is relatively small, so each new addition to their list is of certain value. As far as we know, dual forms of *camel* ‘birth’ have not been cited in published works. Since its plural *cmela* has the suffix *-a*, the expected dual is *cmeli**, cf. *puwar* ‘fire’ with pl. *pwāra* and du. *pwāri* [Krause, Thomas 1960: 119]. It turns out that it is actually found in two unpublished Toch. B fragments:

³⁵ This phrase is also found elsewhere in the *Mūlasarvāstivādin* literature: once in *Guṇaprabha*’s *Vinayasūtra*, rule 8.398 (*śanair* (sic) *mandamandam anāśayatā viskambhinācamanikāpādukām*), and twice in the *Divyāvādāna* [Cowell, Neil 1886: 7].

/// *ke wi cmelimeṃ* – /// (THT 3290 b1) ‘...from two births...’³⁶

and

/// *·m· w[i] cm[e]li* – /// (THT 2369d a1) ‘...two births...’

These two occurrences support the hypothesis that, pace Winter [1984: 159], the use of dual forms in connection with *wi* ‘two’ does not just occur marginally, but is required by some rules [Itkin, Renkovskaya 2009]. What exactly those rules are is difficult to say due to an insufficient number of examples, but, particularly, the following circumstance should be taken into account. The nouns *puwar* ‘fire’ and *pikul* ‘year’ belong to the same inflection class, meanwhile, the former is attested in the du. form in the collocation with *wi*, and the latter — in the pl. form, cf. *wī pwārine* (B 9 a7) ‘in two fires’ vs. *wī pikla* (B 415 a3) ‘two years’. This difference is likely to relate to the fact that the word ‘year’ is in the nom./acc. form, whereas the word ‘fire’ is in the form of a secondary case. As one can see, the same pattern — the use of du. with *wi* in the presence of a secondary case marker — is followed by the word *camel* (in THT 2369d a1 one may only assume that there was a case marker).

REFERENCES

- Adams 1999 — Adams D. Q. *A dictionary of Tocharian B*. (Leiden Studies in Indo-European, 10.) Amsterdam: Rodopi, 1999.
- Adams 2013 — Adams D. Q. *A dictionary of Tocharian B. Revised and greatly enlarged*. Amsterdam: Rodopi, 2013.
- BHSD — Edgerton F. *Buddhist hybrid Sanskrit grammar and dictionary*. Vol. II: *Dictionary*. New Haven (CT): Yale Univ. Press, 1953.
- Bodhi 2012 — Bodhi Bh. *Numerical discourses of the Buddha. A translation of the Aṅguttara Nikāya*. Boston: Wisdom Publications, 2012.
- Burlak 2000 — Burlak S. A. *Istoricheskaya fonetika tokharskix yazykov* [Historical phonetics of Tocharian]. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2000.
- Burlak, Itkin 2000 — Burlak S. A., Itkin I. B. *ṃāñca-kaum* et autres addenda et corrigenda. *Tocharian and Indo-European Studies*, 2000, 9: 33–36.
- Burlak, Itkin 2010 — Burlak S. A., Itkin I. B. *Yreki* et autres addenda et corrigenda — 2. *Issledovaniya po lingvistike i semiotike. Sbornik statei k yubileyu Vyach. Vs. Ivanova. Nikolaeva T. M.* (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 342–358.
- Carling 2009 — Carling G., Pinault G.-J., Winter W. *A dictionary and thesaurus of Tocharian A*. Vol. 1: *Letters a–j*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009.
- CETOM — *A comprehensive edition of Tocharian manuscripts*. www.univie.ac.at/tocharian/.
- Couvreur 1954 — Couvreur W. Review of: Übersetzungen aus dem Tocharischen II, aus dem Nachlass hg. V. Werner Thomas. *Orientalische Literaturzeitung*, 1954, 5/6: 259–261.
- Couvreur 1956 — Couvreur W. Bemerkungen zu Pavel Pouchas Thesaurus linguae tocharicae dialecti A. *La Nouvelle Clío*, 1955–1956, 7–8: 67–98.
- Couvreur 1967 — Couvreur W. Sanskrit-Tochaarse en Sanskrit-Koetsjische trefwoordenlijsten van de Dirghāgama (Dīghanikāya). *Orientalia Gandensia*, 1967, 4: 151–165.
- Cowell, Neil 1886 — Cowell E. B., Neil R. A. *The Divyāvadāna. A collection of early Buddhist legends. Now first edited from the Nepalese Sanskrit mss. in Cambridge and Paris*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1886.
- Formigatti 2009 — Formigatti C. A. The story of Sundarī and Nanda in the Mūlasarvāstivādinaya. *Pāsādikadānam. Festschrift für Bhikkhu Pāsādika*. Straube M. et al. (eds.). Marburg: Indica et Tibetica Verlag, 2009, 129–155.
- Geng et al. 1988 — Geng Sh., Klimkeit H.-J., Eimer H., Laut J. P. *Das Zusammentreffen mit Maitreya. Die ersten fünf Kapitel der Hami-Version der Maitrisimit*. Teil I: *Text, Übersetzung und Kommentar*. (Asiatische Forschungen, 103.) Wiesbaden: Harrassowitz, 1988.

³⁶ The fallacy of the word division /// *kewi cmelimeṃ* accepted in [Tamai 2007] is evident at least from the comparison with line b2, where a syntagma *tarya cmelā* /// ‘three births’ is present.

- Geng et al. 1998 — Geng Sh., Klimkeit H.-J., Laut J. P. *Eine buddhistische Apokalypse. Die Höllenskapitel (20–25) und die Schlußkapitel (26–27) der Hami-Handschrift der alttürkischen Maitrisimit. Unter Einbeziehung von Manuskriptteilen des Textes aus Sāṅim und Murtuk* (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akad. d. Wissenschaften, 103.) Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998.
- Geng et al. 2004 — Geng Sh., Laut J. P., Pinault G.-J. Neue Ergebnisse der Maitrisimit-Forschung (II): Struktur und Inhalt des 26. Kapitels. *Studies on the Inner Asian Languages*, 2004, 19: 29–94.
- Hilmarsson 1984 — Hilmarsson J. East Tocharian *kñom* “the expanded hood or neck of a serpent”. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1984, 97: 287–290.
- Hilmarsson 1994 — Hilmarsson J. Tocharian B *wāyā-*, A *wā-* “to lead” and East Tocharian optatives in *-w-*. *Iranian and Indo-European studies. Memorial volume Otakar Klíma*. Vavroušek P. (ed.). Prague: Enigma, 1984, 99–108.
- Huard 2020 — Huard A. The end of Mahākāśyapa and the encounter with Maitreya — two leaves of a Maitreya-cycle in archaic TB. *Tocharian and Indo-European Studies*, 2020, 20: 1–82.
- Itkin 2002 — Itkin I. B. The linguistic features of Tocharian A manuscript Maitreyāvādānavyākaraṇa. *Manuscripta Orientalia*, 2002, 8/3: 11–16.
- Itkin 2014 — Itkin I. B. A few remarks on the imperfect forms in Tocharian A. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 2: 27–45.
- Itkin 2018 — Itkin I. B. *Noşpeñ Priyasundari* et autres addenda et corrigenda-3. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, 2018, 6: 166–175.
- Itkin 2019 — Itkin I. B. *Ukazatel' slovoform k neopublikovannym tokharskim A tekstam iz sobraniya Berlinskoi biblioteki* [Wordform index for the unpublished Tocharian A texts from the Berlin library]. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2019.
- Itkin et al. 2017 — Itkin I. B., Kuritsyna A. V., Malyshev S. V. Tocharian A text THT 1331 and the “Höllenskapitel” of the “Maitrisimit nom bitig”: Some more remarks. *Tocharian and Indo-European studies*, 2017, 18: 71–81.
- Itkin, Renkovskaya 2009 — Itkin I. B., Renkovskaya E. A. *Dvoistvennoe chislo v tokharskom B yazyke* [Dual in Tocharian B]. Moscow, ms., 2009.
- Ji et al. 1998 — Ji X., Winter W., Pinault G.-J. *Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang Museum, China*. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 113.) Berlin: Mouton De Gruyter, 1998.
- Johnston 1932 — Johnston E. H. *The Saundarananda or Nanda the Fair. Translated from the original Sanskrit of Āśvaghoṣa by E. H. Johnston*. (Panjab Univ. Oriental Publications, 14.) London: Humphrey Milford, 1932.
- Johnston 1936 — Johnston E. H. *The Buddhacarita Or, Acts of the Buddha. Part II: Cantos I to XIV translated from the original Sanskrit supplemented by the Tibetan version together with an introduction and notes by E. H. Johnston*. Calcutta: Baptist Mission Press, 1936.
- Krause, Thomas 1960 — Krause W., Thomas W. *Tocharisches Elementarbuch. Band I.: Grammatik*. Heidelberg: Winter, 1960.
- Malyshev 2019 — Malyshev S. V. A Sanskrit–Tocharian A bilingual text of the Cīvaravastu of the Mūlasarvāstivāda-Vinaya. *Tocharian and Indo-European Studies*, 2019, 19: 71–92.
- Malzahn 2010 — Malzahn M. *The Tocharian verbal system*. Leiden: Brill, 2010.
- Malzahn 2014 — Malzahn M. Tocharian A *śorki* “fear” and two other TA scary words. *Tocharian and Indo-European Studies*, 2014, 15: 87–94.
- Mayrhofer 1963 — Mayrhofer M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. A concise etymological Sanskrit dictionary. Band II*. Heidelberg: Winter, 1963.
- Meiland 2009 — Meiland J. *Garland of the Buddha's past lives. Vol 1*. New York: JJC Foundation; New York Univ. Press, 2009.
- mw — Monier-Williams M. *A Sanskrit-English dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1899.
- Ogihara 2010 — Ogihara H. トカラ語A《Bṛhaddiyuti-Jātaka》の部派帰属について [On the school affiliation of the Bṛhaddiyuti-Jātaka in Tocharian A]. *Tokyo University Linguistic Papers*, 2010, 30: 169–185.
- Ogihara 2012 — Ogihara H. トカラ語Bの『Avadāna写本』断片について [The “Avadāna manuscript” in Tocharian B]. *Tokyo University Linguistic Papers*, 2012, 32: 109–243.
- Ogihara 2015 — Ogihara H. ドイツ所蔵トカラ語B断片THT1859-1860について [Kuchean fragments THT 1859 and THT 1860 in the Berlin Collection]. *Tokyo University Linguistic Papers*, 2015, 36: 103–129.
- Peyrot 2011 — Peyrot M. Review of Carling, Gerd, Georges-Jean Pinault, and Werner Winter, A Dictionary and Thesaurus of Tocharian A. Volume 1: letters a-j. *Kratylos*, 2011, 56: 30–50.

- Peyrot 2013a — Peyrot M. *The Tocharian subjunctive: A study in syntax and verbal stem formation*. (Brill's Studies in Indo-European Languages & Linguistics, 8.) Leiden: Brill, 2013.
- Peyrot 2013b — Peyrot M. Review of: The Tocharian Verbal System. *Tocharian and Indo-European Studies*, 2013, 14: 213–259.
- Peyrot 2016 — Peyrot M. Further Sanskrit–Tocharian bilingual Udānavarga fragments. *Tocharian and Indo-European Studies*, 2016, 17: 153–211.
- Pinault 2006 — Pinault G.-J. Retour sur le numéral “un” en tokharien. *Indogermanische Forschungen*, 2006, 111: 71–97.
- Pinault 2015 — Pinault G.-J. Tocharian nostalgia. *Tocharian and Indo-European Studies*, 2015, 16: 131–179.
- Poucha 1955 — Poucha P. *Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A*. Prague: Státní Pedagogické Nakladatelství, 1955.
- SBV I–II — *The Gilgit manuscript of the Saṅghabhedavastu, being the 17th and last section of the Vinaya of the Mūlasarvāstivādin*. Gnoli R., Venkatacharya T. (eds.). (Serie Orientale Roma, 49.) Rome: Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1977–78.
- Schmidt, Winter 1992 — Schmidt K. T., Winter W. Die Formen der 1. Singular Aktiv der unerweiterten Präterita in Tocharisch A. *Historische Sprachforschung*, 1992, 105: 50–55.
- Sieg 1944 — Sieg E. *Übersetzungen aus dem Tocharischen I*. Berlin: Akademie der Wissenschaften, 1944.
- Sieg 1952 — Sieg E. *Übersetzungen aus dem Tocharischen II, aus dem Nachlass hg. v. Werner Thomas*. Berlin: Akademie-Verlag, 1952.
- Sieg, Siegling 1921 — Sieg E., Siegling W. *Tocharische Sprachreste*. Bd. 1. *Die Texte. A. Transcription*. Berlin: De Gruyter, 1921.
- Sieg, Siegling 1953 — Sieg E., Siegling W. *Tocharische Sprachreste. Sprache B, Heft 2. Fragmente Nr. 71–633*. Ed. by W. Thomas. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1953.
- Sieg et al. 1931 — Sieg E., Siegling W., Schulze W. *Tocharische Grammatik*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1931.
- Tamai 2007 — Tamai T. *A preliminary edition of unpublished texts from the Berlin Turfan Collection. The-saurus indogermanischer Text- und Sprachmaterialien (TITUS): Tocharian manuscripts from the Berlin Turfan collection*. <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/tocharic/tht.htm>.
- Thomas 1964 — Thomas W. *Tocharisches Elementarbuch*. Bd. II.: *Texte und Glossar*. Heidelberg: Winter, 1964.
- Uhlenbeck 1899 — Uhlenbeck C. C. *Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch der Altindischen Sprache*. Amsterdam: Johannes Müller, 1899.
- Wilkens 2016 — Wilkens J. *Buddhistische Erzählungen aus dem alten Zentralasien. Edition der altuigurischen Daśakarmapathāvadānamālā*. Turnhout: Brepols, 2016.
- Winter 1984 — Winter W. *Studia Tocharica. Selected writings. Ausgewählte Beiträge*. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 1984.
- WP I–III — Walde A., Pokorny J. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1927–1932.

Получено / received 05.10.2020

Принято / accepted 17.11.2020

О грибах и губах в испанском языке: к этимологии и семантике *seta* и *jeta*

© 2021

Анна Олеговна Жолобова

Гранадский университет, Гранада, Испания; azholobova@ugr.es

Аннотация: В статье предлагается решение давней, до сих пор не решенной проблемы происхождения испанского слова *seta* ‘гриб’. Проводится критический анализ существующих версий происхождения слова, в том числе гипотез испанских академиков Ж. Короминаса и В. Гарсии де Диего. В исследовании привлекается материал классических языков, некоторых германских, славянских, романских языков и диалектов, а также баскского языка. *Seta* анализируется в контексте с *hongo* ‘гриб’ и *jeta* ‘толстые губы, рыло’. Все три лексемы рассматриваются в параллели с русскими *гриб* и *губа*. Делается вывод о связи *seta* с пластинчатыми грибами, а в качестве этимона предлагается лат. *saepia* ‘перегородки’. Данная мысль прозвучала у Короминаса, однако им была категорически отвергнута.

Ключевые слова: баскский язык, испанский язык, латинский язык, лексика, миконимы, романские языки, этимология

Благодарности: Автор выражает искреннюю благодарность анонимным рецензентам за ценные замечания.

Для цитирования: Жолобова А. О. О грибах и губах в испанском языке: к этимологии и семантике *seta* и *jeta*. *Вопросы языкознания*, 2021, 3: 76–96.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.76-96

On mushrooms and lips in Spanish: Etymology and semantics of *seta* and *jeta*

Anna Zholobova

University of Granada, Granada, Spain; azholobova@ugr.es

Abstract: The paper suggests a solution to an old unsolved problem concerning the origin of Spanish *seta* ‘mushroom’. A critical analysis of the existing theories, including those of the Spanish academicians J. Corominas and V. Garcia de Diego, is held. The author uses data from Classical languages, some Germanic, Slavic, Romance languages and dialects, and Basque. *Seta* is studied along with *hongo* ‘mushroom’ and *jeta* ‘prominent lips, snout’. These three words are analysed in parallel with Russian *grib* ‘mushroom’ and *guba* ‘lip’. It is concluded that *seta* is related to gilled mushrooms, and Latin *saepia* ‘dividing walls’ is proposed as its etymon. This idea was mentioned by Corominas but it was firmly rejected by him.

Keywords: Basque, etymology, Latin, lexicon, myconyms, Romance, Spanish

For citation: Zholobova A. On mushrooms and lips in Spanish: Etymology and semantics of *seta* and *jeta*. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 3: 76–96.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.76-96

1. Лексема *seta* в испанском и других романских языках

Несмотря на значительный прогресс в современном сравнительно-историческом языкознании, в испанском, как и в любом другом естественном языке, осталось еще немало этимологических загадок. Одна из таких загадок связана со словом *seta* ‘гриб’, которое в академическом толковом словаре испанского языка до сих пор имеет помету «de or. inc.» ‘неопределенного происхождения’ [DRAE 2014] и которое не имеет формально-семантических коррелятов в других романских языках¹ [DCECH, 5].

Слово *seta* как таковое существует в некоторых других романских языках, но с иным значением и, очевидно, происхождением. Так, в итальянском языке *seta* — это ‘шелк’ (от лат. *saeta* ‘грива’, ‘щетина’, которое в испанском дало *sedá*) [VT: *seta*]; в португальском и галисийском языках — ‘стрела’ (от лат. *sagitta* ‘стрела’, которое в испанском дало *saeta*) [da Cunha 2012: 592; DRAG; REW: 564]. В некоторых точках северной части Португалии (городах Шавеш, Вила-Реал) и Галисии (муниципалитетах Лейро, Вилальба, Фонсаграда) у *seta* отмечается значение ‘гриб’² [TLGP], но это — очевидный кастельянизм.

Особый интерес представляет астурийский язык, в котором *seta* имеет значение ‘пчелиные соты’, а также ‘гриб’ [DGLA]. *Seta* ‘соты’ широко представлено по всей Астурии, включая западные области, где также встречается форма с дифтонгом *seita* [García Arias 2014: 158]. Стоит также отметить, что слова *setón* и *seta* ‘соты’ встречаются в трех муниципалитетах Кантабрии [ALEC: I, карта 596] и в одном городе Португалии (Браганса)³ [TLGP].

Что касается этимологии, то некоторые лингвисты безоговорочно указывают, что астурийские *seita*, *enseita*, *setón* и *seta* восходят к лат. *sectus* ‘срезанный’ (лат. глагол *secare* ‘резать’), ведь для того, чтобы достать соты с медом из улья, их нужно срезать [Meier 1986: 155]. Однако специалисты по астурийскому языку осторожно относятся к таким утверждениям. Дело в том, что в астурийском на обширной центрально-восточной территории лат. *-ct-* давало [ʃ], и лат. *sectus* дало ожидаемый результат: асс. fem. sg. *sectam* > *seita* > *secha* ‘борозда’ (для создания борозды земля «резалась» оралом) [García Arias 2014: 158]. Не вполне закономерный результат гипотетической эволюции лат. *sectam* > *seita* > *seta* может быть архаизмом (как, например, сохранение *-t-* в случае с лат. *noctuum* > **ñuétua* > астури. *ñuética* ‘сова’) и может быть связан со стремлением носителей языка избавиться от излишней полисемии [García Arias 2014: 158–159]. В отдельных работах *seita*, *seta* и *setón* возводятся без каких-либо объяснений к лат. *jactare* ‘бросать’ [Otero Álvarez 1965: 26].

Теперь нас интересует вопрос: являются ли *seta* ‘пчелиные соты’ и *seta* ‘гриб’ омонимами или речь идет о родственных значениях? На первый взгляд, у указанных значений нет ничего общего. Тем не менее значение ‘гриб’ могло быть все же производным от значения ‘пчелиные соты’. Можно предположить, что значение ‘гриб’ возникло в результате генерализации и что изначально слово употреблялось по отношению к одному

¹ Если говорить о ближайшем романском языковом окружении, то отметим, что в качестве родового слова в итальянском языке закрепилась лексема *fungo* (от лат. *fungus* ‘гриб’), во французском — *champignon* (от ст.-франц. *champignuel* ‘продукт сельской местности’ [CNRTL]), в португальском — *cogumelo* (от народно-латинского *cucumellum* ← лат. *cucuma* ‘печной горшок’ [da Cunha 2012: 160]), *fungo* (от лат. *fungus*), в галисийском — *cogomelo* (см. выше), *fungo* (от лат. *fungus*), в каталанском — *bolet* (от лат. *boletus* ‘цезарский гриб’), *fong* (от лат. *fungus*). Отметим, что в статье не рассматривается диалектный материал французского и итальянского языков.

² Испанский лингвист Анибаль Отеро, видимо, посчитал, что у *seta* ‘гриб’ галисийско-португальские корни, поскольку включил его в свои «Этимологические гипотезы о галисийско-португальском», указав в качестве его этимона лат. *sagitta* [Otero Álvarez 1965: 26].

³ Используется *setas* (мн. ч.) со значением ‘осиные соты’.

конкретному виду грибов, а именно сморчкам (*Morchella*). Структура сморчков напоминает пчелиные соты, отсюда другие народные названия сморчка в испанском языке — *colmenilla* (букв. «маленький улей»), *panales* ‘соты’, — а также англ. *honeycomb morel* ‘сморчок — медовые соты’. Кроме того, в испанско-французском словаре начала XVIII в. в качестве эквивалента *xeta* дается *morille* ‘сморчок’ [Sobrinó 1705: 374]; также Террерос в своем толковом словаре испанского языка в определении *seta*, помимо общего значения, отдельной строкой указывает именно этот гриб, давая в качестве эквивалентов франц. *morille*, лат. *fungus pumicosus*, ит. *spugnola* ‘сморчок’: «*Seta*, también se llama el hongo, que es una seta sumamente porosa» — ‘*Seta*, также называется *hongo*, — чрезвычайно пористый гриб’⁴ [Terreros 1787: 482]. Если же речь идет об омонимах, то *seta* ‘гриб’ в астурийском должно быть кастельянизмом, хотя нельзя исключать и оба канала возникновения *seta* ‘гриб’.

Необходимо отметить, что в испанском языке⁵ *seta* имеет несколько значений. В последнем издании толкового словаря Испанской королевской академии указываются два омонима: *seta*₁ (от лат. *saeta* ‘грива, щетина’): *seda* (= *cerda*) — ‘щетина’; *seta*₂: «1. Cualquier especie de hongo, comestible o no, con forma de sombrilla, sostenida por un pedicelo» — ‘любой вид съедобных или несъедобных грибов в виде шляпки на ножке’, «2. moco (= porción derretida de las velas)» — ‘наплыв на свече’ [DRAE 2014]. Кроме того, в двуязычных и толковых словарях испанского языка⁶ начиная с Антонио Небрихи [Nebrija 1495] и вплоть до словарей начала XIX в. [DRAE 1817], а также в средневековых письменных источниках [CDH] зафиксирована форма *seta* в значении ‘группа последователей, секта’ с выпадением глухой величрной, которая использовалась вместо культизма *secta* (от лат. *secta*). В изданиях академического словаря 1914 и 1925 гг. *seta* в данном значении уже имеет помету *ant.* ‘архаизм’ [DRAE 1914; 1925].

2. *Seta* и *hongo*

Рассматривая слово *seta*, нельзя обойти стороной его синоним *hongo*, образованный от лат. *fungus* ‘гриб’, которое, в свою очередь, согласно отдельным источникам, восходит к др.-греч. *σπόγγος* ‘морская губка’, ‘пористый предмет’ (*fungus* < *sfungus* < *σφόγγος* < *σπόγγος*)⁷ [LD]. В современном испанском *hongo* имеет более общее значение и охватывает все виды грибов и грибков. Лексема же *seta* используется, как мы видели [DRAE 2014], в отношении плодового тела гриба в виде шляпки на ножке. Мария Молинер уточняет, что словом *seta* называется любой гриб в виде колпака, особенно когда он раскрытый и широкий («cualquier especie de hongo de forma de casquete, especialmente cuando éste es abierto

⁴ Второй раз *seta* используется в толковании уже в качестве родового понятия ‘гриб’.

⁵ Нами рассматривается в статье только испанский язык Пиренейского полуострова.

⁶ Для работы со словарями испанского языка XV–XX вв. (до 1992 г.) нами использовалась автоматизированная система поиска лексикографических данных [NTLLE], которая включает 103 оцифрованных словаря. Поиск не является полнотекстовым, возможен лишь по лемме.

⁷ Однако, по мнению некоторых индоевропеистов, оба слова, наряду с армянским *sownk/g* (*sunk/g*) ‘гриб’, являются заимствованиями из неиндоевропейского языка (**sp^hong-*) [de Vaan 2008: 250]. И это не единственные версии. Греческая и латинская лексемы, а также слав. **goba* (через метатезу **boga*) возводятся к и. е. **bhongo-* [Flattery 1989: 122]. Здесь также интересно упомянуть и наивные этимологические воззрения Св. Исидора Севильского, который связывает лексему *fungus* с др.-греч. *φως* ‘огонь’, поскольку некоторые грибы в высушенном виде могут служить для розжига (здесь он указывает лат. *fomes* ‘трутовик’) [Isidoro XVII: гл. X, абзац 18]. Кроме того, он приводит распространенное в его эпоху мнение о связи слова *fungus* с лат. *defunctus* ‘мертвый’, так как грибы могли вызывать смертельные отравления [Ibid.].

o ensanchado») [Moliner 1998]. Существует также мнение, что первым термином обозначались и ядовитые и съедобные грибы, а вторым — только съедобные⁸ [Lázaro e Ibiza 1920, цит. по Puente Amestoy 1954: 90].

На основании данных исторического корпуса испанского языка [CDH] мы можем сделать вывод о том, что в письменной речи *hongo* начало употребляться гораздо раньше, чем *seta*. Отметим, что в первом испанско-латинском словнике конца XV в. отсутствует *seta* в значении ‘гриб’, но указано *hongo* в сочетаниях: *hongo de prado. fungus pratensis* ‘луговой гриб’; *hongo de arbol. boletus. i.* ‘древесный гриб’; *hongo sin raiz & pie. pezica .ae.* ‘гриб без ножки’; *hongo para iesca. fungus aridus* ‘гриб для розжига’ [Nebrija 1495: 112].

Самым ранним письменным источником, в котором зафиксировано слово *hongo* (точнее, его древняя форма *fongo*), является «Lapidario», сочинение короля Альфонса X о свойствах камней, датированное 1250 годом:

Et otrossi presta mucho contral tossico que uiene de parte de los fongos [CDH: Alfonso X 1250] — ‘А также он очень хорошо помогает от отравлений, вызванных грибами’.

Существительное же *seta*⁹ со значением ‘гриб’ впервые упоминается в 1423 г. в произведении графа Энрике де Вильены «Arte cisoría», посвященном искусству разделывать мясо и другие продукты:

Las setas se dan asadas en brasas. E limpiadas de la çeniza, quítanles el peçón que es su raíz e de peor digestión con el dicho gañivete, e así las ponen [CDH: Villena 1423] — ‘Грибы подаются приготовленными на углях. Очистив их от золы, удалите ножом ножку — их корень, который хуже всего переваривается, и таким образом их подавайте’.

Совершенно очевидно, что на момент написания указанного труда Вильены слово не было новым и могло давно бытовать в устной речи испаноговорящего населения, а довольно позднее появление в письменной речи может быть обусловлено специфичностью самого денотата, а также контекста, в котором оно могло бы быть использовано. В толковые словари *seta* в значении ‘гриб’ впервые попало почти два века спустя, в 1611 г. [Rosal 1611; Covarrubias 1611].

В историческом корпусе испанского языка [CDH] мы находим примеры употребления *hongo* и *seta* в одном контексте чаще через запятую или союз ‘и’ (также есть отдельные примеры их употребления через союз *o* ‘или’), что говорит о различной семантической наполненности данных лексем:

E aun de aquellas dexé de nombrar las turmas, fongos e setas e las de aquella espeçia, porque son malsanas [CDH: Enrique de Villena 1423. Arte cisoría] — ‘Из них я еще не упомянул трюфеля, грибы₁ (*fongos*) и грибы₂ (*setas*) и тому подобное, потому что они вредны для здоровья’.

Berros, hongos, turmas, xetas [...] [CDH: Juan del Encina 1494. Égloga representada en requesta de unos amores] — ‘Кресс-салат, грибы₁, трюфеля, грибы₂’.

В словарной статье «*hongo*» своего «Тезауруса» Коваррубиас отмечает, что самым ценным видом грибов в Античности считался *boletus*¹⁰ ‘цезарский гриб’ (научное название: *Amanita caesaria*) [Covarrubias 1611: 952]. Этот вид противопоставлялся всем остальным «второсортным» видам грибов, которые римляне называли *fungi*. Второсортными

⁸ Мария Молинер также указывает, что словом *seta* называются в том числе и съедобные грибы [Moliner 1998].

⁹ Короминас указывает форму *xeta* [DCECH, 5: 233].

¹⁰ Как уже упоминалось, в каталанском языке, помимо термина *fong*, в качестве родового названия грибов используется именно *bolet* [DLC]. В настоящее время *Boletus* применяется в международной латинской научной номенклатуре и в испанском языке (*boleto*) для обозначения грибов рода «боровик».

считались и грибы, которые Плиний Старший в своей «Естественной истории» (книга 22, глава 47) обозначает словом *suilli* ‘свиные’ [Plinio 1906]. Свидетельства тому можно найти, например, и у Марциала («Эпиграммы», книга 3, стих 60), которого цитирует Коваррубиас: «sunt tibi boleti, fungus ego sumo suillos»¹¹. В качестве испанского эквивалента автор дает *getas* (фонетико-графический вариант испанского *seta* во мн. ч.), а также буквальный перевод на испанский язык лат. *fungos suillos* «hongos de puerco» ‘свиные грибы’ [Covarrubias 1611: 952]. Антонио Небриха, возможно, под влиянием труда Плиния, в своем испанско-латинском словнике в качестве эквивалента лат. *fungus suillus* указывает *hongo sospechoso* ‘сомнительный гриб’ [Nebrija 1495: 112]. Использование прилагательного ‘свиной’, видимо, связано с тем, что они служили кормом для свиней, что подчеркивало их второсортность, либо с тем, что их шляпка своей формой напоминала свиной пятачок. Считается, что им обозначали грибы рода «боровик»¹², к которому, в том числе, относится и белый гриб *Boletus edulis* [Houghton 1885]. Это обстоятельство нашло отражение в итальянском языке, в котором закрепилась калька с латинского *porcino* ‘белый гриб’, ‘гриб рода «боровик»’ [VT: *porcino*; GDLI, 13: 901].

3. Ранние версии происхождения *seta*

Первая гипотеза происхождения *seta* ‘гриб’ была предложена в начале XVII в. врачом и автором первого испанского этимологического словаря Франсиско дель Росалем, который счел его производным от древнееврейского *seeth* (לִשֵּׁת) в значении ‘опухоль, шишка’ [Rosal 1611: 533]. В поддержку своей версии автор приводит параллель с латинским словом *tuber*, которое, наряду со значением ‘опухоль, шишка’, имеет также значение ‘гриб’ (точнее, ‘трюфель’). И всё же предположение Росаля крайне сомнительно. Несмотря на присутствие еврейской общины на Пиренейском полуострове в течение многих веков, влияние иврита на испанский язык было все же ограниченным.

Автор пятитомного этимологического словаря XIX в. Роке Барсья отмечает, что исп. *seta* восходит к лат. *sēta* ‘пушок, ворсинки’ (‘vello’), указывая на ворсистую поверхность грибов «aludiendo al tejido vellosa de la seta» [Barcia, 4: 979]. К тому же этимону, но с несколько иной трактовкой, возводит интересующую нас лексему и академический словарь начала XX в.: предполагается то же происхождение, что и у *seta*₁ (от лат. *saeta* ‘грива, щетина’, которое дало также *seda* ‘шелк’); в качестве довода приводится французское название одного вида грибов *satin pale*¹³ [DRAE 1914], которое указывает на их шелковистую поверхность. Издание академического словаря 1970 г. отказывается от такой явно ошибочной трактовки, приводя в качестве этимона исп. *jeta* со значением ‘росток’ [DRAE 1970], о котором будет сказано позже. Начиная с 1992 г. авторы академического словаря отказываются от всех перечисленных версий и указывают, что этимология слова *seta* ‘гриб’ неизвестна [DRAE 1992; 2001; 2014].

¹¹ «Гриб благородный ты ешь — для себя я свинух получаю» [Марциал 1937].

¹² В современной научной номенклатуре термин *suillus* используется для обозначения маслят [Гарибова, Сидорова 1999], которые, как и боровики, относятся к порядку болетовых. В данном случае использование этого латинского термина более оправдано: шляпка маслят имеет липкую пачкающую руки слизистую поверхность, что может вызывать определенные ассоциации со свиньями.

¹³ Речь идет о названии вида грибов, упомянутом французским микологом Жан-Жаком Поле в его «Traité des champignons»: их современное научное название, согласно надписям, сделанным от руки неизвестным лицом, — *Collybia dryophila* [Paulet 1791: PL CXIV, fig. 3–4]. Поле указывает, что это гриб, «dont la surface est sèche, unie & lisse comme un satin dont il a le luisant» [Paulet 1793: 238] — ‘поверхность которого сухая, ровная и гладкая, как блестящий сатин’.

4. Предположения Ж. Короминаса

Данную проблему не мог обойти стороной выдающийся каталанский лингвист Жоан Короминас, посвятив довольно обстоятельную статью¹⁴ этимологии *seta* в своем монументальном многотомном этимологическом словаре испанского языка, подготовленном в соавторстве с академиком Х. А. Паскуалем [DCECH, 5: 233–234]. Согласно гипотезе Короминаса, исп. *seta* восходит к греч. *σηπτά* ‘гниль’ (форма мн. ч. среднего рода слова *σηπτός*), а семантическое развитие слова представляется следующим образом: ‘гниль’ > ‘зелень (на воде), мох’ > ‘второсортный гриб’¹⁵. По его словам, греческое слово могло проникнуть в латинский язык или в романские наречия раннего периода как медицинский или естественно-научный термин. В поддержку греческого происхождения и предложенной семантической эволюции слова лингвист указывает на то, что в муниципалитете Куэльяр провинции Сеговия *seta* имеет значение ‘коровья лепешка’. Данные утверждения вызывают у нас ряд возражений. Во-первых, *seta* — слово явно не книжного происхождения, на что указывает в статье и сам Короминас. Во-вторых, упомянутое значение ‘коровья лепешка’ обусловлено, скорее всего, круглой и рельефной, как шляпка гриба, формой, являясь, таким образом, вторичным по отношению к исходному значению ‘гриб’. Сравнение круглых и рельефных предметов с грибами мы встречаем, например, в следующем комментарии библейского текста первой половины XV в.: «E la madera cedrina del templo de parte de dentro era labrado a figura de rosetas rredondas como **ssetas** ...» [CDH: Mose Arragel de Guadalfajara. *Traducción y glosas de la Biblia de Alba*, circa 1422–1433] — Внутренняя часть храма была украшена древесиной кедра, на которой были вырезаны круглые, как грибы, розетки’.

В качестве еще одного довода в пользу своей теории семантического развития слова автор отмечает, что в рукописном латинско-испанском «Толедском глоссарии», датированном А. Кастро концом XIV в., в качестве перевода лат. *uligo* ‘мокрота, влажность, сырость, болотистость’ неожиданно дается исп. *xeta* [Castro 1991: 28]. Сам А. Кастро, комментируя глоссы, говорит, что либо при переводе была допущена ошибка, либо имеется в виду, что грибы вырастают именно во влажных условиях [Ibid.: 312]. Короминас же, пытаясь найти логическое объяснение и лингвистическое обоснование данного переводческого несоответствия, опирается на цитату из «Этимологий» Св. Исидора Севильского «*uligo sordes limi vel aquae sunt*» («*uligo* — это грязь из ила и воды») и делает вывод, что лат. *uligo* в «Толедском глоссарии» должно пониматься как ‘мох’, ‘зелень, бесцветковые растения, растущие в стоячей воде’, а не трактоваться в классическом понимании как ‘влажность’. Таким образом, лингвист приписывает средневековой форме *xeta* значение ‘тина, мох’, от которого, по его словам, можно легко перейти к значению ‘второсортный гриб’, а затем и к общепринятому значению ‘гриб’ [DCECH, 5: 233].

Приведенные автором доводы не лишены определенной логики, однако не решают проблему несоответствия лат. *uligo* и исп. *xeta*. Необходимо отметить, что в «Толедском глоссарии» в качестве эквивалента лат. *uligo* дается не просто *xeta*, а *fongo, xeta* [Castro 1991: 28]. Отсюда можно сделать очевидный вывод: *fongo* и *xeta* на момент написания глоссария считались синонимами, и, следовательно, на средневековую форму исп. *hongo* должно распространяться значение, предложенное Короминасом для *xeta*, что, однако, не подтверждается ни лексикографическими, ни корпусными данными. Кроме того, в глоссарий включено и лат. *boletus* ‘цезарский гриб’, а в качестве эквивалента дается только испанское *fongo* [Ibid.: 3].

¹⁴ Короминас включил в словарь практически полностью статью, опубликованную в «Romance Philology» в 1947 году [Corominas 1947], однако несколько ее расширил.

¹⁵ Такую этимологию включила Мария Молинер в свой словарь испанского языка [Moliner 1998].

Причиной такого лингвистического «недоразумения» могла стать и банальная ошибка. Как известно, ошибки в средневековых глоссариях — явление достаточно распространенное. Так, по данным, которые приводит Кастро, из 6128 слов трех глоссариев 141 написано с ошибками (причем автор исключает из их числа незначительные описки), а 107 слов и вовсе остаются «неопознанными» [Castro 1991]. Ошибки можно объяснить неграмотностью писцов и интерференцией родного языка, который уже значительно отличался от латыни. Кроме того, средневековые глоссарии очень часто представляли собой копии копий, оригиналы которых практически невозможно установить. Тем не менее, Кастро удалось определить, что в единичных случаях за основу брался латинско-французский глоссарий [Ibid.].

В свете всего вышесказанного представляется возможным предположить, что в «Толедском глоссарии» была допущена ошибка, а именно — лат. *uligo* было использовано вместо лат. *fuligo* ‘сажа, копоть’¹⁶. Чтобы понять, что у *hongo* (*fongo*) и *seta* (*xeta*) может быть общего с лат. *fuligo*, необходимо обратиться к другим значениям этих слов. «Прародитель» испанского *hongo* лат. *fungus* имеет также значение ‘нагар (на фитиле масляной лампы)’, которое, судя по всему, появилось у последнего вследствие семантического калькирования др.-греч. *μύκης*.

В латинских письменных источниках имеются примеры употребления *fungus* и *fuligo* в одном и том же контексте. Так, например, Плиний (книга 28, глава 42), говоря о народных средствах от облысения и коррекции бровей, советует смешать медвежий жир, ладан и адриант с нагаром на фитиле лампы (*fungis lucernarum*) и сажей (*fuligine*) из носика лампы [Plinio 1906]. В свою очередь лат. *fungus lucernae* является калькой с др.-греч. *λύχνοιο μύκητες* (форма мн. ч.). Греческое слово *μύκης* имеет несколько значений, в том числе ‘гриб’ и ‘нагар на фитиле лампы’ [LSJ] (ср. «нагар в виде гриба» [Дворецкий 1958: 1114]). С последним значением слова *μύκης* связана особая примета, которую упоминают многие древнегреческие авторы. Так, мы читаем у Арата, что перед дождем «ἢ λύχνοιο μύκητες ἀγείρωνται περὶ μύξαν νόκτα κατὰ σκοτίην» [Арат 2000: 198, строка 976] — букв. ‘ламповые грибы (ἢ λύχνοιο μύκητες) собираются вокруг фитиля темной ночью’¹⁷.

Если говорить об испаноязычной литературе и лексикографии, то, например, в словаре испанского языка Террероса мы находим выражение *hongo de luz*, представляющее очевидную кальку с латинского *fungus lucernae*, при этом автор отсылает нас к лексеме *seta* [Terreros 1787: 304]. Упоминание об античной примете содержится в труде испанского мореплавателя и картографа Алонсо де Чавеса: «Lumbre de aceite, cuando en la pavesa hiciere brasa a manera de spongo u hongo, denota que lloverá presto» [CORDE: Alonso de Chaves. *Quatri partitu en cosmografía práctica, y por otro nombre espejo de navegantes*. 1527] — ‘горящий нагар на фитиле масляной лампы в виде гриба предвещает скорый дождь’.

Не обошел стороной эту примету и Коваррубиас, комментируя выражение *moco de candel* и указывая в определении слово *geta* (графико-фонетический вариант лексемы *seta*): «la geta que hace la vela o el candel en el tiempo húmedo, que pronostica lluvia» [Covarrubias 1611: 1102] — ‘гриб» на свече или светильнике во влажную погоду, который предвещает дождь’. В качестве латинского эквивалента дается *fungus*. Первое издание академического толкового словаря [DA 1734: 582] также использует слово *geta* / *jeta* в толковании одного из значений лексемы *moco*¹⁸: «por semejanza se llama la geta que se hace en el pábilo de la luz,

¹⁶ Любопытно отметить, что та же самая ошибка (*uligo* вместо *fuligo*) содержится и в схолиях на латинском языке к слову *fungus* в парижском издании Плиния начала XIX в.: «Fungi. Fungus is **uligo** et favilla est, cum fumo egressa, quæ aeris crassitie cohibita, in lucerna residit ac manet, atrique fungi imaginem reddit» [HN 1829: 350].

¹⁷ «Носик светильни коптит, маслянистым покрывшись нагаром, ночью кромешной» [Арат 2000: 127].

¹⁸ Слово имеет несколько значений: 1) ‘слизь (из носа), сопли’; 2) ‘сгусток (в жидкости)’; 3) ‘нагар на обгоревшем или горящем фитиле лампы’; 4) ‘окалина’; 5) ‘наплыв на свече’.

especialmente en tiempo húmedo» — ‘по сходству так называется «гриб», который образуется на фитиле светильника, особенно в дождливую погоду’.

Однако «грибная» метафора была, по всей видимости, малопонятной, в связи с чем в последующих двух изданиях академического словаря *jeta* было заменено на *clavo* ‘гвоздь’ [DRAE 1869: 514; 1884: 709]. В конце XIX в. все-таки пришло осознание того, что упоминание античной приметы в отношении горящей свечи потеряло всякий смысл. Как следствие, начиная с 1899 г. до настоящего времени в изданиях академического словаря дается более понятное толкование данного значения лексемы *moco*: ‘расширение горящего кончика фитиля светильника’ («Dilatación candente de la extremidad del pabito en una luz encendida») [DRAE 1899: 665; 2014]. С другой стороны, в первом же издании академического словаря указывается, что словом *seta* обозначается нагар после того, как фитиль полностью обгорел: «significa también la pavesa, ó moco de la luz después de quemada bien la torcida» [DA 1739: 105].

Что касается значения исп. *moco* ‘наплыв на свече’, то здесь очевиден метафорический перенос: сравнение стекающего по свече расплавленного воска со слизистыми выделениями из носа. В свете всего вышесказанного хотелось бы вернуться к началу статьи и указать на существенную неточность, допущенную в последнем издании академического словаря в определении лексемы *seta*, а именно: лексема *seta* действительно является синонимом *moco*, но не в значении ‘наплыв на свече’ [DRAE 2014], а в значении ‘нагар на обгоревшем или горящем фитиле лампы’. В любом случае эти значения для исп. *seta* являются архаичными.

Короминас задается вопросом о возможном родстве исп. *seta* с баскскими *ziza*, *hixa*, *zuza* ‘гриб’, ‘весенний гриб’, а также с каталанским и гасконским *sép* (также *cep*) со значением «una especie de seta de mediano aprecio» ‘вид второсортного гриба’ [DCECH, 5: 233]. Указанные лексемы наводят Короминаса на мысль о возможном общем прероманском источнике с фонетическим чередованием, поскольку греч. *σῆπω* ‘приводить в состояние гниения’ (а также *σῆπρός* ‘гнилой’), с которым автор связывает происхождение исп. *seta*, — индоевропейского происхождения [Ibid.].

Что касается слов гасконского и каталанского, то здесь нужно сделать ряд замечаний. Во-первых, в указанных языках используются лексемы *cep* (каталанский) и *cép*, *cépét* (гасконский), а не *sép*. Согласно данным лингвистического атласа гасконского языка, слово распространено во всех областях Гаскони, однако, в некоторых западных и южных областях (Ланды, Борн, Марсан, Беарн, Верхние Пиренеи, Французская Страна Басков) зарегистрированы также фонетические варианты [sét], [soèt], [séty] и форма [sêts] во множественном числе [ALG: карта 194]. Короминас указывает, что переход во множественном числе *-ps* > *-ts* — явление довольно частое, которое может распространяться и на единственное число. Лингвист отмечает, что могло иметь место и обратное явление, однако признает, что форма на *-p* все-таки первична [DCECH, 5: 233]. Во-вторых, данные слова используются, как правило, для обозначения грибов рода «боровик», и в частности белого гриба *Boletus edulis* [Noulet, Dasser 1838: 18; DLC]. Кроме того, под влиянием гасконского во французском языке появилась лексема *cèpe* (первое появление датируется 1798 годом) [CNRTL], которая была заимствована английским языком в формах *cèpe*, *cepe*, *cep* со значением ‘белый гриб’ [ALL].

Считается, что лексема *cep* восходит к лат. *cippus* со значением ‘ствол, корневище’¹⁹, однако Короминас сомневается в семантической связи данных лексем [DCECH, 5: 233]. Для понимания этой связи, на наш взгляд, ключевым является четкое представление, о каком виде гриба идет речь: белый гриб своей массивной ножкой, крупным размером и плотной мякотью действительно может напоминать то, что римляне называли *cippus* (‘надгробная колонна’, ‘межевой знак’, ‘пограничный столб’). Неслучайно в немецком языке белый гриб называется *Steinpilz* ‘каменный гриб’. Согласно другой, «народной» версии,

¹⁹ Короминас указывает в качестве значений ‘tronco, cepa’.

гасконские *cér, céret* являются производными от лат. *sepa* ‘лук’, поскольку утолщение в основании ножки белого гриба делает его похожим на луковичу [Noulet, Dassier 1838: 18]. В некоторых источниках наряду с лексемами *ser* и *céret* указывается также форма *ceb*, бытовавшая в Тулузе [Roumeguère 1874: 237], которая, возможно, возникла под влиянием окситанских *cèbe, cèba, cèbo* ‘лук’²⁰.

Что же касается указанных Короминасом слов баскского языка, то их достоверная этимология до сих пор не установлена. В отдельных публикациях баск. *ziza* возводится (на наш взгляд, необоснованно) к исп. *seta*: первая *z < s* (как баск. *zaltu* от лат. *saltus* ‘лес’), вторая *z < t* (как баск. *zapi* с тем же значением, что и исп. *trapo* ‘тряпка’)²¹, *i < e* (как баск. *bixika* от лат. *vesica* ‘мочевой пузырь’) [Caridad Arias 2012: 473]. Этномикологи Уоссон в своем небезызвестном труде «Mushrooms: Russia and history» выдвинули гипотезу о связи *ziza* с лексемой сулетинского диалекта баскского языка *zintz* ‘сопли, слизистые выделения из носа’, пытаясь провести параллель с греческим языком (μύκης ‘гриб’ — μύξα ‘слизь, сопля’) [Wasson, Wasson 1957]. Однако слово *zintz* в баскском языке по своему происхождению является ономотопеей: оно обозначает, прежде всего, звук сморкания и вряд ли имеет какое-либо отношение к грибам.

Необходимо отметить, что в баскском языке существует несколько родовых лексем для обозначения шляпочных грибов, причем, по некоторым свидетельствам конца XIX в., лексемой *ondu* (*onddo*) обозначаются трубчатые грибы, *perrechiku* — пластинчатые грибы, *susa, ziza* — грибы с мелким трубчатым или пластинчатым слоем и более толстой мякотью [Aranzadi 1897: 5]. Однако *perrechiku*²² может использоваться и в более общем значении [Ibid.].

В общем словаре баскского языка указано, что лексема *ziza* используется для обозначения некоторых видов грибов или грибов в целом, за исключением представителей рода *Boletus*, то есть трубчатых грибов [ОЕН]. Там же указано множество форм, являющихся, по всей видимости, вариантами одной и той же лексемы: *sisa, susa, zuza, zusa, zize, susia, xixa, xixa, xitxa*. В академическом словаре уточняется, что словам *ziza* называются грибы рода *Lyophyllum sp., Rhodopaxillus sp.* и *Tricholoma sp.* (рядовки) [ЕН]. Если мы обратимся к данным лингвистического атласа баскского языка, то увидим следующую картину: в южной баскоговорящей части Наварры лексемы *ziza, xixa* используются и как общее название грибов, и как название пластинчатой рядовки майской — *Tricholoma georgii*, она же *Calocybe gambosa* (в последнем случае вторая лексема используется в форме *xixe*), а на обширной территории Страны Басков лексемы *sisa, susa, zuza* используются для обозначения именно *Tricholoma georgii* [ЕННА: карты 603, 611]. Очевидно, что лексемы арагонского диалекта *sisón, isón, usón*, использующиеся в основном для обозначения пластинчатой рядовки майской²³ [Velasco 2011: 172], родственны вышеуказанным лексемам баскского языка и, скорее всего, являются заимствованиями из баскского.

²⁰ Кроме того, делаются попытки связать лексемы с латинским *caput* ‘голова’ (см. *biceps* ‘бицепс, двуглавая мышца’) [Ibid.].

²¹ Остается непонятным, почему автор делает вывод о переходе исп. *t* в баск. *z*, ведь совпадение значений и наличие двух совпадающих звуков еще не значит, что у слов имеются общие корни. Если говорить о романских заимствованиях в баскском языке, то исторически романские глухие зубные в середине слова сохранялись [Mujika 1984]. Кроме того, автором допускаются ряд грубых ошибок: так, например, в качестве эквивалентов исп. *seta* ‘гриб’ им приводится рус. *щетина* и порт. *seta* ‘стрела’.

²² Общепринятой формой слова является *perretxiko* [ОЕН].

²³ В лингвистическом же атласе Арагона, Наварры и Риохи формы *sicha* (Наварра), *sisón* (Уэска), [šišeta] (Наварра), *usón* (Наварра, Сарагоса, Уэска) приводятся списком в разделе с подзаголовком *seta amarilla* «желтый гриб» на карте, посвященной рыжику (информанты должны были по цветной картинке указать название гриба) [ALEANR: III, карта 287].

5. *Seta, xeta, geta и jeta*

Еще одной интересной особенностью исследуемого нами слова является наличие у *seta* /'seta/ фонетико-графических вариантов *xeta* /'xeta/, *geta* /'geta/, *jeta* /'jeta/. Происхождение последней лексемы также вызвало немало споров в академической среде: является ли *jeta* результатом семантического и фонетико-графического развития лексемы *seta* или независимым от нее словом?

В последнем издании академического толкового словаря испанского языка *jeta* представлено двумя омонимами. В словарной статье *jeta*, указывается, что лексема является устаревшим вариантом *seta* со значением 'гриб' и используется в Андалусии [DRAE 2014]. Что касается первого омонима, то он имеет целый ряд значений: 1) 'выступающие губы'; 2) 'свиное рыло'; 3) разг. 'харя'; 4) 'кран'; 5) в Арагоне 'деревянный кран бочки'. Кроме того, слово используется в устойчивых выражениях *ser un jeta* и *tener mucha jeta* 'быть наглецом'²⁴. В качестве же этимона начиная с издания 1899 г. и до сих пор дается арабское *jaṭm* (*ḥaṭm*) 'рыло', 'нос'. Данная версия отвергается как Короминасом, так и выдающимся испанским арабистом Федерико Коррьенте [Corriente 1996: 193; 2019]. При всей близости значений испанского и арабского слов, с фонетической и хронологической точки зрения невозможен переход арабской глубоко-задненебной глухой /χ/ в испанскую велярную /x/, и тем более при существовании варианта *xeta* /'xeta/ с палатальной согласной. Арабская *ḥ* /χ/, как правило, давала испанскую /f/: араб. *al-ḥilāl* > исп. *alfiler* 'булавка' [Millar 1998]. А испанскую /x/ давали арабские *ṣ* /ʃ/ и *ḡ* /dʒ/: исп. *jarabe* 'сироп' < араб. *šarāb* 'напиток', исп. *jabali* 'кабан' < араб. *ḡabalī* 'горный' [Ibid.]. Кроме того, маловероятно, чтобы арабская /a/ в велярном окружении (зубная *t* /tʰ/ является эмфатической) могла перейти в испанскую палатальную /e/.

Лексема *jeta* впервые появилась в словарях испанского языка в 1787 г. со значением 'выступающие губы', которые, по словам Террероса, напоминали гриб [Terreros 1787]. Также автор указывает, что раньше вместо *seta* употреблялась лексема *xeta* и что теперь *seta* используется для обозначения грибов, а *jeta* — губ. Сравнение губ с грибами мы находим уже в словарях начала XVII в. В своем «Тезаурусе» Коваррубиас указывает три формы: *seta*, *xeta*, *geta*, и только две последние цитируются со значением 'выступающие губы' [Covarrubias 1611]. По словам Коваррубиаса, словом *geta* называются «пухлые губы негров» («labios hinchados de los negros»), поскольку они напоминают грибы [Ibid.]. К слову *xeta* он дает следующее пояснение: «о *seta*, especie de hongo, por alusión llamamos *xeta* el hocico del negro, y del puerco» 'или *seta*, вид гриба, в качестве аллюзии словом *xeta* называют выступающий рот негра, а также рыло свиньи' [Ibid.].

В поддержку именно такой версии происхождения лексемы *jeta* Короминас, ссылаясь на Покорного [IEW, II], приводит параллели похожего семантического развития в славянских языках: праславянское *goba* 'древесная губка', 'гриб' развило значения 'морда', 'губа' во всех славянских языках: словен. *gôbec* 'морда', *goba* 'губка, гриб', др.-чеш. *hûba* 'губка', а затем 'морда', 'губа'; рус. *губа* 'древесная губка', 'губа' [DCECH, 5: 234]²⁵. Действительно, если мы обратимся к «Этимологическому словарю славянских языков», то найдем многочисленные примеры из славянских языков и диалектов, которые свидетельствуют о том, что «значения 'гриб' и 'губа' бесспорно родственны, причем второе развилось метафорически из первого, первоначально как экспрессивное обозначение сморщенной,

²⁴ Отметим также и производные слова: *jetazo* 'удар по лицу', *jetón*, *jetudo* 'губастый' [DRAE 2014].

²⁵ Короминас приводит неверно на испанском языке значения, которые дает Покорный: так, нем. *Schwamm* дается как «musgo» 'мох', а *Baumschwamm* — как «musgo de los árboles» 'древесный мох'. Создается впечатление, что автор приводит их для косвенного подтверждения своей теории семантического развития *seta* ('тина' > 'мох' > 'гриб': см. выше его комментарии «Толедского глоссария»).

старческой губы»²⁶ [ЭССЯ, 7: 79]. С другой стороны, *гриб*, *грибы* в некоторых диалектах русского языка обозначает ‘губы’ [Там же: 126–127]. Согласно П. Я. Черных [1999: 255], «*губа* в значении “labium”, так же, как и *глаз*, *палец* получили широкое распространение только в XVI–XVII вв.». И. И. Срезневский [1893: 606] для *губа* со значением ‘губка’ приводит источники XI в., а для *губа* со значением ‘гриб’ — источники XVI в.; значение же ‘labium’ вовсе отсутствует. Однако в [НКРЯ] использование лексемы *губы* в значениях как ‘labium’²⁷, так и ‘грибы’²⁸ отмечено уже в источниках XV в.

Если проанализировать данные словарей испанского языка разных веков (см. таблицу 1), то станет очевидно, что все четыре формы (*seta*, *xeta*, *geta* и *jeta*) в определенные этапы своей истории совпадали в своих основных значениях ‘гриб’ и ‘толстые губы’ и, следовательно, мы можем говорить об эволюции одной и той же лексемы и едином этимоне.

Таблица 1

Первое упоминание в толковых словарях испанского языка (NTLLE)

	‘гриб’	‘толстые губы’, ‘рыло’, ‘морда’	‘нагар на обгоревшем или горящем фитиле лампы’	‘кран’ = <i>grifo</i> // (арагонизм) ‘деревянный кран (бочки)’ = <i>espita</i>
SETA	Covarrubias 1611; Rosal 1611	DA 1739	DA 1739	отсутствует
XETA	Covarrubias 1611; Rosal 1611	Covarrubias 1611	отсутствует	отсутствует
GETA	Covarrubias 1611 (в статье <i>hongo</i>)	Covarrubias 1611	Covarrubias 1611 (в статье <i>toco</i>)	отсутствует // DRAE 1803
JETA	DRAE 1925 (устар., Андалусия)	Terreros 1787	DRAE 1832 (в статье <i>toco</i>)	DRAE 1925 // DRAE 1837

Таблица 2

Последнее упоминание в толковых словарях испанского языка (NTLLE)

	‘гриб’	‘толстые губы’, ‘рыло’, ‘морда’	‘нагар на обгоревшем или горящем фитиле лампы’	‘кран’ = <i>grifo</i> // (арагонизм) ‘деревянный кран (бочки)’ = <i>espita</i>
SETA	до наст. вр.	Toro 1901	до наст. вр.	отсутствует
XETA	Domínguez 1853 (устар., <i>seta</i>)	DRAE 1803 (<i>seta</i> , <i>geta</i>)	отсутствует	отсутствует
GETA	DRAE 1817	DRAE 1832	Núñez 1825 (в статье <i>toco</i>)	отсутствует // DRAE 1832
JETA	до наст. вр. (устар., Андалусия)	до наст. вр.	Salvá 1846	до наст. вр.

²⁶ Нам думается, что в славянских языках метафора связана с трутовиками (древесными губками), которые похожи на огромные губы.

²⁷ ...тѣмъ же изнимаемъ самимъ межи себе повелѣши носы, и губы, и уши рѣзати, и отпуцати их назад к Новугороду (Московская повесть о походе Ивана III на Новгород (1472), цит. по [НКРЯ]).

²⁸ И вы на Палье островъ, и на Рѣчномъ островъ, и на Кобылье островъ, и в Заечье островъ и по лудушамъ, куды обдержить грамота данная в домъ святѣи Богородици Палье острова, лѣса не сѣките, сѣна не косите, зайцевъ не гоняите, рыбъ не ловите, ягоды ни губъ не берите (Грамота Вяжицкого монастыря монастырскому ключнику в Толвуе Якиму и монастырским толвуйским крестьянам [...] (1477–1478), цит. по [НКРЯ]).

Таблица 3

Первое упоминание в историческом корпусе испанского языка CDH

‘гриб’	‘толстые губы’, ‘рыло’, ‘морда’	‘нагар на обгоревшем или горящем фитиле лампы’	‘кран’
SETA 1423	отсутствует	отсутствует	отсутствует
XETA 1465	1514	отсутствует	1605
GETA 1576 (Мексика)	1582	отсутствует	отсутствует
JETA 1597	1579 (Мексика) 1597 (Испания)	отсутствует	1605

Как известно, в Средние века в некоторых случаях наблюдается замена латинской начальной /s/ на /ʃ/, которая в середине XVII в., после долгого периода фонетической нестабильности, в результате веляризации окончательно перешла в /x/, обозначаемую на письме графемами *g* или *j*: *saponem* > *xabon* > *jabón* мыло и *siringam* > *xiringa* > *jeringa* ‘шприц’ [Núñez Méndez 2012: 67]. В связи с этим фонетико-графическое развитие *xeta* /'ʃeta/ > *geta* /'xeta/ > *jeta* /'xeta/ является вполне закономерным и легко объяснимым явлением. Более сложный вопрос касается места лексемы *seta* /'seta/ в этой цепи. Согласно данным исторического корпуса испанского языка, *xeta* и *seta* начали употребляться в письменной речи примерно в одно время — в первой половине XV в. (см. таблицу 3), хотя по «Толедскому глоссарию», как мы видели, чуть более ранняя датировка дается форме *xeta* [Castro 1991]. Сделать однозначный вывод о том, какая форма начала употребляться раньше, только по данным письменным источникам все же нельзя. Если придерживаться версии, согласно которой исп. *seta* первично, то *seta* /'seta/ несомненно дало графико-фонетический вариант *xeta* /'ʃeta/, а затем и *jeta* /'xeta/, при этом сохранившись в языке (что мы наблюдаем, например, в случае с вариантами *servilla*, *xervilla*, *jervilla* ‘тапочка’ от лат. *servilia*).

Что касается значений у *jeta* ‘кран’ (*grifo*) и арагонского ‘деревянный кран (бочки)’ (*espita*), то Короминас связывает их со значением ‘морда’, поскольку раньше было особо популярным изображение на фонтанах или питьевых источниках морд животных или мифических существ, у которых из пасти текла вода [DCECH, 5: 233]. Данные значения отсутствуют у лексемы *seta*, но были зафиксированы у лексем *xeta* и *geta* (см. таблицы), которые уже начали использоваться в значении ‘морда’, что может подтверждать гипотезу Короминаса. Тем не менее, мы считаем, вслед за академиком Гарсией де Диего [García de Diego 1957], что речь в данном случае идет о независимых значениях и о независимом от *jeta* ‘морда’ слове. Слово *xeta* (> *jeta*) ‘кран’ могло получить широкое распространение в испанском языке из арагонского диалекта и может являться производным существительным от арагонского глагола *xetar* (> *getar* > *jetar*), восходящего к лат. *jactare* ‘бросать, швырять’ и имеющего когда-то широкий спектр значений, в том числе и ‘наливать (вино или воду)’²⁹.

6. Гипотеза В. Гарсии де Диего

Вся греческая теория происхождения слова Короминаса, впервые опубликованная в журнале «Romance Philology» в 1947 г., подверглась жесткой критике со стороны видного испанского филолога и автора другого, гораздо менее известного этимологического словаря испанского языка [García de Diego 1985] Висенте Гарсия де Диего, который считает

²⁹ Арагонизм *jetar* является переходным глаголом, и его современное значение, согласно данным толковых словарей испанского языка: ‘разбавлять, разжигать что-то’ [DRAE 2014]. С таким же значением форма *xetar* впервые упоминается в словарях XVIII в. [DA 1739].

ее совершенно необоснованной как с исторической, так и лингвистической точки зрения [García de Diego 1957]. По мнению Гарсии де Диего, неправильной является сама идея рассматривать *seta* в качестве первичного образования, а *xeta* — вторичного. Несмотря на необычность фонетического перехода *x* в *s*, лингвист считает, что имел место именно этот обратный процесс: *seta* < *xeta*. Поскольку переход *x* > *s* — необычное явление в истории испанского языка, Гарсия де Диего указывает на возможное влияние некоего фактора нефонетического характера и предлагает не менее необычное объяснение, отмечая, однако, что установление истинных причин такого перехода непринципиально. Академик считает, что на фонетико-графический облик слова *xeta* ‘гриб’ повлияло широкое использование в Средние века омонима *seta* ‘секта’, которое постоянно было на слуху.

Согласно отстаиваемой им теории, слово *xeta*, которому он приписывает исходное значение ‘росток, побег’, образовано от глагола *xetar* со значением ‘пускать, давать (ростки)’, который, в свою очередь, восходит к лат. *jactare* ‘бросать, швырять’, то есть *jactare* > *xetar* → *xeta*³⁰ > *seta*. При этом в заключении своей статьи Гарсия де Диего отмечает, что переход лат. *-ct-* в *-t-* не являлся характерным для кастильского диалекта, в котором указанное сочетание давало *-ch-*, а лат. *jactare* дало исп. *echar*. Однако, по его свидетельству, формы с *-t-* наблюдались на территории от восточной части Сантандера и Риохи до Средиземноморья, и многие из них проникли и в кастильский диалект [Ibid.]. Данная теория происхождения *seta*, вероятно, возникла под влиянием труда арагонского филолога-иезуита Хулио Сехадора, который связал происхождение *seta* с арагонским глаголом *jetar* (современная форма средневекового *xetar*) и его предполагаемым значением ‘прорастать, пускать почки’³¹ [Sejador у Frausa 1929/1996: 366]³². В словарях испанского языка или арагонского диалекта нет подтверждения тому, что глагол *xetar* / *jetar* имел именно это значение, хотя речь может идти и о малоизвестном диалектном значении. В современном арагонском диалекте с таким значением в некоторых регионах используется глагол *chitar* [DBLA]. Очевидно, автор переносит на средневековый глагол *xetar* одно из значений многозначного испанского глагола *echar*, который через лат. *ejectare* в конечном итоге восходит к лат. *jactare*.

Гарсия де Диего также проводит параллель с французским *jet* ‘побег, отпрыск’, производным от французского глагола *jeter* ‘бросать; пускать (ростки), покрываться (почками)’, восходящего к лат. *jactare*. Кроме того, ученый полагает, что исп. *jeta* также коррелирует с арагонским *chito* ‘росток’ (от глагола *chitar*) и является вариантом андалузского *yeta* ‘росток’, которое академический словарь, по его словам, зарегистрировал в форме *lleta*³³

³⁰ *Xeta* дало также *jeta*.

³¹ Указан глагол *brotar*.

³² Сехадор затем возводит глагол *jetar* к *jitar*, а последний к баскскому существительному *zitu* ‘плод, урожай’, что вызвало критику Гарсии де Диего.

³³ Гарсия де Диего дает понять, что *lleta* является искаженным вариантом *yeta*. Лексема *lleta* впервые попала в словари в 1787 г. со значениями ‘ость зерна злаковых’ и ‘рыльца шафрана’ (*lletas*) [Terreros 1787: 468]. В [DRAE 1803: 524] дается более широкое определение: «el tallo recién nacido de las plantas que producen las semillas y cebollas» — ‘молодой росток семенного или луковичного растения’. Хотя этимология слова неясна, Короминас делает предположение о связи *lleta* со ст.-франц. *jette* ‘росток’ через гасконскую форму **yete* [DCECH, цит. по Navarro Carasco 1994–1995], что возможно, если *lleta* возникло в арагонском, где наблюдались случаи перехода *y* > *ll*- [Navarro Carasco 1994–1995]. Согласно атласам [ALEA] и [ALEANR], слово распространено не только в восточной части Андалусии, но и в юго-западной части Арагона, а также в некоторых точках Сории, Гвадалахары, Куэнки и Валенсии (информанты должны были ответить на вопрос «Как называется заостренный росток (букв. иголочка) проросшей пшеницы?» — «¿Cómo se llama la agujita que echa el trigo cuando nace?») [Ibid.]. Если же *lleta* возникло в областях, где не наблюдалось ни чередования *y* / *ll*-, ни перехода *l* > *ll*-, то его этимон должен был иметь *pl*-, *fl*-, *cl*- [DCECH, цит. по Navarro Carasco 1994–1995]. В [Fernández-Sevilla 1975] выдвигается гипотеза о связи *lleta* с народно-латинским *plecta* ‘сгиб’, поскольку ростки некоторых растений (картофеля) появляются из земли согнутыми.

[García de Diego 1957], и включает все эти лексемы в словарную статью *jactare* своего этимологического словаря [García de Diego 1985].

Гипотеза Гарсии де Диего, безусловно, привлекательна и менее фантастична, нежели греческая версия Короминаса, но, на наш взгляд, также неприемлема. С формальной точки зрения эта гипотеза несостоятельна, поскольку не отвечает на главный вопрос, а именно не может объяснить появление формы *seta*. Также неубедительна и семантическая аргументация. По предположениям автора, слово *xeta* первоначально использовалось в отношении трутовиков³⁴, которые, подобно побегам, растут на деревьях [García de Diego 1957]. Даже если гипотетически допустить существование в средневековом испанском языке *xeta* со значением ‘росток, побег’ (что не подтверждается лингвистическими данными), то сложно связать семантически значение ‘гриб’ с таким общим значением, совершенно не отражающим специфику грибов и соотносимым с абсолютно любым растением. Кроме того, необходимо учитывать, что росток — это нечто тонкое и заостренное (см. выше значения *yeta* / *lleta*), что, разумеется, с грибами несовместимо.

Отметим также, что в качестве самых ранних письменных первоисточников *xeta* Гарсией де Диего приводится уже упомянутый нами «Толедский глоссарий», а также испанско-арабский словарь 1505 г. [Alcalá 1505] с якобы включенным в него словом *xeta*, что, однако, не соответствует действительности. Кроме того, лингвист ошибочно, как и Короминас, цитирует «Arte cisoria» Вильены. Оба ученых, по всей видимости, опирались на печатное издание 1766 г., где действительно указывается *xeta* [Villena 1766]. Если же мы обратимся к рукописи XV в.³⁵, то мы увидим там совершенно четко форму, соответствующую лексеме *seta* [Villena 1423: лист 58], поэтому утверждения о первичности формы *xeta* также безосновательны.

7. *Seta* от лат. *saeptha*

В своем многотомном труде Короминас также приводит свою изначальную мысль о связи исп. *seta* с лат. *saeptha*³⁶ (множественное число от лат. *saepthum*, которое в испанском языке дало *seto* ‘изгородь’³⁷) ‘перегородки’, по сходству с пластинками на нижней стороне шляпки, но от нее лингвист категорически отказывается, поскольку пластинки характерны лишь для отдельной группы грибов (пластинчатых) [DCECH, 5: 233]. Данный

³⁴ Академик использует слово *agárico*, однако не в современном значении ‘пластинчатый гриб’. Лат. *agaricum* и греч. *ἀγαρίκον*, к которым восходит данный термин, использовались в Античности для обозначения трутовиков *Polyporus officinalis*, применявшихся в лечебных целях [Houghton 1885]. Такое же употребление слова наблюдается и в Средневековье [Covarrubias 1611: 19].

³⁵ Всего сохранилось две рукописи XV в. [Brown 1978]. Рукопись М-103, Artigas 69, на которую мы ссылаемся, является самой старинной и лучше всего сохранившейся. Во второй рукописи, датированной концом XV в., не сохранились некоторые фрагменты, и именно она легла в основу издания 1766 г. [Ibid.]

³⁶ Отдельные лингвисты также рассматривают *saepthum* в качестве этимона, но со значением ‘диафрагма’: шляпка гриба своей выпуклой формой могла напоминать диафрагму [Sempere Martínez 1996]. Данное утверждение, конечно же, не выдерживает никакой критики, поскольку во времена возникновения исп. *seta* этот орган и его анатомические подробности были известны лишь некоторым ученым мужам того времени и, следовательно, не могли лечь в основу номинации. Само же слово *диафрагма* в греческом языке имеет исходное значение ‘перегородка’.

³⁷ Слово употребляется в письменных источниках с XIII в. [CDH]. Кроме того, необходимо отметить, что лат. *saepthum* вошло в международную биологическую и медицинскую терминологию для обозначения перегородок в растительных и животных организмах, разделяющих полости или массы клеток (см. рус. *септы*) [БЭС].

факт, однако, не является основанием для отказа от этой версии, ведь могло иметь место и расширение значения — явление отнюдь не редкое³⁸, как и сужение значения. Грибные пластинки являются яркой особенностью и важным отличительным признаком пластинчатых грибов, который, конечно же, мог лечь в основу номинации данной группы грибов. Изначально словом *seta* могли называться только пластинчатые грибы (тем более, что большая часть популярных съедобных грибов — именно пластинчатые), а затем, когда утратилась внутренняя форма слова, и другие виды грибов. Кроме того, окончание множественного числа *-a* латинского этимона объясняет женский род существительного *seta*.

Также мы считаем, что лексемой *hongo* в испанском языке первоначально обозначались трубчатые грибы, что подтверждается и данными баскского языка. Баскская лексема *ondo* (*onddo*) восходит к исп. *hongo* [Agud 1994: 981] и, помимо названия грибов в целом в некоторых областях Страны Басков, является названием боровиков, то есть трубчатых грибов [ОЕН]. Народные составные названия трубчатых грибов, как правило, включают лексему *hongo* (или *boleto*) в испанском языке и лексему *onddo* в баскском языке, ср. данные из [FM]:

Boletus aereus (боровик бронзовый): исп. *hongo negro*, баск. *onddo beltz* — букв. ‘черный гриб’;

Boletus aestivalis (боровик сетчатый): исп. *hongo blanco de verano*, баск. *udako onddo zuri* — букв. ‘белый летний гриб’;

Boleto edulis (белый гриб): исп. *hongo blanco*, баск. *onddo zuri* — букв. ‘белый гриб’;

Boletus luridus (дубовик оливково-бурый): исп. *hongo de vaca* — букв. ‘коровий гриб’, баск. *onddo zikin* — букв. ‘грязный гриб’;

Boletus satanas (сатанинский гриб): исп. *boleto de Satanás*, баск. *Satan onddo*;

Suillus grevillei (масленок лиственничный): исп. *boleto del alerce* — букв. ‘лиственничный гриб’, баск. *onddo apain* — букв. ‘элегантный гриб’;

Suillus luteus (масленок обыкновенный): исп. *hongo amarillo* — букв. ‘желтый гриб’, баск. *onddo likin* — букв. ‘липкий гриб’;

Xerocomus badius (польский гриб): исп. *boleto bayo* — букв. ‘каштановый гриб’, баск. *onddo arre* — букв. ‘бурый гриб’.

Анализируя данные одной публикации, посвященной народным названиям грибов в испанском языке, можно увидеть, что из 99 составных названий с компонентом *hongo* 48 приходится на трубчатые грибы, включая трутовики, девять — на другие типы непластинчатых грибов, и только 52 названия имеют отношение к пластинчатым грибам [Velasco 2011: 198–199], которые также имеют другие названия с компонентом *seta*.

При этом народные составные названия грибов с компонентом *seta* практически все относятся к пластинчатым грибам. В упомянутой выше публикации из 370 составных названий наиболее известных в Испании грибов с компонентом *seta* (причем один и тот же вид гриба может иметь несколько названий) только семь относятся к трубчатым грибам, причем последние имеют альтернативные (уже приводившиеся выше) названия с компонентом *hongo* (или *boleto*): *seta bronceada* «бронзовый гриб» (*Boletus aereus*), *seta calabaza / de calabaza*³⁹ «гриб-тыква» (*Boletus edulis*), *seta de Burdeos*⁴⁰ «гриб из Бордо» (*Boletus*

³⁸ См. *bolet* в каталанском языке из латинского.

³⁹ Также *hongo calabaza* [Velasco 2011: 171].

⁴⁰ Также *cepa de Burdeos* [Velasco 2011: 171], которое представляет собой кальку франц. *cèpe de Bordeaux*.

edulis), *seta esponja / de esponja* «гриб-губка» (*Suillus spp.*), *seta de esponja amarilla* «желтый гриб-губка» (*Suillus luteus*), *seta de Satanás* «сатанинский гриб» (*Boletus satanas*), *seta esponja de la encina* «гриб-губка каменного дуба» (*Boletus lupinus*, *Boletus luridus*, *Boletus rhodopurpureus*, *Boletus rhodoxanthus*) [Velasco 2011: 208–212].

Приведем некоторые примеры названий пластинчатых грибов с компонентом *seta* в испанском языке и компонентом *ziza* в баскском языке (данные из [FM]):

Agrocybe aegerita (полевка цилиндрическая): исп. *seta de chopo*, баск. *makal-ziza* — букв. ‘тополиный гриб’;

Armillaria mellea (опенок осенний): исп. *seta de membrillo* — букв. ‘айвовый гриб’ [Moreno Arroyo et al. 2001], баск. *enbor ziza* — букв. ‘пеньковый гриб’;

Pleurotus eryngii (вешенка степная): исп. *seta de cardo*, баск. *cardu ziza* — букв. ‘чертополоховый гриб’;

Tricholoma equestre (зеленушка): исп. *seta de los caballeros* — букв. ‘дворянский гриб’, баск. *zaldun-ziza orrihori* — букв. ‘желтый дворянский гриб’.

Итак, становится очевидно, что в испанском языке в номинации трубчатых грибов превалирует лексема *hongo*, а пластинчатых — *seta*. Некоторые случаи использования в испанском языке обеих лексем в отношении грибов одного и того же вида свидетельствует лишь о том, что современные носители языка воспринимают данные лексемы в качестве синонимов. Кроме того, нельзя забывать, что *hongo* — это еще и общее родовое название грибов.

Здесь интересно провести еще одну параллель с русским языком. «В ряде говоров вся группа названий делится на две и в качестве обобщающих выступают два слова: одно из них, а именно *губы*, объединяет все названия грибов вида *Agaricus*, которые обычно идут в засол; другое, *грибы*, объединяет все названия грибов вида *Boletus*, которые обычно идут в сушку» [Меркулова 1965: 90]. Перефразируя Меркулову, можно сказать, что *губы* — пластинчатые грибы, а *грибы* — трубчатые грибы. Такое разделение характерно в целом для восточных славян [СДЭС, 1: 548]. Иногда словом *грибы* обозначались только белые грибы [Меркулова 1965: 90], что отразилось и в некоторых других славянских языках: чеш. *hřib*, слов. *hríb*, укр. *гриб* ‘белый гриб’ [ЭССЯ, 7: 126–127]. Кроме того, изученные Меркуловой материалы говоров и письменных памятников свидетельствуют о том, что в течение длительного времени *губами* назывались все грибы вообще [Меркулова 1967: 166].

Однако вышеприведенные наблюдения противоречат информации, приведенной в словаре Даля, который указывает две категории грибов: *пластинник* и *скважник*, причем первой соответствует слово *гриб*, а второй — *губа* [Даль 1996: 394]. Указанные Далем названия достаточно прозрачны и указывают на пластинчатые и трубчатые грибы соответственно. Действительно, логично было бы предположить, что трубчатые грибы, к которым относятся и трутовики, изначально назывались именно *губами*, поскольку их трубчатый гименофор напоминает губку (*губу*)⁴¹, и что затем в результате генерализации значения так стали называться и все остальные грибы⁴². Впоследствии, когда появилось слово *гриб*⁴³, мог произойти семантический сдвиг, который и привел к указанному Меркуловой

⁴¹ В данном контексте нам представляется крайне заманчивой гипотеза об общих корнях слав. **goba*, лат. *fungus* и греч. *σπόγγος* (см. сноску 7).

⁴² Так, в словенском языке лексема *goba* имеет значения ‘губка’, ‘гриб’, а *goban* — ‘белый гриб, боровик’ [CPC], кроме того, почти все составные названия грибов рода *Boletus* имеют в своем составе лексему *goban* [GD].

⁴³ Слово *гриб*, по всей видимости, возникло гораздо позднее слова *губа*. Так, у Срезневского [1893] оно вообще отсутствует. *Гриб* не отмечается в древнерусских текстах XI–XIV вв., хотя прозвища *Гриб* и *Грибан* известны с XV в.; далее встречается в «Домострое» XVI в. [Черных 1999: 217]. В русском языке это слово стало общим названием грибов не ранее XVIII в. [Аникин 2018: 95].

разделению. Вполне вероятно, что словом *гриб* изначально стали называться именно белые грибы (боровики) как особо ценная в славянском мире категория грибов.

По словам В. Н. Топорова, «один из наиболее распространенных мотивов, связанных с грибами, предполагает их деление на мужские и женские, опирающееся, если говорить в самых общих чертах, на противопоставление грибов по их внешнему виду. Ср., с одной стороны, грибы с отчетливо выраженной ножкой и шляпкой в виде колпачка, а с другой — грибы без ножки или с ножкой, неотделимой от шляпки, и шляпкой в виде углубления (ср. противопоставление *грибы* : *губы* там, где ни *грибы*, ни *губы* не претендуют на единственно возможное общее обозначение грибов), эти два ряда отождествлений грибов в некоторых традициях настолько устойчивы, что гриб, считаемый мужским, и *membrum virile* обозначаются одним словом, а гриб, признаваемый женским, имеет то же название, что и *vagina*» [Топоров 2005: 761]. В связи с этим отметим, что в некоторых областях Испании *seta* имеет значение ‘вульва’, при этом сохраняется ассоциация с грибами [Sempere Martínez 1996; DCECH, 5: 234].

Разделение грибов на «мужские» и «женские» могло строиться не только на критерии «выпуклое vs. вогнутое», но и на противопоставлении «крепкое, грубое vs. хрупкое, нежное»⁴⁴. Так, в лингвоэтнографическом атласе Арагона, Наварры и Риохи указано, что «*seta* es de menor tamaño y más fina de sabor, mientras que el hongo es mayor y basto» — ‘*seta* — гриб меньшего размера и более нежный на вкус, а *hongo* — гриб большего размера и грубый’ [ALEANR: III, карта 286].

Таким образом, исторически различие между *seta* и *hongo* могло основываться не только на делении грибов на пластинчатые и трубчатые, но также отражать, по крайней мере в части, принцип мифологического деления грибов на «женские» и «мужские»: в этом смысле пластинчатые грибы в основной их массе можно назвать «женскими», а трубчатые — «мужскими». Интересно отметить, что такое деление, хотя и по чисто внутриязыковым причинам, имеет и грамматическую выраженность как в испанском, так и русском языках: *hongo* и *гриб* являются лексемами мужского рода, а *seta* и *губа* ‘гриб’ — существительные женского рода, причем общим родовым названием грибов в обоих языках стали лексемы мужского рода.

Итак, привлечение данных исторического корпуса испанского языка, обширного лексикографического и лингвоэтнографического материала, работ по микологии, установление параллелей как с родственными, так и неродственными языками и, что не менее важно, ясное представление о самом денотате (возможно, именно последнего не хватило академиком Короминасу и Гарсии де Диего) позволили нам достаточно глубоко подойти к проблеме и, как нам кажется, успешно решить ее. На наш взгляд, все приведенные в статье доводы и наблюдения говорят в пользу гипотезы о происхождении исп. *seta* именно от лат. *saepia*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аникин 2018 — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 12: *грак I — дбать*. М.: ИРЯ РАН; Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Арат 2000 — Арат. *Явления*. Пер. с древнегреч., вступ. ст., комм. К. А. Богданова. СПб.: Алетеия, 2000.
- БЭС — Гиляров М. С. (гл. ред.). *Биологический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1986.

⁴⁴ Деление, о котором говорит В. Н. Топоров, конечно же, относительное. Необходимо отметить, что существуют мелкие грибы с выпуклой шляпкой и крайне тонкой ножкой, которые сложно ассоциировать с «мужскими». С другой стороны, В. Н. Топоров [2005: 793] отмечает, основываясь на сказке о войне грибов, что грузди — мужские грибы, хотя они имеют «женскую» форму в виде воронки.

- Даль 1996 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 тт. Т. I. СПб.: Диамант, 1996.
- Дворецкий 1958 — Дворецкий И. Х. *Древнегреческо-русский словарь*. Т. 2. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
- Гарибова, Сидорова 1999 — Гарибова Л. В., Сидорова И. И. *Грибы. Энциклопедия природы России*. М.: ABF, 1999. <http://www.cnsrb.ru/AKDIL/0018/base/k102.shtml>.
- Марциал 1937 — Марк Валерий Марциал. *Избранные эпиграммы*. Пер. Н. А. Шатерникова. М.: Госиздат, 1937.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.
- СДЭС, 1 — *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995.
- Срезневский 1893 — Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 1. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893.
- СРС — “Goba”. *Словенско-русский словарь*. Котник Я. Любляна: Гос. изд-во Словении, 1972. https://slovenian_russian.academic.ru/3488/goba.
- Черных 1999 — Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999.
- ЭССЯ, 7 — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 7. Трубачев О. Н. (отв. ред.). М.: Наука, 1980.
- Alcalá 1505 — de Alcalá Fray P. *Vocabulista arábigo en letra castellana. En arte para ligeramente saber la lengua arábigo*. Granada: Juan Varela, 1505.
- ALG — Seguy J. *Atlas linguistique et ethnographique de la Gascogne*. Vol. I. Paris: Centre National de Recherche Scientifique; Institut D’Études Méridionales de la Faculté des Lettres, 1954.
- ALEA — Alvar M. *Atlas lingüístico y etnográfico de Andalucía*. 6 tomos. Granada: Universidad-CSIC, 1961–1973.
- ALEC — Alvar M. *Atlas lingüístico-etnográfico de Cantabria*. 2 tomos. Madrid: Arco Libros, 1995.
- ALEANR — Alvar M. *Atlas lingüístico y etnográfico de Aragón, Navarra y Rioja*. 12 tomos. Zaragoza: Institución Fernando el Católico, 1979–1983.
- ALL — “Cep”. *ABBYY Lingvo Live*. <https://www.lingvolive.com/en-us/translate/en-ru/cep>.
- Barcia, 4 — Barcia R. *Primer diccionario general etimológico de la lengua española*. Tomo 4. Madrid: Establecimiento tipográfico de Álvarez hermanos, 1882.
- Caridad Arias 2012 — Caridad Arias J. *La lengua romance vasca: vocabulario comparado castellano-vasco y vasco-castellano ante el latín y otras lenguas indoeuropeas*. Lugo: El Tablero de Piedra, 2012.
- Cejador y Frauca 1929/1996 — Cejador y Frauca J. *Vocabulario medieval castellano*. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1996.
- CDH — Instituto de Investigación Rafael Lapesa de la Real Academia Española. *Corpus del Nuevo diccionario histórico (CDH)* [Online]. <http://web.frl.es/CNDHE>.
- CNRTL — “Cèpe”. *Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales* [Website]. <https://www.cnrtl.fr/definition/cèpe>.
- CORDE — Real Academia Española. *Corpus Diacrónico del Español* [Online]. <http://corpus.rae.es/cordenet.html>.
- Covarrubias 1611 — Covarrubias S. *Tesoro de la lengua castellana o española*. Madrid: Luis Sánchez, 1611.
- da Cunha 2012 — Da Cunha A. G. *Dicionário etimológico da língua portuguesa*. 4ª ed. Rio de Janeiro: Lexicon, 2012.
- DA 1734 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua castellana* [...]. Compuesto por la Real Academia Española. Tomo quarto. Que contiene las letras G.H.I.J.K.L.M.N. Madrid: Imprenta de la Real Academia Española, por los herederos de Francisco del Hierro, 1734.
- DA 1739 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua castellana* [...]. Compuesto por la Real Academia Española. Tomo sexto. Que contiene las letras S.T.V.X.Y. Z. Madrid: Imprenta de la Real Academia Española, por los herederos de Francisco del Hierro, 1739.
- DBLA — Bal Palazios S. *Diccionario breu de a luenga aragonesa (edición dichital)*. <http://www.lenguasdearagon.org/pdf/recursoseducativos/dizionariobreu.pdf>.
- DCECH, 5 — Corominas J., Pascual J. A. *Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico*. T. 5. Madrid: Gredos, 1997.
- DGLA — García Arias X. L. *Diccionario general de la lengua asturiana*. <https://mas.lnc.es/diccionario/>.
- DLC — L’Institut d’Estudis Catalans. *Diccionari de la llengua catalana*. <https://dlc.iec.cat/>.
- Domínguez 1853 — Domínguez R. J. *Diccionario Nacional o Gran Diccionario Clásico de la Lengua Española (1846–1847)*. 5.ª edn. 2 vols. Madrid; Paris: Establecimiento de Mellado, 1853.

- DRAE 1803 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua castellana por la Real Academia Española, reducido a un tomo para su más fácil uso*. 4.ª edn. Madrid: Viuda de Ibarra, 1803.
- DRAE 1817 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua castellana por la Real Academia Española*. 5.ª edn. Madrid: Imprenta Real, 1817.
- DRAE 1832 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua castellana por la Real Academia Española*. 7.ª edn. Madrid: Imprenta Real, 1832.
- DRAE 1837 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua castellana por la Real Academia Española*. 8.ª edn. Madrid: Imprenta Nacional, 1837.
- DRAE 1869 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua castellana por la Real Academia Española*. 11.ª edn. Madrid: Imprenta de Don Manuel Rivadeneyra, 1869.
- DRAE 1884 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua castellana por la Real Academia Española*. 12.ª edn. Madrid: Imprenta de D. Gregorio Hernando, 1884.
- DRAE 1899 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua castellana por la Real Academia Española*. 13.ª edn. Madrid: Imprenta de los Sres. Hernando y compañía, 1899.
- DRAE 1914 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua castellana por la Real Academia Española*. 14.ª edn. Madrid: Imprenta de los sucesores de Hernando, 1914.
- DRAE 1925 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua española*. 15.ª edn. Madrid: Calpe, 1925.
- DRAE 1970 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua española*. 19.ª edn. Madrid: Espasa-Calpe, 1970.
- DRAE 1992 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua española*. 21.ª edn. Madrid: Espasa-Calpe, 1992.
- DRAE 2001 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua española*. 22.ª edn. [en línea]. <https://www.rae.es/drae2001/>.
- DRAE 2014 — Real Academia Española. *Diccionario de la lengua española*. 23.ª edn. [versión 23.3 en línea]. <https://dle.rae.es>.
- DRAG — *Diccionario da Real Academia Galega*. <https://academia.gal/diccionario>.
- EH — *Euskaltzaindiaren Hiztegia* [Словарь Королевской академии баскского языка]. https://www.euskaltzaindia.eus/index.php?sarrera=ziza&option=com_hiztegianbilatu&view=frontpage&Itemid=410.
- EHHA — *Euskaranen Herri Hizkeren Atlas* [Атлас народного баскского языка]. https://www.euskaltzaindia.eus/index.php?option=com_ehha&view=frontpage&Itemid=466&testua=ziza&gaia=&lekua=.
- FM — Asociación cultural “Baxauri” Kultur Elkarte. Mikologia. Bajauri. *Fichas micológicas* [Website]. <http://www.fichasmicologicas.com/>.
- García de Diego 1985 — García de Diego V. *Diccionario etimológico español e hispánico*. Madrid: Espasa-Calpe, 1985.
- GD — Gobarsko društvo Lisička Maribor › Mikologija › Boletus — gobani [Webpage]. <http://www.gobe.si/Mikologija/Boletus>.
- GDLI — Accademia della Crusca. *Grande dizionario della lingua italiana*. Prototipo edizione digitale. <http://www.gdli.it/sala-lettura/vol/13?seq=909>.
- HN 1829 — Caii Plinii Secundi *Historiae naturalis libri XXXVII*. (Bibliotheca classica latina sive collectio auctorum classicorum latinorum cum notis et indicibus.) Paris: Colligebat Nicolaus Eligius Le-maire, 1829.
- IEW, II — Pokorný J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Band II. Bern; Munich: Francke Verlag, 1959.
- Isidoro XVII — Isidori hispalensis episcopi *Etymologiarum sive originum*. Liber XVII. <https://www.thelatinlibrary.com/isidore/17.shtml>.
- LD — *A Latin dictionary*. Founded on Andrews' edition of Freund's Latin dictionary. Revised, enlarged, and in great part rewritten by Charlton T. Lewis, Ph.D. and Charles Short, LL.D. Oxford: Clarendon Press, 1879.
- LSJ — Liddell H. J., Scott R., Jones H. S. *A Greek-English lexicon*, revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones. with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford: Clarendon Press, 1940. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0057:entry=mu/khs>.
- Moliner 1998 — Moliner M. *Diccionario de uso del español*. Madrid: Gredos, 1998.
- Moreno Arroyo et al. 2001 — Moreno Arroyo B., Gómez Fernández J., Pulido Calmaestra E. *Setas comestibles de Andalucía. Manual de identificación*. Jaen: Editorial Jabalcuz, 2001.
- Nebrija 1495 — Nebrija A. *Vocabulario español-latino*. Salamanca: Impresor de la Gramática castellana, 1495.

- NTLLE — Real Academia Española. *Nuevo tesoro lexicográfico de la lengua española*. <http://ntlle.rae.es/ntlle/SrvltGUILoginNtlle>.
- Núñez 1825 — Núñez de Taboada M. *Diccionario de la lengua castellana, para cuya composición se han consultado los mejores vocabularios de esta lengua y el de la Real Academia Española, últimamente publicado en 1822; aumentado con más de 5000 voces o artículos que no se hallan en ninguno de ellos*. 2 vols. Paris: Seguin, 1825.
- ОEH — “Ziza”. *Orotariko Euskal Hiztegia* [Общий словарь баскского языка]. Euskaltzaindia. https://www.euskaltzaindia.eus/index.php?option=com_oehberria&task=bilaketa&query=ziza.
- Plinio 1906 — Plinio. *Naturalis historia*. Mayhoff K. F. Th. (ed.). Leipzig: Teubner, 1906. <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.02.0138>.
- REW — Meyer-Lübke W. *Romanisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter’s Universitätsbuchhandlung, 1911.
- Rosal 1611 — Rosal F. *Origen y etymología de todos los vocablos originales de la Lengua Castellana*. Obra inédita de el Dr. Francisco de el Rosal, médico natual de Córdoba, copiada y puesta en claro puntualmente del mismo manuscrito original, que está casi ilegible, e ilustrada con alguna[s] notas y varias adiciones por el P. Fr. Miguel Zorita de Jesús María, religioso augustino recoleto. 1601–1611.
- Roumeguère 1874 — Roumeguère C. *Glossaire mycologique. Bulletin de la Société agricole, scientifique & littéraire des Pyrénées-Orientales*. Vol. XXI. Perpignan: Imprimerie de Charles Latrobe, 1874, 217–259. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k441237b/f216.item>.
- Salvá 1846 — Salvá V. *Nuevo diccionario de la lengua castellana, que comprende la última edición integra, muy rectificada y mejorada del publicado por la Academia Española, y unas veinte y seis mil voces, acepciones, frases y locuciones, entre ellas muchas americanas [...]*. Paris: Vicente Salvá, 1846.
- Sobrino 1705 — Sobrino F. *Diccionario nuevo de las lenguas española y francesa*. Brussels: Francisco Foppens, 1705.
- Terreros 1787 — Terreros y Pando E. *Diccionario castellano con las voces de ciencias y artes y sus correspondientes en las tres lenguas francesa, latina e italiana [...]*. T. 2. Madrid: Viuda de Ibarra, 1787.
- TLGP — “Seta”. *Tesouro do léxico patrimonial galego y portugués*. <http://ilg.usc.gal/Tesouro/gl/search#search=normal&mode=lema&q=seta>.
- Toro 1901 — Toro y Gómez M. *Nuevo diccionario enciclopédico ilustrado de la lengua castellana*. Paris; Madrid: Librería Armand Colin-Hernand y Cia., 1901.
- de Vaan 2008 — de Vaan M. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden: Brill, 2008.
- Villena 1423 — Villena M. *Arte cisoria*. Manuscrito: Signatura M-103; Artigas 69. 1423. https://www.marseca.es/bibliotecademenendezpelayo/pdf/PDF%20inventario%20papeles/PDF/Manuscritos/44_Villena_Ars_cisoria.pdf
- Villena 1766 — Villena M. *Arte cisoria, ó Tratado del arte de cortar del cuchillo*. Madrid: La oficina de Antonio Marín, 1766.
- VT — Treccani. *Vocabolario on line*. <http://www.treccani.it/vocabolario/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Меркулова 1965 — Меркулова В. А. Об относительной хронологии славянских названий грибов (Вопросы лингвистической реконструкции и реконструкции материальной культуры). *Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования*. Трубачев О. Н. (отв. ред.). М.: Наука, 1965, 88–99. [Merkulova V. A. On relative chronology of Slavic mushroom names: Linguistic reconstruction and material culture reconstruction. *Etimologiya. Printsipy rekonstruktsii i metodika issledovaniya*. Trubachev O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1965, 88–99.]
- Меркулова 1967 — Меркулова В. А. *Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды)*. М.: Наука, 1967. [Merkulova V. A. *Ocherki po russkoi narodnoi nomenklature rastenii (Travy. Griby. Yagody)*.] [Essays in Russian folk names of plants: Grass, mushrooms, berries]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Топоров 2005 — Топоров В. Н. Семантика мифологических представлений о грибах. *Исследования по этимологии и семантике*. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. Топоров В. Н. М.: Языки славянской культуры, 2005, 756–812. [Toporov V. N. Semantics of mythological views on mushrooms. *Issledovaniya po etimologii i semantike*. Vol. 1: Teoriya i nekotorye chastnye ee prilozheniya. Toporov V. N. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005, 756–812.]

- Agud 1994 — Agud M., Tovar A. Materiales para un diccionario etimológico de la lengua vasca XXI. *Anuario del Seminario de Filología Vasca “Julio de Urquijo”*, 1994, 28(3): 915–992.
- Aranzadi 1897 — Aranzadi T. *Setas u hongos del País Vasco*. Madrid: Librería editorial de Romo y Füssel, 1897.
- Brown 1978 — Brown Russell V. El “Arte cisorio” de Enrique de Villena: borrador de una desconocida edición del siglo XVIII. *Romance Notes*, 1978, 18(3): 398–403.
- Castro 1991 — Castro A. *Glosarios latino-españoles de la Edad Media*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1991.
- Corriente 1996 — Corriente F. Hacia una revisión de los arabismos y otras voces con étimos del romance andalusí o lenguas medio-orientales en el Diccionario de la Real Academia Española (continuación). *Boletín de la Real Academia Española*, 1996, 76(268): 153–195.
- Corriente 2019 — Corriente F. Notas a los arabismos y otros “exotismos” en DLE 2014 (adiciones y correcciones a la revisión de 1996). *Boletín de información lingüística de la Real Academia Española*, 2019, 11. <http://revistas.rae.es/bilrae/article/view/285/716>.
- Corominas 1947 — Corominas J. Problemas del Diccionario Etimológico. II. *Romance Philology*, 1947, 1(2): 79–104.
- Fernández-Sevilla 1975 — Fernández-Sevilla J. *Formas y estructuras del léxico agrícola andaluz. Interpretación y estudio de 200 mapas lingüísticos*. Madrid: CSIC, 1975.
- Flattery 1989 — Flattery D. S., Schwartz M. *Haoma and Harmaline: The botanical identity of the sacred hallucinogen “soma” and its legacy in religion, language, and Middle Eastern folklore*. Berkeley: Univ. of California Press, 1989.
- García Arias 2014 — García Arias X. L. Dialectología, léxico y diccionario etimológico. *Lexicografía de las lenguas románicas*. Vol. I. Córdoba Rodríguez F., Sánchez-Palomino M. D., González Seoane E. X. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2014, 143–166.
- García de Diego 1957 — García de Diego V. Notas etimológicas: barbiquejo; ratigar; seta; rallo; arriscador; jorguín; burdo; retozar. *Boletín de la Real Academia Española*, 1957, XXXVII: 13–62.
- Houghton 1885 — Houghton W. Notices of fungi in Greek and Latin authors. *Annals and Magazine of Natural History*, 1885, 15: 22–49.
- Lázaro e Ibiza 1920 — Lázaro e Ibiza B. *Compendio de la flora española*. 3 tomos. 3.ª edn. Madrid: Imprenta Clásica Española, 1920.
- Meier 1986 — Meier H. La etimología iberorromance en el siglo XX. *Ibero-amerikanisches Archiv. Neue Folge*, 1986, 12(2): 141–157.
- Millar 1998 — Millar C. M. Los arabismos en la lengua española. *Boletín de Filología*, 1998, 37(2): 781–901.
- Mujika 1984 — Mujika L. M. *El consonantismo en préstamos románicos al euskera*. Pamplona: Gobierno de Navarra. Institución Príncipe de Viana, 1984.
- Navarro Carrasco 1994–1995 — Navarro Carrasco A. I. Notas sobre la voz *lleta* en los diccionarios académicos y los atlas lingüísticos. *Estudios de Lingüística Universidad de Alicante*, 1994–1995, 10: 461–467.
- Noulet, Dassier 1838 — Noulet J.-B., Dassier A. *Traité des champignons comestibles, suspects et vénéneux: qui croissent dans le bassin sous-Pyrénéen*. Toulouse: J.-B. Paya, 1838.
- Núñez Méndez 2012 — Núñez Méndez E. *Fundamentos teóricos y prácticos de historia de la lengua española*. New Haven: Yale Univ. Press, 2012.
- Otero Álvarez 1965 — Otero Álvarez A. Hipótesis etimológicas referentes al gallego-portugués. *Cuadernos de estudios gallegos*, 1965, 20(60): 12–30.
- Paulet 1791 — Paulet J.-J. *Traité des champignons*. <https://books.google.es/books?id=xxupQOP5maIC>.
- Paulet 1793 — Paulet J.-J. *Traité des champignons*. Tome II. Paris: Imprimerie nationale executive du Louvre, 1793.
- Puente Amestoy 1954 — Puente Amestoy F. Nombres vulgares alaveses de setas u hongos. *Munibe*, 1954, VI(2): 89–120.
- Sempere Martínez 1996 — Sempere Martínez J. A. En torno a las etimologías del murciano seta, jeta ‘vulva’, jeta ‘grifo’ y del catalán aixeta ‘grifo’. *Actas del III Congreso Internacional de Historia de la Lengua Española* (Salamanca, 1993). Vol. 2. Alonso González A. et al. (eds.). Madrid: Arco Libros, 1996, 1583–1594.
- Velasco 2011 — Velasco J. M., Martín A., González A. Los nombres comunes y vernáculos castellanos de las setas: Micoverna-I. Primera recopilación realizada a partir de la literatura micológica e informantes. *Boletín Micológico de FAMCAL*, 2011, 6: 155–216.
- Wasson, Wasson 1957 — Wasson V. P., Wasson R. G. *Mushrooms: Russia and history*. Vol. I. New York: Panteon Books, 1957.

Классификации внутритекстовых отношений: основания и принципы структурирования

© 2021

Александр Анатольевич Гончаров

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН,
Москва, Россия; a.gonch48@gmail.com

Аннотация: Рассматриваются основания и принципы построения классификаций внутритекстовых отношений. Несмотря на активное исследование этих отношений, консенсус относительно их перечня и классификации до сих пор не достигнут. Более того, ввиду создания дискурсивно аннотированных корпусов на разных языках проблема только усугубляется: число расхождений как между подходами, так и внутри них растет, затрудняя сопоставимость, а значит, использование полученных результатов. В статье предлагается анализ классификаций внутритекстовых отношений, который является одним из шагов на пути к решению этой проблемы. Эксплицированы основания и структура каждой из рассматриваемых классификаций, описан опыт их практического применения. Показано, насколько сильно могут изменяться классификации внутритекстовых отношений в результате попыток их приложения к практическим задачам, в частности к аннотированию текстов на разных языках. На русскоязычном материале проиллюстрирована адекватность рассмотренных классификаций задачам разметки текстов на русском языке.

Ключевые слова: дискурс, компьютерная лингвистика, логико-семантические отношения, обзор

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-112-50254. Автор благодарит О. Ю. Инькову, И. М. Зацмана и независимых рецензентов ВЯ за ценные замечания и комментарии.

Для цитирования: Гончаров А. А. Классификации внутритекстовых отношений: основания и принципы структурирования. *Вопросы языкознания*, 2021, 3: 97–119.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.97-119

Classifications of intratextual relations: Bases and structuring principles

Alexander A. Goncharov

Federal Research Center “Computer Science and Control”,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; a.gonch48@gmail.com

Abstract: The present paper examines bases and structure of classifications of intratextual relations. These relations have been actively investigated but there is still no consensus as to their nature and inventory. Moreover, as the number of discourse-labeled corpora for different languages continues to grow, the situation only becomes more problematic: the growing number of discrepancies both between and within approaches makes it difficult to compare them and thus to utilize the results. An analysis of classifications of intratextual relations, which is seen as a step towards mitigating this problem, is put forth. The bases, structure and applications of each classification are described. The paper shows the extent to which classifications of intratextual relations can change as the result of applying them in tasks such as annotation of texts in different languages. The appropriateness of the classifications examined for Russian corpus annotation is shown using Russian material.

Keywords: computational linguistics, discourse, logical-semantic relations, survey

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project No. 19-112-50254.

For citation: Goncharov A. A. Classifications of intratextual relations: Bases and structuring principles.

Voprosy Jazykoznanija, 2021, 3: 97–119.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.97-119

1. Вводные замечания

Во второй половине XX в. с развитием лингвистики текста, дискурсивного анализа и, позднее, корпусной лингвистики в центре внимания языковедов оказался текст и его устройство. Утверждение о том, что последовательность языковых знаков может считаться текстом, лишь будучи связной, положило начало активному изучению средств связности. Вскоре возникла потребность в систематизации знания не только и не столько о средствах, сколько об отношениях связности, которые могут устанавливаться между фрагментами текста как с использованием этих средств (= эксплицитно), так и без их использования (= имплицитно). Внутритекстовые отношения стали самостоятельным объектом анализа и классификации.

Понятие внутритекстового отношения охватывает широкий круг разнородных явлений, которые резюмируются в табл. 1 (с. 99). В основу таблицы положена работа М. Штеде «Discourse processing», где понятия «текст» и «дискурс» используются как синонимы¹ [Stede 2012: 1], а значит, все пять видов отношений, перечисленные в четвертом столбце, могут считаться внутритекстовыми. В статье рассматривается лишь один из них — отношения связности между небольшими фрагментами текста (нижняя строка табл. 1)². Иными словами, такие отношения являются частью локальной, а не глобальной структуры текста (об этом противопоставлении см. [Hobbs 1990: 49–50; Кибрик 2003: 30–35]). Термины, используемые для их обозначения, разнятся (риторические, дискурсивные, логико-семантические), поэтому далее они обобщенно называются **отношениями связности (ОС)**, а при необходимости уточнения используются термины, предлагаемые в конкретных теориях.

Параметры выделения связываемых ОС фрагментов — минимальных единиц анализа текста — в зависимости от подхода могут относиться к сфере 1) семантики, 2) синтаксиса и просодии, 3) намерений автора сообщения, а объем колеблется от именной группы до самостоятельного предложения (см. подробнее [Кибрик 2003: 35; Stede 2012: 89; Roze 2013: 20]). Поскольку в обзоре рассматриваются классификации ОС, которые чаще всего устанавливаются между клаузами (или — рекурсивно — более крупными фрагментами), минимальной единицей анализа будет считаться фрагмент текста, обычно представляющий собой клаузу и обозначающий некоторую ситуацию — событие, состояние, оценку и др. — или речевой акт.

Безусловно, описание классификаций ОС непросто отделить от описаний самих ОС. Следует, однако, подчеркнуть, что целью статьи является не анализ ОС как таковых и сравнение их наборов, а анализ того, каким образом они классифицируются. Ввиду необходимости иметь дело с работами, написанными в рамках различных теорий, представленные в них наборы ОС неоднократно сопоставлялись: для создания «алгебры дискурсивных отношений» [Roze 2013]; онтологии лингвистического аннотирования [Chiarcos 2014]; интерфейсов между двумя и более теориями [Benamara, Taboada 2015; Rehbein et al. 2016; Demberg et al. 2019; Scholman 2019]; и даже международного стандарта ОС — ISO DR-Core [Bunt, Prasad 2016].

¹ Далее в статье предпочтение отдается понятию «текст».

² В качестве примеров можно назвать отношение причины, следствия, уступки, условия и др.

Таблица 1

Виды отношений в структуре дискурса и текста

Задача обработки	Уровень структуры	Примеры объектов	Соответствующие отношения
Анализ протяженных фрагментов дискурса и тематических блоков	Логическая структура документа	Находящиеся в отношениях иерархии части документа, обычно выделяемые на уровне физического представления (напр., для книги это главы, разделы, параграфы и т. д.)	Отношения между элементами логической структуры документа
	Структура содержательных зон («content zone»)	Части текста, функционально значимые для текста как целого в зависимости от его цели и типа (напр., для кулинарного рецепта это список ингредиентов, этапы приготовления блюда)	Отношения между функционально значимыми зонами текста (с т. з. композиции)
	Тематическая структура	Фрагменты текста (одно или несколько предложений), выделяемые на основании общности темы	Отношения между элементами тематической структуры текста
Разрешение кореференции	Референциальная структура	Упоминания, кореферентные цепочки	Отношения кореференции и анафорические отношения
Анализ небольших фрагментов дискурса	Структура отношений связности	Минимальные дискурсивные единицы (МДЕ), обычно характеризующиеся предикативностью	Отношения связности (обычно с т. з. содержания МДЕ и/или коммуникативных намерений говорящего)

Тем не менее автору не удалось обнаружить работ, в центре внимания которых находились бы именно основания классификации ОС, а в вышеупомянутом стандарте ОС и вообще даны списком: «Согласовать классы, выделенные в разных теориях, сложно, так как они отражают различия в том, что считается семантической близостью. В соответствии с решением, принятым в ISO DR-Core, перечень основных отношений изначально задается в форме одноуровневого списка»³ [Ibid.: 46]. Такое решение не кажется оптимальным, если учитывать опыт создания классификаций в других науках, например, в биологии. Советский философ и биолог А. А. Любищев [1982: 27–28] писал: «Наиболее совершенной системой является такая, где все признаки объекта определяются положением его в системе. Чем ближе система стоит к этому идеалу, тем она менее искусственна,

³ Здесь и далее перевод наш. — А. Г.

и естественной системой следует назвать такую, где количество свойств объекта, поставленных в функциональную связь с его положением в системе, является максимальным». Если же система представляет собой неупорядоченный список, то свойства объекта едва ли зависят от его положения в ней, набор объектов оказывается произвольным, а их свойства — трудно определяемыми. Этого можно избежать, изначально задав основания и структуру классификации.

Предполагается, что рассмотрение опыта классифицирования ОС позволит выявить основания и структуру классификации, которые подходили бы для анализа эмпирического материала вне зависимости от языка, в том числе при аннотировании текстов.

Прежде чем перейти к конкретным теориям, следует отметить, что все нижеописанные классификации делаются на иерархические и фасетные (см. об этих понятиях [Хлебников 2015: 12–13]). Иерархическую классификацию традиционно представляют в виде дерева, где корневой узел — исходное множество объектов (для нас это множество ОС) — считается нулевым уровнем классификации. На первом (= верхнем) уровне данное множество делится на классы по выбранному основанию, на втором уровне каждый из полученных классов делится на подклассы по тому же или другому основанию и т. д. Узлы дерева, не имеющие дочерних, называются листьями и формируют нижний уровень иерархии (в нашем случае это отдельные ОС). Фасетной называется классификация одного и того же исходного множества объектов по нескольким основаниям одновременно. Следовательно, такая классификация может рассматриваться как совокупность двух и более независимых классификаций, а отдельно взятая классификация по одному из ее оснований — как самостоятельная иерархическая классификация. В обзоре характеристики классификаций определяются исходя из этих положений.

2. История исследования ОС и первые попытки их классификации

Предпосылки исследования ОС обнаруживаются уже в Античности. Так, в «Топике» и «Риторике» Аристотеля приводится список топов (*τοποι*) — смысловых моделей, общих принципов построения умозаключений [Аристотель 1978а; 1978б]. Его можно назвать первым списком ОС, которые, впрочем, никак не классифицировались. Попытку собственно классификации ОС предпринял философ Д. Юм в труде «Исследование о человеческом разумении» (1748), где он перечислил три **принципа связи между идеями**: «сходство, смежность во времени или пространстве и причинность» [Юм 1995]. Эти принципы, опирающиеся на семантическое сходство, задали структуру классификации типов связи между идеями, но не были ориентированы на анализ текстов.

Одной из первых классификаций ОС, нацеленной на решение этой задачи, стала классификация, разработанная Р. Трайна в середине XX в. для толкования текста Библии [Traina 1952]⁴. Ее основанием на верхних уровнях стал **объем связываемых фрагментов**, и ОС были поделены на два класса: устанавливаемые внутри абзаца; устанавливаемые между абзацами и более крупными фрагментами, вплоть до книг Библии [Ibid.: 40–55]. К ОС, рассматриваемым в настоящем обзоре, ближе всего один из подклассов ОС, устанавливаемых внутри абзаца — ОС между клаузами, которые на нижнем уровне классифицируются на основании **семантического сходства своих прототипических показателей** [Ibid.: 42–43]. ОС, входящие во второй класс, образуют открытый список, с одной стороны, пересекающийся со списком отношений из первого класса, а с другой — включающий отношения между элементами тематической структуры текста. Таким

⁴ Дж. Граймс называет первой чуть более позднюю классификацию, разработанную для тех же целей [Grimes 1975: 208].

образом, в классификации ОС на основании объема связываемых ими фрагментов 1) никак не ограничивается спектр принимаемых во внимание внутритекстовых отношений, 2) смешиваются отношения, устанавливаемые на уровне локальной и глобальной структуры текста, и 3) разносятся по разным классам ОС, не различающиеся по семантике, но способные устанавливаться между фрагментами разного объема.

В 1974 г. вышла монография [Beekman, Callow 1974] о переводе Библии (русск. перев. [Бикман, Келлоу 1994]). Согласно этой работе, переводу должен предшествовать анализ поверхностной структуры оригинала, нацеленный на выявление его семантической структуры, состоящей из минимальных семантических единиц — пропозиций, связанных некоторыми ОС. На основании **характеристики связываемых семантических единиц по степени важности**, зависящей от фокуса внимания с точки зрения говорящего/пишущего, были выделены два класса ОС: отношения дополнения — если связываемые единицы одинаково важны; ассоциативные отношения — если одна из них важнее другой [Там же: 328–329, 333–361]. С точки зрения логики в этом случае можно говорить о классификации ОС по симметричности, а с точки зрения грамматики — о переносе в семантический анализ текста понятий, сходных с сочинением и подчинением. Далее в обзоре это свойство называется направленностью. Классификация не претендовала на исчерпывающий характер: отмечалось, что в процессе анализа текста на том или ином языке «состав пропозиций и отношений между ними будет несколько видоизменяться» [Там же: 328].

Исследование ОС в герменевтике этим не закончилось (см. обзор работ в [Long 2014]), но в значительной мере переместилось в сферу лингвистики текста, дискурсивного анализа, обработки текстов на естественном языке и корпусной лингвистики. Поскольку создать классификацию, позволяющую описывать тексты разных типов и на разных языках, не удавалось, число классификаций постоянно росло⁵. Сегодня областью, для которой разработка классификации ОС особенно актуальна, является корпусная лингвистика, поэтому далее рассматриваются основания и принципы структурирования классификаций, когда-либо применявшихся для аннотирования корпусов⁶. К ним относятся классификации, предложенные в рамках: 1) теории М. Халлидея и Р. Хасан; 2) теории Дж. Хоббса; 3) Теории риторической структуры; 4) когнитивного подхода к ОС; 5) Теории сегментной репрезентации дискурса; 6) подхода Пенсильванского аннотированного корпуса; 7) теории О. Ю. Иньковой.

3. Классификация ОС в теории М. Халлидея и Р. Хасан

Согласно теории М. Халлидея и Р. Хасан (далее ТХХ), изложенной ими в уже ставшей классической работе «Cohesion in English» [Halliday, Hasan 1976], существует пять

⁵ В отечественной лингвистике ОС исследовались не столь активно. Следуя направлению «от значения к форме», ОС рассматривает в своей работе А. И. Варшавская [1984]. Однако она не только пишет о «смысловых отношениях» между единицами с пропозициональным содержанием, но и предпринимает попытку описания «некоторых содержательных отношений в языке на разных уровнях его структуры: лексическом, словообразовательном и грамматическом (преимущественно синтаксическом)» [Там же: 3]. Природа внутритекстовых отношений (на примере сложного предложения) анализировалась в работе М. В. Ляпон [1986]. Однако в центре внимания автора находилась не столько проблема классификации ОС, сколько создание такого описания ОС, которое позволило бы составить о них максимально полное представление (в свою очередь дающее возможность приблизиться к созданию их типологии).

⁶ Более ранние классификации, не применявшиеся в корпусной лингвистике, рассмотрены в работе [Novy, Maier 1992], которую можно считать обзором существовавших на тот момент классификаций ОС.

механизмов обеспечения связности: референция, субституция, эллипсис, конъюнкция и лексическая связность. Рассматриваемым в обзорной статье ОС соответствует конъюнкция — установление логико-семантических отношений, способных выражаться коннекторами («conjunctive elements» в терминах ТХХ).

Основанием классификации ОС служит их **семантическое сходство, определяемое с опорой на коннекторы, прототипически используемые для выражения данного ОС**, и на верхнем уровне иерархии ОС делятся на четыре класса: аддитивные (*and*); противительные (*yet*); причинные (*so*); временные (*then*). Во «Введении в функциональную грамматику» ([Halliday 2014], перв. изд. 1985) эта классификация ОС называется классификацией по **типу**, которых выделено уже не четыре, а три: **уточнение** («elaboration»), один фрагмент уточняет значение другого посредством дальнейшей спецификации или описания; ср. знак «=», показатели *i. e.*, *e. g.*, *viz.*); **расширение** («extension»), один фрагмент расширяет значение другого посредством добавления к нему чего-л. нового; ср. знак «+», показатели *and*, *or*); **качественное углубление** («enhancement»), один фрагмент качественно углубляет значение другого, характеризуя его одним из возможных способов; ср. знак «>», показатели *so*, *yet*, *then*) [Halliday 2014: 443–445, 460–508, 609–622].

Вторым основанием классификации ОС в ТХХ является т. н. **ориентация** (термин из [Halliday 2014]) — семантический уровень, на котором установлено ОС. Оно позволяет различать внешние («external») и внутренние («internal») ОС: первые устанавливаются между смысловыми фрагментами, описывающими внешнюю реальность («ideational meaning»), а вторые — между фрагментами речевого акта, т. е. фрагментами представления этой внешней реальности внутри речевого акта («interpersonal meaning») [Halliday, Hasan 1976: 242–243, 321, 323].

Достижениями ТХХ являются, во-первых, использование классификации ОС по двум основаниям (т. е. фасетной классификации), представленной в виде таблицы [Ibid.: 242–243], и, во-вторых, утверждение о том, что ОС любого типа теоретически может выражаться одними и теми же коннекторами, отличаясь по ориентации. Тем не менее, из-за опоры не на семантику ОС, а скорее на их показатели, общие черты ОС одного и того же типа, но разной ориентации, в таблице, резюмирующей классификацию, затемняются: если некоторые ОС, которые могут быть как внешними, так и внутренними, повторяются, то другие ОС в зависимости от ориентации получают разные названия. В [Halliday 2014] от представления фасетной классификации в виде таблицы и вовсе отказались, поэтому даже подсчитать, сколько ОС выделяется по обоим основаниям, стало невозможно.

Классификация из ТХХ была использована для разметки корпуса GECCo (German-English Contrasts in Cohesion). Согласно [Lapshinova-Koltunski, Kunz 2014], ОС делятся на пять классов (подклассы не выделяются): четыре из них совпадают с семантическими классами ОС из [Halliday, Hasan 1976], а класс «модальных» ОС (выражаемых единицами типа *interestingly*, *of course*), вероятно, добавлен создателями корпуса. Для каждого класса составляется список соответствующих показателей, что дает возможность полуавтоматического аннотирования ОС: поиск ОС в тексте осуществляется по показателям из списка, и если показатель найден, контексту присваивается один из пяти атрибутов в зависимости от того, к какому классу этот показатель относится.

Основные характеристики классификаций ОС, предложенных в той или иной версии ТХХ, резюмируются в табл. 2⁷ (с. 103).

⁷ В этой таблице, а также в табл. 4–7, строки упорядочены по дате публикации первого источника, в котором была описана соответствующая версия классификации. Для фасетных классификаций каждому из оснований отводится отдельная строка, а если несколько оснований используются в рамках одной иерархии, они перечисляются в одной и той же строке через точку с запятой.

Таблица 2

Различия между классификациями ОС в ТХХ

Материал		Характеристики классификации ОС				Источник
Корпус	Язык	Всего	Основания Какие	Классов верхи. уровня	Макс. число уровней	
–	англ.	2	семантическое сходство с опорой на показатели	4	3	[Halliday, Hasan 1976]
			ориентация	2	2	
–	англ.	2	семантическое сходство с опорой на показатели (= тип)	3	5	[Halliday 2014]
			ориентация	2	2	
+	англ., нем.	1	семантическое сходство с опорой на показатели	5	1	[Lapshinova- Koltunski, Kunz 2014]

4. Классификация ОС в теории Дж. Хоббса

Через два года после публикации ТХХ свою теорию связности дискурса разработал Дж. Хоббс (далее ТХ). По ТХ, дискурс должен удовлетворять четырем **требованиям к успешности коммуникации**, которые и служат основанием классификации ОС (табл. 3).

Таблица 3

Соответствия между требованиями к дискурсу и ОС

Требования к дискурсу для успешности коммуникации [Hobbs 1978: 1; 1990: 85]	Класс ОС [Hobbs 1978: 15–26; 1990: 85–102]
Сообщение должно быть доставлено / говорящий хочет передать сообщение	Отношения повода («occasion»); причина («cause») и обеспечение возможности («enablement»)
Сообщение служит какой-либо цели	Отношение оценки («evaluation»)
Новое и непредсказуемое в сообщении должно быть связано с тем, что слушающий уже знает	Отношения фона («background» / «ground- figure») и объяснения («explanation»)
Говорящий должен минимизировать трудности в понимании сообщения слушающим	Отношения расширения содержания («expansion»)

Позднее ТХ была развита Э. Келером, который пересмотрел перечень ОС и поделил их на основании **«фундаментального когнитивного различия»** между ними в соответствии с трактатом Юма. Выделялись три класса отношений — сходства, причинно-следственные, смежности [Kehler 2002: 15–23] — что полностью совпадает с тремя принципами связи между идеями по Юму (см. раздел 2). В сущности, теперь ОС классифицировались на основании их семантического сходства.

ТХ легла в основу аннотирования корпуса Discourse Graphbank. Набор ОС был снова пересмотрен (сравнение списков приводится в [Wolf, Gibson 2005: 255–256]), а основанием

классификации стала **направленность**, так что ОС распались на два класса: **направленные** (асимметричные) и **ненаправленные** (симметричные). Согласно методике аннотирования, если ОС выражено коннектором, то оно определяется по таблице соответствий ОС и их показателей. Если коннектора нет, методом подстановки выбирается тот из приведенных в этой таблице показателей, который лучше всего подошел бы для исследуемого контекста. Если показатель найден, указывается соответствующее ОС, в противном случае ставится отметка об отсутствии ОС. Попытка автоматизации аннотирования ОС в тексте согласно принципам ТХ описана в [Wellner et al. 2006].

Таблица 4

Различия между классификациями ОС в ТХ

Материал		Характеристики классификации ОС				Источник
Корпус	Язык	Всего	Основания Какие	Классов верхн. уровня	Макс. число уровней	
–	англ.	1	требование к успешности коммуникации	4	4	9 [Hobbs 1978]
–	англ.	1	фундаментальное когнитивное различие	3	2	11 [Kehler 2002]
+	англ.	1	направленность	2	2	11 [Wolf, Gibson 2005]

5. Классификация ОС в Теории риторической структуры

Теория риторической структуры (Rhetorical Structure Theory, далее RST; см. [Taboada, Mann 2006]) разрабатывалась У. Манном, С. Томпсон и их коллегами с начала 1980-х гг. для автоматического порождения текста. Это требовало создания программного обеспечения, что было невозможным без описания структуры текста. Как следствие, RST включает две теории — описательную и созидательную [Mann 1984: 367], так что исследование ОС, в терминах RST называемых риторическими отношениями (далее РО), — лишь одна из задач RST, и в ранних работах РО не классифицировались, а давались в форме списка [Mann, Thompson 1983; 1987].

Однако с развитием теории эволюционировали и классификации РО. Согласно RST, каждая из минимальных дискурсивных единиц (МДЕ), связываемых некоторым РО, является ядром или сателлитом. Ядро содержит более важную с коммуникативной точки зрения информацию и подчиняет себе сателлит. Именно **тип связываемых МДЕ** (= направленность ОС), позволяющий различать **асимметричные** (связывающие ядро и сателлит) и **симметричные** РО (связывающие два и более ядра), стал одним из оснований классификации РО в RST [Mann et al. 1992: 52; Carlson, Marcu 2001: 42–44; Кибрик, Подлеская 2009: 438–440; Mann, Taboada 2018; Taboada 2019].

Другим основанием классификации РО является их **семантическое сходство**. Вначале оно определялось с опорой на структурированные определения — РО объединялись в классы, если их описания различались одной или двумя характеристиками (как в [Mann, Thompson 1988: 249–250]), но позднее от структурированных определений отказались (как в [Carlson, Marcu 2001: 32–33]).

Третье основание классификации РО — **семантический уровень, на котором устанавливается РО**: уровень содержания («subject matter») и уровень представления («presentational») [Mann, Thompson 1988: 256–257; Mann, Taboada 2018; Taboada 2019]. Во всех этих работах РО классифицируются также по типу связываемых МДЕ, так что классификация оказывается фасетной.

С появления RST подчеркивалось, что список РО может пополняться. «Перечень внутритекстовых отношений в принципе является открытым (...)». Тем не менее частота добавления новых отношений, а также частота использования редких или неизвестных отношений (т. е. всех отношений, кроме тех, которые образуют ядро перечня) чрезвычайно низка» (разрядка моя. — А. Г.) [Mann et al. 1992: 49].

Перечень РО из т. н. классической RST, однако, почти сразу же был признан недостаточно полным для генерации текста. Попытку создания классификации, подходящей для этой задачи⁸, предпринял Э. Хови. Он с коллегами изучил классификации ОС из работ более чем 35 исследователей, составил список из ок. 500 предложенных ими ОС, а затем на его основе попытался создать новую классификацию [Novy 1990; 1993; Novy, Maier 1992; Novy et al. 1992]. Вначале это была иерархия с тремя классами верхнего уровня⁹, выделенными на основании **семантического сходства ОС** [Novy 1990: 131]. Уже тогда автора упрекали в смешении ОС, которые устанавливаются между пропозициями, с теми, которые устанавливаются между частями речевого акта.

Позднее Хови пересмотрел структуру классификации, и на основании **семантического уровня, на котором устанавливаются ОС**, поделил их на три класса верхнего уровня¹⁰: **семантические** («ideational» / «semantic»), **интерперсональные** («interpersonal») и **текстовые** («textual» / «presentational»), причем возможность добавления новых классов этого же уровня исключалась. На более низких уровнях деление на подклассы производилось на основании **семантического сходства ОС**, а число уровней не ограничивалось и зависело от степени детализации (см. несколько отличающиеся версии в [Novy, Maier 1992: 14; Novy et al. 1992: 63; Novy 1993: 377]). Главным достижением такой классификации представляется утверждение Хови о том, что два фрагмента текста теоретически могут быть связаны друг с другом сразу тремя ОС, принадлежащими к разным классам верхнего уровня — т. е. семантическим, интерперсональным и текстовым [Novy 1993: 362]. Эта классификация, впрочем, была не фасетной, а иерархической: множество ОС делилось не по двум основаниям одновременно, а по одному основанию на верхнем уровне, и по другому — на всех остальных.

Предложенный в RST перечень РО не подошел не только для генерации, но и для описания текста. Для учета особенностей устного русскоязычного дискурса в [Литвиненко 2001] к 27 РО классической RST были добавлены еще 20, причем новый список остался открытым, а в [Кибрик, Подлеская 2009] их число достигло 62. При разметке корпуса RST-DT (RST Discourse Treebank) использовалось уже 78 РО [Carlson, Marcu 2001: 42–44]. Более того, списки РО, добавленных в обеих работах, практически не пересекаются: лишь одно РО («Consequence (MItN)») было добавлено и там, и там. 28 из 62 РО из [Кибрик, Подлеская 2009] и 60 из 78 РО из [Carlson, Marcu 2001] не упоминаются больше ни в одной из рассмотренных версий классификации РО в рамках RST.

Таким образом, частота добавления новых отношений оказалась не столь низкой, провозглашение открытости списка РО и введение оппозиции «ядро — сателлит», сходной с оппозицией «сочинение — подчинение», сблизило классификацию из RST с классификацией из [Beekman, Callow 1974], а допущение возможности описания локальной

⁸ На тот момент целью была генерация типичных информативных сообщений только в рамках монологического дискурса длиной в абзац [Novy 1993: 342, 354].

⁹ Они заимствованы из «Введения в функциональную грамматику» М. Халлидея; см. раздел 3.

¹⁰ Они основаны на «метафункциях», также выделяемых Халлидеем [Halliday 2014: 30–31].

и глобальной структур текста при помощи одних и тех же ОС — с работами по герменевтике середины XX в. (см. раздел 2). Несмотря на это, в соответствии с RST был размечен ряд корпусов на разных языках (см. не претендующую на полноту табл. 5 ниже). Аннотирование в них было осуществлено вручную экспертным способом (как правило, двумя лингвистами независимо друг от друга). Решения о том, каким РО связаны фрагменты текста, основываются на определениях РО, модельных примерах и наиболее частотных показателях, если таковые имеются. Предпринимаются попытки автоматизации аннотирования текстов согласно принципам RST (например, [Pardo 2005]), в том числе текстов на русском языке [Chistova et al. 2019].

Хотя апологетами RST подчеркивается возможность ее применения к материалу разных языков, из табл. 5 видно, что на практике новые версии классификации РО в рамках RST часто создаются ad hoc.

Таблица 5

Различия между классификациями ОС в RST

Материал		Характеристики классификации ОС					Источник
		Основания	Классов верхн. уровня	Макс. число уровней	Всего ОС		
Корпус	Язык	Всего	Какие				
–	англ.	2	семантическое сходство	12	2	23	[Mann, Thompson 1988]
			семантический уровень	2	2		
–	англ.	1	тип связываемых МДЕ	2	2	24 ¹¹	[Mann et al. 1992]
+	англ.	2	семантическое сходство	19	2	78	[Carlson, Marcu 2001]
			тип связываемых МДЕ	3	2		
+	порт. (бр.)	2	семантический уровень	3	2	32	[Pardo 2005]
			тип связываемых МДЕ	2	2		
+	рус.	1		2	2	62	[Кибрик, Подлеская 2009]
			тип связываемых МДЕ				
+	исп.	1		2	2	28	[da Cunha et al. 2011]
+	англ.	2	семантическое сходство	19	2	78	[Das, Taboada 2014]
			тип связываемых МДЕ	3	2		
+	нем. бенг.	2	семантический уровень	3	2	31	[Stede 2016] [Das, Stede 2018]
			тип связываемых МДЕ	2	2		
+	рус.	1	тип связываемых МДЕ	2	2	17	[Ru-RST Group 2017]
–	англ.	2	семантический уровень; тип связываемых МДЕ	3	2	32	[Mann, Taboada 2018]
–	англ.	2	семантический уровень	2	2	29	[Taboada 2019]
			тип связываемых МДЕ	2	2		

¹¹ С учетом того, что в тексте работы используется отношение «Means», отсутствующее в классификации.

6. Классификация ОС в когнитивном подходе к их исследованию

В 1992 г. Т. Сандерс, В. Спорен и Л. Нордман предложили использовать для исследования ОС когнитивный подход (Cognitive approach to Coherence Relations, далее CCR; см. [Sanders et al. 1992; Sanders, Spooren 2009]). Для доказательства существования того или иного ОС был разработан «критерий отношения» («relational criterion») — два фрагмента текста, связанные ОС, должны содержать больше информации, чем эти же фрагменты, взятые по отдельности [Sanders et al. 1992: 5]. Кроме того, ОС должны отвечать требованиям 1) полноты описания («descriptive adequacy»), т. е. позволять описывать любые типы текстов на естественном языке, и 2) психологической убедительности («psychological plausibility»), т. е. представлять собой когнитивные сущности, способные порождать убедительные гипотезы о роли структуры дискурса в формировании когнитивной репрезентации [Ibid.: 3].

Важно, что авторы стремятся к созданию не очередного списка ОС, скрывающего сходства между ними, а экономной теории, которая сможет задать основу для ограниченного набора классов ОС [Ibid.: 4]. Для выделения таких классов были предложены четыре когнитивных примитива — параметра описания ОС, имеющих по два значения: базовая операция (аддитивная или причинная); полярность (положительная или отрицательная); порядок связываемых фрагментов (базовый или не базовый); источник связности (семантические / объективные или прагматические / субъективные ОС). Поскольку аддитивные ОС не могли быть охарактеризованы с точки зрения порядка следования фрагментов, при помощи четырех примитивов было сформировано 12, а не 16 классов. Таким образом, лишь три примитива из четырех оказались применимыми ко всему набору ОС (базовая операция, полярность и источник связности). Для большей «полноты описания» и детализации ОС внутри полученных классов разрешалось добавлять дополнительные параметры, что и было сделано в последующие годы. В систему описания ОС были введены противопоставления «условное или причинное», «временное или не временное», «волитивное или не волитивное», «целевое или не целевое», «взаимоисключающее или не взаимоисключающее», «прямое или косвенное» ОС, которые обсуждаются в [Hoek et al. 2019]. В работе приводится система из 37 ОС, описываемых за счет разных комбинаций значений параметров [Ibid.: 16–18].

Может показаться, что система классификации ОС в CCR не имеет ничего общего с классификациями из других теорий. Однако, если проанализировать параметры, которые используются в CCR для классификации всего множества ОС — базовая операция, полярность и источник связности — то окажется, что ОС классифицируются по двум упоминавшимся выше основаниям: **семантическому сходству** (которое на верхнем уровне описывается при помощи комбинаций значений параметров «базовая операция» и «полярность») и **семантическому уровню** (параметр «источник связности»).

Параметрическое описание семантического сходства ОС как таковое представляется весьма полезным, поскольку обеспечивает большую строгость выделения классов по сравнению с другими теориями. Именно по этой причине CCR предлагалось использовать как интерлингву для преодоления расхождений в выделении ОС: каждое ОС из какой-либо теории описывалось при помощи комбинации значений параметров, предложенных в CCR, а те ОС, описания которых совпадали, считались одним отношением. Таким образом, CCR, с одной стороны, остается самостоятельной теорией, а с другой — рассматривается как интерфейс между другими теориями (подробнее о методе см. в [Sanders et al. 2018; Scholman 2019]).

CCR применялся для аннотирования ряда корпусов, перечисленных в [Hoek et al. 2019: 25]. Аннотирование осуществлялось вручную, а для ускорения процесса за счет

привлечения разметчиков с достаточно низким уровнем компетенции в лингвистике была разработана пошаговая методика аннотирования, что стало возможным благодаря параметрическому описанию семантики ОС [Scholman et al. 2016]. Для определения значений параметров была составлена блок-схема, а также предложены тесты, основанные на замене и подстановке показателей ОС и на переформулировании анализируемых контекстов по образцам.

7. Классификация ОС в Теории сегментной репрезентации дискурса

Теория сегментной репрезентации дискурса (Segmented Discourse Representation Theory, далее SDRT), разработанная Н. Ашером, примечательна тем, что сочетает методы формальной семантики — прежде всего динамической, а именно Теории репрезентации дискурса Х. Кампа — и дискурсивного анализа [Asher 1993; Asher, Lascarides 2003; Geurts et al. 2020].

Дискурсивные отношения (далее ДО) в SDRT классифицируются по нескольким основаниям. Первым из них является **возможность определения их истинностного статуса** (оппозиция «веридиктальность — неверидиктальность»). Если хотя бы один из связываемых ДО фрагментов не может быть описан с точки зрения условий истинности, ДО считается **не веридиктальным**, во всех остальных случаях — **веридиктальным**.

Вторым основанием стал **тип связи между фрагментами** (= направленность), позволяющий поделить все ДО на сочинительные и подчинительные.

Третье основание — **семантический уровень, на котором устанавливаются ДО, в сочетании с семантическим сходством** (определяемым исходя из семантики связываемых ДО фрагментов) — позволяет выделить пять классов ДО. Три из них — **семантические**¹², **структурные**, **метаязыковые** — действительно выделены на основании уровня, на котором установлено ДО, тогда как два другие — ДО когнитивного уровня и ДО расхождения («divergent») — выделены скорее на основании семантического сходства и, кроме того, используются исключительно для описания диалогических текстов [Asher, Lascarides 2003: 459–472; Urgelles-Coll 2010: 82–91]. Несмотря на то, что это, по сути, два независимых друг от друга основания, они были использованы авторами для выделения классов на одном и том же уровне иерархии.

Показательно, что при разметке корпусов с опорой на SDRT применялись лишь такие версии этой классификации, которые были тем или иным образом модифицированы: изменялась и структура классификации, и ее основания, и набор самих ДО. Так, в проекте по исследованию структуры дискурса и разрешению кореференции (Discourse Structure and Coreference Resolution, DISCOR) ДО делились на основании возможности определения истинностного статуса и типа связи между фрагментами [Reese et al. 2007: 8]. Во франкоязычном корпусе, размеченном в рамках проекта ANNODIS (ANNOtation DIScursive) и опирающемся на SDRT, основанием классификации стало семантическое сходство ДО в сочетании с семантическим уровнем [Muller et al. 2012: 11–12]. SDRT использовалась для аннотирования корпуса текстов на арабском языке, причем классификация ДО была значительно пересмотрена, а ее основанием, как и в ANNODIS, стало семантическое сходство ДО [Keskes et al. 2014: 401–402]. Характеристики вышеупомянутых классификаций резюмируются в табл. 6.

Решение о том, какое именно ОС установлено между двумя фрагментами, при аннотировании корпуса принимается экспертным способом согласно методике (см., например, [Muller et al. 2012]) с опорой на дефиниции, примеры употребления, прототипические

¹² В работе Ашера и Ласкаридес эти ДО дополнительно подразделяются в зависимости от того, вовлекают ли они фрагмент с индикативом, с императивом или с вопросом.

показатели ОС и признаки контекста, указывающие на то или иное ОС. При необходимости оговариваются также случаи, когда некоторое ОС может быть спутано с другим. На базе размеченных вручную корпусов разрабатываются методы автоматизации определения ОС в рамках SDRT, в том числе с использованием машинного обучения (см., например, [Keskes et al. 2014] и упомянутые там работы).

Таблица 6

Различия между классификациями ОС в SDRT

Материал		Характеристики классификации ОС				Источник
Корпус	Язык	Всего	Основания Какие	Классов верхн. уровня	Макс. число уровней	
–	англ.	2	семантический уровень; семантическое сходство	5	2	27 [Asher, Lascarides 2003]
+	англ.	2	возможность определения истинностного статуса	2	2	14 [Reese et al. 2007]
			тип связи между фрагментами	2	2	
+	франц.	2	семантическое сходство; семантический уровень	8	2	19 [Muller et al. 2012]
+	арабск.	2	семантическое сходство	4	3	24 [Keskes et al. 2014]
			тип связи между фрагментами	2	2	

8. Классификация ОС в подходе Пенсильванского аннотированного корпуса

Подход, используемый создателями Пенсильванского аннотированного корпуса (Penn Discourse Treebank, далее PDTB [Prasad et al. 2014; 2017]), нацелен на исследование ОС между небольшими фрагментами текста, которые, как и в SDRT, называются дискурсивными. Под ДО понимаются отношения между абстрактными объектами внутри дискурса («discourse-internal abstract objects» [Prasad et al. 2017: 1198]), устанавливаемые на уровне содержания (а не коммуникативных намерений говорящего / пишущего) и аннотируемые с опорой на лексические средства выражения. Таким образом, PDTB представляет собой управляемый данными («data driven») подход к изучению локальной структуры дискурса [Ibid.].

В PDTB используется иерархическая классификация ДО, но набор ее оснований от версии к версии менялся. **Семантическое сходство ДО** было единственным основанием двухуровневой классификации в версии 1.0 [Prasad et al. 2006: 18] и продолжало использоваться в более поздних версиях PDTB: 2.0¹³ [Prasad et al. 2007: 26–27] и 3.0 [Webber et al. 2016; 2019: 16–18]. На третьем — факультативном — уровне иерархии, появившемся

¹³ Следует отметить, что набор классов верхнего уровня из классификации PDTB 2.0 похож на предложенный в ТХХ [Halliday, Hasan 1976: 242–243] (см. раздел 3), и особенно на предложенный Дж. Мартином [Martin 1992: 179]. Он выделяет 11 ОС, которые делятся на четыре класса:

в версии 2.0, семантическое сходство ДО определялось исходя из семантической роли связываемых фрагментов. В случае затруднений при аннотировании разрешалось определять ДО не на третьем, а на втором уровне [Prasad et al. 2017: 1204]. В версии 3.0 третий уровень стал использоваться лишь для классификации асимметричных отношений: каждое асимметричное отношение, выделенное на втором уровне, специфицируется на третьем исходя из семантической роли связываемых фрагментов. Все симметричные ДО, таким образом, ниже второго уровня классификации не специфицировались.

В версиях 2.0 и 3.0 некоторые подклассы ДО стали выделяться на основании **семантического уровня, на котором устанавливаются ДО** (например, «cause» и «pragmatic cause»).

Корпуса с разметкой ДО, сделанной в духе PDTB, создавались для анализа текстов разных типов и на разных языках (см. табл. 7). Слой дискурсивной разметки, наследующей принципам PDTB, был добавлен в Пражский зависимостный корпус, что стало началом Пражского дискурсивно аннотированного корпуса (Prague Discourse Treebank 1.0, PDiT 1.0). В нем была использована упрощенная классификация ДО из PDTB 2.0 [Poláková 2015: 173–177]. В стиле PDTB размечен китайский дискурсивно аннотированный корпус (Chinese Discourse TreeBank, CDTB), однако классификация ДО по сравнению с PDTB 2.0 была радикально пересмотрена, превратившись в список из девяти ДО¹⁴ [Zhou, Xue 2015: 415–421]. В [Li et al. 2014] предлагается подход к аннотированию корпуса текстов на китайском языке с использованием «направляемого коннекторами дерева зависимостей» (Connective-driven Dependency Tree, CDT), сочетающий идеи RST и PDTB. В нем специально для китайского языка была разработана трехуровневая иерархия ДО, где на первом и втором уровнях ДО классифицируются на основании семантического сходства¹⁵, а на третьем перечисляются непосредственно коннекторы, выражающие то или иное ДО¹⁶ [Li et al. 2014: 2110]. Несмотря на значительные отличия от PDTB, классификация больше всего соотносится именно с этим подходом. Особняком стоит классификация, используемая во Французском дискурсивно аннотированном корпусе (French Discourse Tree Bank, FDTB) и сочетающая элементы RST, SDRT и PDTB¹⁷. Это иерархия с шестью классами верхнего уровня — пятью классами веридиктальных (причинных, временных, сравнительных, аддитивных и отношений расширения содержания («expansion»)) и одним классом неверидиктальных ДО. Деление на подклассы осуществляется на основании семантического сходства ДО и семантического уровня, на котором они устанавливаются [Danlos et al. 2012: 478]. Таким образом, в рамках единой иерархии ДО классифицируются с использованием сразу трех оснований.

Основания и структура классификаций, используемых в перечисленных корпусах, резюмируются в табл. 7. Аннотирование ОС в них осуществлялось вручную экспертным

аддитивные («additive», ср. «expansion» в PDTB 2.0); сравнительные («comparative», ср. «comparison» в PDTB 2.0); временные («temporal», ср. «temporal» в PDTB 2.0); следственные («consequential», ср. «contingency» в PDTB 2.0). На сходство обратила внимание Ш. Роз [Roze 2013: 57].

¹⁴ В тексте работы [Zhou, Xue 2015] перечислены 11 рубрик, используемых для описания ОС, однако две из них — EntRel и NoRel — применяются в случае отсутствия ДО и не включены в соответствующую классификацию из PDTB 2.0. Поэтому в рамках сравнения классификаций представляется разумным говорить о 9, а не об 11 отношениях, используемых в CDTB.

¹⁵ Четыре класса верхнего уровня не совпадают с классами, выделяемыми в какой-либо из версий PDTB: причинные отношения («causality»); отношения перехода («transition»); сочинительные отношения («coordination»); отношения объяснения («explanation»).

¹⁶ Идея перечисления собственно коннекторов в рамках классификации, впрочем, не нова, и разрабатывалась в 1990-е гг. Ноттом и соавтором [Knott, Dale 1994; Knott 1996]. Поскольку на третьем уровне иерархии в CDT ДО не перечисляются, а приводится открытый список их показателей, максимальное число уровней, указанное в табл. 7 для этой классификации, — не три, а два.

¹⁷ FDTB включен в этот раздел, так как этот корпус «вдохновлен PDTB» [Danlos et al. 2012: 471]).

способом согласно методике и с опорой на показатели. Семантика имплицитных ОС определялась при помощи подстановки показателя, наилучшим образом подходящего для данного контекста, а сам этот показатель фиксировался в аннотации. В дальнейшем на базе полученных таким образом данных проводились эксперименты по автоматизации поиска ОС и определения их типа [Prasad et al. 2017: 1206 и сл.].

Таблица 7

Различия между классификациями ОС в PDTB

Материал		Характеристики классификации ОС					
Корпус	Язык	Всего	Основания Какие	Классов верхн. уровня	Макс. число уровней	Всего ОС	Источник
+	англ.	1	семантическое сходство	7	2	12	[Prasad et al. 2006]
+	англ. тамил. перс.	2	семантическое сходство; семантический уровень	4	3	30	[Prasad et al. 2007; Rachakonda, Sharma 2011; Mirzaei, Safari 2018]
+	арабск.	2		4	4	17	[Al-Saif, Markert 2010]
+	итал.	2		4	3	25	[Tonelli et al. 2010]
+	хинди	2		4	3	29	[Kolachina et al. 2012]
+	франц.	3	возможность опреде- ления истинностного статуса ОС; семанти- ческое сходство; се- мантический уровень	6	4	33	[Danlos et al. 2012]
+	кит.	1	семантическое сходство с опорой на показатели	4	2	17	[Li et al. 2014]
+	чешск.	2	семантическое сходство; семантический уровень	4	2	22	[Poláková 2015]
+	англ., нем., польск., порт. (евр.) рус., турецк.	2		4	3	27	[Webber et al. 2016; Zeyrek et al. 2018]
+	турецк.	2		4	3	32	[Zeyrek, Kurfalı 2017]
+	англ.	2		4	3	36	[Webber et al. 2019]

9. Классификация ОС в теории О. Ю. Иньковой

В 2017 г. О. Ю. Иньковой были описаны принципы классификации логико-семантических отношений (ЛСО), потенциально выражаемых коннекторами [Inkova 2017; Инькова 2019]. ЛСО классифицируются по двум основаниям: **семантической операции**, лежащей в их основе, и **семантическому уровню**, на котором установлено ЛСО. Выделяется четыре семантические операции: импликация; расположение на шкале времени; сравнение; соотнесение частного и общего или элемента и множества. В рамках этих четырех классов ЛСО специфицируются далее на основании их семантического сходства, так что классификация представляет собой четырехуровневую иерархию с 4 классами верхнего уровня и 45 конечными узлами. Что касается семантических уровней, то их три: **пропозициональный** (связываются два положения вещей); **уровень высказывания** (связываются речевой акт и положение вещей); **метаязыковой** (связываются два способа описания действительности или же описывается место фрагментов текста в его структуре). Каждое из 45 ЛСО теоретически (если это онтологически не противоречит его семантике) может быть установлено на всех трех уровнях, т. е. классификация является фасетной и может быть представлена в форме таблицы; подробнее см. [Инькова 2019: 59–89]. Классификация претендует на универсальный характер и используется при аннотировании коннекторов трех языков — русского, французского и итальянского — в надкорпусной базе данных, разработанной для этой цели [Зацман и др. 2016]. ЛСО определяются разметчиками вручную с опорой на дефиниции, после чего аннотации проверяются экспертами. Хотя коннекторы и представляют собой значимый фактор в определении ЛСО, главным критерием остается семантическое соотношение связываемых фрагментов, особенно в случае имплицитных ЛСО.

10. Сопоставление классификаций ОС с точки зрения практического применения

Прежде чем перейти к подведению итогов, рассмотрим разметку пяти примеров¹⁸, содержащих некоторое ОС, в рамках семи подходов, применяющихся в корпусной лингвистике и рассмотренных в разделах 3–9. Коннекторы выделены полужирным шрифтом, а связываемые фрагменты заключены в квадратные скобки.

В примерах (1)–(3) ОС выражены одним и тем же коннектором — *если*.

- (1) [**Если** казарма разделена на каморки,] [в каждую каморку напихивают по несколько семей] [А. Серафимович. Пауки и кровососы (1917)].
- (2) [**Если** надумаешь все же приехать,] [адрес — Лесная, тридцать два] [Ф. Абрамов. Алька (1971)].
- (3) [Вот в какой обстановке существовал наш дом [— **если** его можно было теперь так называть —] вплоть до самой войны] [С. Аллилуева. Двадцать писем другу (1963)].

Для описания (1)–(3) в рамках ТХХ точнее всего подходит ОС «простое условие», входящее в класс «причинные» и подкласс «условные» в соответствии с [Halliday, Hasan 1976], или ОС «условие с положительной полярностью», входящее в класс «качественное углубление», подкласс «причинно-условные» и тип «условные» в соответствии с [Halliday 2014]. Прототипический показатель, приведенный для этого ОС — *then* и *in that case*. По второму основанию — ориентации — пример (1) может быть отнесен к ОС,

¹⁸ Примеры взяты из [НКРЯ].

связывающим фрагменты с пропозициональным содержанием, а (2) и (3), видимо, к ОС, связывающим фрагменты речевого акта.

В ТХ описать (1)–(3) оказывается крайне проблематично, так как ни в [Hobbs 1978], ни в [Kehler 2002] не выделяется отношение условия. Самым близким ОС по Хоббсу является класс отношений повода, но если (1) можно отнести ко входящему в него отношению обеспечения возможности («enablement»), объединяющему случаи, когда состояние или событие, утверждаемое в первом фрагменте, делает возможным состояние или событие, утверждаемое во втором, то (2) и (3) едва ли соответствуют данному описанию. Действительно, первая же попытка разметки корпуса согласно ТХ повлекла за собой добавление отношения условия (в класс «асимметричные»), к которому и могли бы быть отнесены (1)–(3) по [Wolf, Gibson 2005].

В рамках классической RST по [Mann, Taboada 2018] примеры (1)–(3) ближе всего к отношению условия, однако оно входит в класс устанавливаемых на пропозициональном уровне, что ставит под вопрос возможность использовать его для (2) и (3).

В CCR ОС из (1)–(3) могут быть описаны как 1) имеющие положительную полярность, 2) основанные на причинной базовой операции и 3) условные (дополнительный параметр, приведенный в [Hoek et al. 2019]). Помимо этого, ОС из (1) можно охарактеризовать как объективное (= установленное между фрагментами пропозиционального содержания), имеющее базовый и хронологический порядок фрагментов («антецедент — консеквент»). ОС из (2) и (3) считаются субъективными, так как в их установлении участвует сам говорящий, а охарактеризовать их с точки зрения порядка и связи с осью времени едва ли возможно.

Согласно SDRT, в (1) установлено отношение следствия («Consequence», неверификальное), входящее в класс ОС уровня содержания, а в (2) и (3) — отношение следствия, входящее в класс метаязыковых ОС по [Asher, Lascarides 2003].

В классификации из PDTB 3.0 ОС из (1) может быть описано как отношение условия (класс ОС обусловленности), где условие содержится в первом из связываемых фрагментов («Contingency.Condition.Arg1-as-cond»), а ОС из (2) и (3), по-видимому, соответствуют отношению условия, связывающего фрагмент с пропозициональным содержанием и речевой акт («Contingency.Condition+SpeechAct»), см. [Webber et al. 2019].

И, наконец, согласно классификации из [Инькова 2019] ОС в (1)–(3) с точки зрения семантического сходства являются условными, но они установлены на разных семантических уровнях: в (1) ОС связывает две пропозиции (пропозициональные условные ЛСО), в (2) — пропозицию и речевой акт: «информация, которую я тебе сообщаю, является релевантной только при условии, что ты собираешься приехать» (иллокутивные условные ЛСО), а в (3) условие накладывается на выбор адекватной словесной формы высказывания, а именно слова «дом» (метаязыковые условные ЛСО). Благодаря выделению условных отношений на основании семантического сходства и наличию трех семантических уровней, эта классификация наиболее четко демонстрирует сходства и различия между (1)–(3).

Примеры (4)–(5) содержат ОС, выраженные коннекторами *вообще* и *в частности*.

- (4) [Никогда я не совал своего носа в литературу и в политику, не искал популярности в полемике с невеждами, не читал речей ни на обедах, ни на могилах своих товарищей...] [**Вообще** на моем ученом имени нет ни одного пятна и пожаловаться ему не на что] [А. Чехов. Скучная история (1889)].
- (5) [На встрече намечены планы дальнейшего сотрудничества братских журналов.] [Решено, **в частности**, широко публиковать материалы, посвященные 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, и выпустить специальные номера журналов] [обобщенный. Хроника «ТМ» // «Техника — молодежи», 1977].

ОС, установленное в (4), согласно версии ТХХ из [Halliday, Hasan 1976] может считаться пояснительным («expository»; входит в класс аддитивных ОС), тогда как классификация из [Halliday 2014] не позволяет сделать однозначный выбор между ОС, названными

«resumptive» (*to resume, as I was saying*) и «summative» (*in sum, briefly, to sum up*), входящими в класс «уточнение». Что касается (5), то по [Halliday, Hasan 1976] речь об ОС экзemplификации, которое, как и пояснительное ОС, относится к аддитивным, а по [Halliday 2014] — к ОС спецификации (*in particular, more especially*). Все эти ОС по ориентации отнесены к ОС, устанавливаемым на уровне речевого акта.

Согласно ТХ в (4) установлено ОС генерализации, а в (5) — экзemplификации, которые выделяются в [Hobbs 1978; Kehler 2002; Wolf, Gibson 2005].

RST не позволяет различить ОС из (4) и (5): оба примера по [Mann, Taboada 2018] иллюстрируют отношение «Elaboration». Оно включает настолько разнородные случаи, что перестает быть информативным и даже исключается из рассмотрения в работах по автоматизации определения ОС в соответствии с RST, например, в [Chistova et al. 2019].

В CCR тоже нет возможности различить ОС из (4) и (5) при помощи значений используемых в этом подходе параметров: оба ОС описываются как имеющие положительную полярность, основанные на аддитивной базовой операции и установленные между пропозициями (объективные).

SDRT снова не позволяет зафиксировать различий между ОС из (4) и (5), которое, как и в RST, считается отношением «Elaboration».

По PDTB 3.0 в (4) и (5) установлено ОС спецификации («Instantiation»), которое входит в класс отношений расширения содержания («Extension»), но для (4) будет указано, что частный случай содержится в первом из связываемых фрагментов («Arg1-as-Instance»), а для (5) — во втором («Arg2-as-Instance»).

По классификации О. Ю. Иньковой в (4) фрагменты связаны ЛСО экстенциональной генерализации, а в (5) — экстенциональной спецификации. В обоих случаях отношения устанавливаются на пропозициональном уровне, т. е. данная классификация позволяет учесть и семантику отношения (чего не удастся сделать в RST, CCR и SDRT), и уровень, на котором оно устанавливается (чего не удастся сделать в TXX, ТХ и PDTB).

Заключение

Несмотря на разнообразие классификаций ОС с точки зрения структуры, набора отношений, а также анализируемого с их помощью материала, унификация терминологических различий и эксплицирование принципов классификации показывают, что число используемых оснований невелико — все они резюмируются в табл. 8 (с. 115). Более светлой заливкой отмечены случаи, когда основание используется лишь в рамках одного из применений теории для какого-либо языка (имеются в виду CDT и FDTB, относимые к подходу PDTB, но сильно отличающиеся от него; см. раздел 8).

Кроме того, хотя многие теории провозглашаются применимыми для анализа текстов разных типов и на разных языках, из обзора видно, насколько высока степень изменений, которые вносятся в эти теории на практике (при том, что значительная часть из них используется для аннотирования монологических письменных текстов на английском языке). Обзор классификаций ОС позволяет выявить ряд характеристик, которые способны сделать классификации более устойчивыми и обеспечивающими возможность адекватного описания структуры текста.

Во-первых, это четкое определение того, какие именно из внутритекстовых отношений являются объектом классификации. Попытки объединить в рамках одной классификации разнородные объекты (например, ОС, устанавливаемые на уровне локальной и глобальной структуры текста, или же синтаксические, логико-семантические и прагматические отношения) неизбежно приводят к нарушению соразмерности деления. Во-вторых, это использование фасетной классификации: к примеру, для учета семантики ОС и уровня, на котором оно устанавливается. Фасетная классификация позволяет избежать пересечения классов, возникающего при попытках использования обоих оснований в рамках

Таблица 8

**Соответствия между теориями и используемыми в них
основаниями классификаций ОС**

Основание	Теория									
	Юм	Трайна	Бикман, Келлоу	ТХХ	ТХ	RST	CCR	SDRT	PDTB	Инькова
Возможность определения истинностного статуса										
Направленность										
Объем связываемых фрагментов										
Семантический уровень										
Семантическое сходство без опоры на показатели										
Семантическое сходство с опорой на показатели										
Требования к успешности коммуникации										

иерархии. В-третьих, это параметрическое (и, шире, структурированное) описание семантического сходства ОС, причем параметры могут применяться как ко всему множеству ОС, так и к отдельным классам.

В той или иной мере все эти характеристики уже используются для создания интерфейсов между двумя и более теориями, что лишь подтверждает их значимость. Хочется надеяться, что полувековой опыт создания классификаций и их применения на практике будет учтен и приведет к созданию классификации, дающей возможность исследовать и сопоставлять тексты разных жанров и на разных языках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аристотель 1978а — Аристотель. Тописка. *Аристотель. Сочинения в четырех томах*. Т. 2. Микеладзе З. Н. (ред.). М.: Мысль, 1978, 347–531.
- Аристотель 1978б — Аристотель. Риторика. *Античные риторики*. Тахо-Годи А. А. (ред.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1978, 14–164.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бикман, Келлоу 1994 — Бикман Дж., Келлоу Дж. *«Не искажая слова Божия...» Принципы перевода и семантического анализа Библии*. СПб.: Ноах, 1994. [Beekman J., Callow J. *Translating the Word of God. Russian edition*. St. Petersburg: Noah, 1994.]
- Варшавская 1984 — Варшавская А. И. *Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка)*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. [Varshavskaya A. I. *Smyslovye otnosheniya v strukture yazyka (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka)* [Semantic relations in language structure: The case of modern English]. Leningrad: Leningrad State Univ. Press, 1984.]

- Зацман и др. 2016 — Зацман И. М., Инькова О. Ю., Кружков М. Г., Попкова Н. А. Представление кроссязыковых знаний о коннекторах в надкорпусных базах данных. *Информатика и ее применения*, 2016, 10(1): 106–118. [Zatsman I. M., In'kova O. Yu., Kruzhkov M. G., Popkova N. A. Representation of cross-lingual knowledge about connectors in supracorpora databases. *Informatika i ee primeneniya*, 2016, 10(1): 106–118.]
- Инькова 2019 — Инькова О. Логико-семантические отношения: проблемы классификации. *Связность текста: мерологические логико-семантические отношения*. Инькова О., Манзотти Э. М.: Изд. дом ЯСК, 2019, 11–98. [In'kova O. Logical-semantic relations: Problems of classification. *Svyaznost' teksta: mereologicheskie logiko-semanticheskie otnosheniya*. In'kova O., Manzotti E. Moscow: YaSK Publishing House, 2019, 11–98.]
- Кибрик 2003 — Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис. ... докт. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2003. [Kibrik A. A. *Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive* [Discourse analysis in cognitive perspective]. Doctoral diss. Moscow: Institute of Linguistics, 2003.]
- Кибрик, Подлесская 2009 — Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.). *Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. (eds.). *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Night dream stories: A corpus study of spoken Russian discourse]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Литвиненко 2001 — Литвиненко А. Л. Описание структуры дискурса в рамках теории риторической структуры: применение на русском материале. *Труды Международного семинара Диалог '2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Т. 1: Теоретические проблемы. Нариньяни А. С. (ред.). [Б. м.], 2001, 159–168. [Litvinenko A. L. Describing discourse structure in terms of Rhetorical Structure Theory: Application to Russian material. *Trudy Mezhdunarodnogo seminar Dialog '2001 po komp'yuternoi lingvistike i ee prilozheniyam*. Vol. 1: *Teoreticheskie problemy*. Narin'yan A. S. (ed.). [S.l.], 2001, 159–168.] <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/litvinenko/>.
- Любищев 1982 — Любищев А. А. О форме естественной системы организмов. *Проблемы формы, систематики и эволюции организмов*. Любищев А. А. М.: Наука, 1982, 24–36. [Lyubishchev A. A. On the shape of natural system of organisms. *Problemy formy, sistematiki i evolyutsii organizmov*. Lyubishchev A. A. Moscow: Nauka, 1982, 24–36.]
- Ляпон 1986 — Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. [Lyapon M. V. *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst: K tipologii vnutritextovyykh otnosheniy* [Semantic structure of complex sentence and text: Towards a typology of intratextual relations]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Хлебников 2015 — Хлебников А. А. *Информационные технологии*: учебник. М.: КНОРУС, 2015. [Khlebnikov A. A. *Informatsionnye tekhnologii* [Information technology]. A textbook. Moscow: KNORUS, 2015.]
- Юм 1995 — Юм Д. *Исследование о человеческом разуме*. М.: Прогресс, 1995. [Humes D. *An enquiry concerning human understanding*. London: A. Millar, 1748. Transl. into Russian.]
- Al-Saif, Markert 2010 — Al-Saif A., Markert K. The Leeds Arabic discourse treebank: Annotating discourse connectives for Arabic. *Proc. of the Seventh International Conf. on Language Resources and Evaluation (LREC'2010)*. Calzolari N. et al. (eds.). Valletta: ELRA, 2010, 2046–2053. http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2010/pdf/479_Paper.pdf.
- Asher 1993 — Asher N. *Reference to abstract objects in discourse*. Dordrecht: Kluwer, 1993.
- Asher, Lascarides 2003 — Asher N., Lascarides A. *Logics of conversation*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Beekman, Callow 1974 — Beekman J., Callow J. *Translating the Word of God*. Grand Rapids: Zondervan, 1974.
- Benamara, Taboada 2015 — Benamara F., Taboada M. Mapping different rhetorical relation annotations: A proposal. *Proc. of the 4th Joint Conf. on Lexical and Computational Semantics (SEM 2015)*. Palmer M., Boleda G., Rosso P. (eds.). Denver: ACL, 2015, 147–152. <https://www.aclweb.org/anthology/S15-1016.pdf>.
- Bunt, Prasad 2016 — Bunt H., Prasad R. ISO DR-Core (ISO 24617-8): Core concepts for the annotation of discourse relations. *Proc. of the LREC 2016 Workshop "ISA-12: 12th Joint ACL — ISO Workshop on Interoperable Semantic Annotation"*. Bunt H. (ed.). Portorož, 2016, 45–54. <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2016/workshops/LREC2016Workshop-ISA12proceedings.pdf>.
- Carlson, Marcu 2001 — Carlson L., Marcu D. *Discourse tagging reference manual*. ISI Technical report ISI-TR-545. Marina del Rey: ISI, 2001. <https://www.isi.edu/~marcu/discourse/tagging-ref-manual.pdf>.
- Chiarcos 2014 — Chiarcos Ch. Towards interoperable discourse annotation. Discourse features in the Ontologies of Linguistic Annotation. *Proc. of the 9th International Conf. on Language Resources and Evaluation (LREC'14)*. Calzolari N. et al. (eds.). Reykjavik: ELRA, 2014, 4569–4577. http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2014/pdf/893_Paper.pdf.

- Chistova et al. 2019 — Chistova E. V., Shelmanov A. O., Kobozeva M. V., Pisarevskaya D. B., Smirnov I. V., Toldova S. Yu. Classification models for RST discourse parsing of texts in Russian. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2019, 18(25): 163–176.
- da Cunha et al. 2011 — da Cunha I., Torres-Moreno J.-M., Sierra G. On the development of the RST Spanish Treebank. *Proc. of the 5th Linguistic Annotation Workshop*. Ide N., Meyers A., Pradhan S., Tománek K. (eds.). Portland: ACL, 2011, 1–10. <https://www.aclweb.org/anthology/W11-0401.pdf>.
- Danlos et al. 2012 — Danlos L., Antolinos-Basso D., Braud C., Roze Ch. Vers le FDTB : French Discourse Tree Bank. *Actes de la conférence conjointe JEP-TALN-RECITAL 2012*. Vol. 2: TALN. Antoniadis G., Blanchon H., Sérasset G. (eds.). Grenoble: ATALA/AFCP, 2012, 471–478. <https://www.aclweb.org/anthology/F12-2042.pdf>.
- Das, Stede 2018 — Das D., Stede M. Developing the Bangla RST Discourse Treebank. *Proc. of the 11th International Conf. on Language Resources and Evaluation (LREC 2018)*. Calzolari N. et al. (eds.). Miyazaki: ELRA, 2018, 1832–1838. <https://www.aclweb.org/anthology/L18-1288.pdf>.
- Das, Taboada 2014 — Das D., Taboada M. *RST signalling corpus annotation manual*. E-pub, 2014. https://www.sfu.ca/~mtaboada/docs/publications/RST_Signalling_Corpus_Annotation_Manual.pdf.
- Demberg et al. 2019 — Demberg V., Scholman M. C. J., Asr F. T. How compatible are our discourse annotation frameworks? Insights from mapping RST-DT and PDTB annotations. *Dialogue & Discourse*, 2019, 10(1): 87–135.
- Geurts et al. 2020 — Geurts B., Beaver D. I., Maier E. Discourse Representation Theory. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2020 edition). Zalta E. N. (ed.). E-pub, 2020. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/discourse-representation-theory/>.
- Grimes 1975 — Grimes J. E. *The thread of discourse*. The Hague: Mouton, 1975.
- Halliday 2014 — Halliday M. A. K. *Halliday's Introduction to Functional Grammar*. 4th edn. London: Routledge, 2014.
- Halliday, Hasan 1976 — Halliday M. A. K., Hasan R. *Cohesion in English*. London: Longman, 1976.
- Hobbs 1978 — Hobbs J. R. *Why is discourse coherent? Technical note 176*. Menlo Park: SRI International, 1978. <https://www.sri.com/wp-content/uploads/pdf/726.pdf>.
- Hobbs 1990 — Hobbs J. R. *Literature and cognition*. Stanford: CSLI, 1990.
- Hoek et al. 2019 — Hoek J., Evers-Vermeul J., Sanders T. J. M. Using the cognitive approach to coherence relations for discourse annotation. *Dialogue & Discourse*, 2019, 10(2): 1–33.
- Hovy 1990 — Hovy E. H. Parsimonious and profligate approaches to the question of discourse structure relation. *Proc. of the 5th International Workshop on Natural Language Generation*. [S.l.], 1990, 128–136. <https://www.aclweb.org/anthology/W90-0117.pdf>.
- Hovy 1993 — Hovy E. H. Automated discourse generation using discourse structure relations. *Artificial Intelligence*, 1993, 63(1–2): 341–385.
- Hovy, Maier 1992 — Hovy E. H., Maier E. *Parsimonious or profligate: How many and which discourse structure relations? Technical report ISI/RR-93-373*. Marina del Rey: ISI, 1992. https://www.sfu.ca/rst/05bibliographies/bibs/ISI_RR_93_373.pdf.
- Hovy et al. 1992 — Hovy E. H., Lavid J. M., Maier E., Mittal V., Paris C. L. Employing knowledge resources in a new text planner architecture. *Aspects of automated natural language generation. Lecture notes in artificial intelligence 587*. Dale R., Hovy E., Rösner D., Stock O. (eds.). Berlin: Springer, 1992, 57–72.
- Inkova 2017 — Inkova O. Le relazioni logico-semantiche tra gli enunciati: una proposta di classificazione. *Studi di linguistica slava*. Di Filippo M., Esvan F. (eds.). Napoli: Il Torcoliere, 2017, 105–123.
- Kehler 2002 — Kehler A. *Coherence, reference, and the theory of grammar*. Stanford: CSLI, 2002.
- Keskes et al. 2014 — Keskes I., Benamara Zitoune F., Hadrich Belguith L. Learning explicit and implicit Arabic discourse relations. *Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences*, 2014, 26(4): 398–416.
- Knott 1996 — Knott A. *A data-driven methodology for motivating a set of coherence relations*. Ph.D. diss. Edinburgh: Univ. of Edinburgh, 1996.
- Knott, Dale 1994 — Knott A., Dale R. Using linguistic phenomena to motivate a set of coherence relations. *Discourse Processes*, 1994, 18(1): 35–62.
- Kolachina et al. 2012 — Kolachina S., Prasad R., Sharma D. M., Joshi A. Evaluation of discourse relation annotation in the Hindi Discourse Relation Bank. *Proc. of the 8th International Conf. on Language Resources and Evaluation*. Calzolari N. et al. (eds.). Istanbul: ELRA, 2012, 823–828. http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2012/pdf/894_Paper.pdf.

- Lapshinova-Koltunski, Kunz 2014 — Lapshinova-Koltunski E., Kunz K. A. Annotating cohesion for multilingual analysis. *Proc. of the 10th Joint ISO — ACL SIGSEM Workshop on Interoperable Semantic Annotation*. Bunt H. (ed.). Reykjavik, 2014, 57–64. <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2014/workshops/LREC2014Workshop-ISA-10%20Proceedings.pdf>.
- Li et al. 2014 — Li Y., Feng W., Sun J., Kong F., Zhou G. Building Chinese Discourse Corpus with connective-driven dependency tree structure. *Proc. of the 2014 Conf. on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)*. Moschitti A., Pang B., Daelemans W. (eds.). Doha: ACL, 2014, 2105–2114. <https://www.aclweb.org/anthology/D14-1224.pdf>.
- Long 2014 — Long F. J. Major structural relationships: A survey of origins, development, classifications, and assessment. *The Journal of Inductive Biblical Studies*, 2014, 1(1): 22–58.
- Mann 1984 — Mann W. C. Discourse structures for text generation. *10th International Conf. on Computational Linguistics and 22nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. Stanford: ACL, 1984, 367–375. <https://www.aclweb.org/anthology/P84-1076.pdf>.
- Mann, Taboada 2018 — Mann W. C., Taboada M. *Rhetorical Structure Theory (RST). Relation definitions*. Webpage, 2018. <https://www.sfu.ca/rst/01intro/definitions.html>.
- Mann, Thompson 1983 — Mann W. C., Thompson S. A. *Relational propositions in discourse. Technical report No. ISI/RR-83-115*. Marina del Rey: ISI, 1983. https://www.sfu.ca/rst/05bibliographies/bibs/ISI_RR_83_115.pdf.
- Mann, Thompson 1987 — Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: Description and construction of text structures. *Natural language generation: New results in artificial intelligence, psychology and linguistics*. Kempen G. (ed.). Dordrecht: Martinus Nijhoff Publ., 1987, 85–95.
- Mann, Thompson 1988 — Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical structure theory: Towards a functional theory of text organization. *Text & Talk*, 1988, 8(3): 243–281.
- Mann et al. 1992 — Mann W. C., Matthiessen Ch. M. I. M., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory and text analysis. *Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising text*. Mann W. C., Thompson S. A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1992, 39–78.
- Martin 1992 — Martin J. R. *English text: System and structure*. Amsterdam: John Benjamins, 1992.
- Mirzaei, Safari 2018 — Mirzaei A., Safari P. Persian Discourse Treebank and coreference corpus. *Proc. of the 11th International Conf. on Language Resources and Evaluation (LREC 2018)*. Calzolari N. et al. (eds.). Miyazaki: ELRA, 2018, 4049–4055. <https://www.aclweb.org/anthology/L18-1638.pdf>.
- Muller et al. 2012 — Muller Ph., Vergez-Couret M., Prévot L., Asher N., Benamara F., Bras M., Le Draoulec A., Vieu L. *Manuel d'annotation en relations de discours du projet ANNODIS. Carnets de Grammaire 21. Rapports internes de CLLE-ERSS*. 2012. <http://w3.erss.univ-tlse2.fr/textes/publications/CarnetsGrammaire/carnGram21.pdf>.
- Pardo 2005 — Pardo T. A. S. *Métodos para análise discursiva automática*. Ph.D. diss. São Paulo: Universidade de São Paulo, 2005.
- Poláková 2015 — Poláková L. *Discourse relations in Czech*. Doctoral diss. Prague: Charles Univ. in Prague, 2015.
- Prasad et al. 2006 — Prasad R., Miltsakaki E., Dinesh N., Lee A., Joshi A., Webber B. L. *The Penn Discourse TreeBank 1.0 annotation manual. IRCS Technical Reports Series*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, 2006. https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=ircs_reports.
- Prasad et al. 2007 — Prasad R., Miltsakaki E., Dinesh N., Lee A., Joshi A., Robaldo L., Webber B. L. *The Penn Discourse Treebank 2.0 annotation manual. IRCS Technical Reports Series*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, 2007. https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1203&context=ircs_reports.
- Prasad et al. 2014 — Prasad R., Webber B., Joshi A. Reflections on the Penn Discourse TreeBank, comparable corpora, and complementary annotation. *Computational Linguistics*, 2014, 40(4): 921–950.
- Prasad et al. 2017 — Prasad R., Webber B., Joshi A. The Penn Discourse Treebank: An annotated corpus of discourse relations. *Handbook of linguistic annotation*. Ide N., Pustejovsky J. (eds.). Dordrecht: Springer Science+Business Media, 2017, 1197–1217.
- Rachakonda, Sharma 2011 — Rachakonda R. T., Sharma D. M. Creating an annotated Tamil corpus as a discourse resource. *Proc. of the 5th Linguistic Annotation Workshop*. Ide N., Meyers A., Pradhan S., To-manek K. (eds.). Portland: ACL, 2011, 119–123. <https://www.aclweb.org/anthology/W11-0414.pdf>.
- Reese et al. 2007 — Reese B., Hunter J., Asher N., Denis P., Baldridge J. *Reference manual for the analysis and annotation of rhetorical structure (version 1.0). Technical report*. Austin: Univ. of Texas at Austin, 2007.
- Rehbein et al. 2016 — Rehbein I., Scholman M., Demberg V. Annotating discourse relations in spoken language: A comparison of the PDTB and CCR frameworks. *Proc. of the 10th International Conf. on Language Resources and Evaluation (LREC'16)*. Calzolari N. et al. (eds.). Portorož: ELRA, 2016, 1039–1046. <https://www.aclweb.org/anthology/L16-1165.pdf>.

- Roze 2013 — Roze Ch. *Vers une algèbre des relations de discours*. Thèse de doctorat. Paris: Université Paris Diderot — Sorbonne Paris Cité, 2013.
- Ru-RST Group 2017 — Ru-RST Group. *О риторических отношениях*. 2017. URL: <https://rstreebank.ru/aboutRhetRel>.
- Sanders, Spooren 2009 — Sanders T., Spooren W. The cognition of discourse coherence. *Discourse, of course. An overview of research in discourse studies*. Renkema J. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2009, 197–212.
- Sanders et al. 1992 — Sanders T. J. M., Spooren W. P. M., Noordman L. G. M. Toward a taxonomy of coherence relations. *Discourse Processes*, 1992, 15(1): 1–35.
- Sanders et al. 2018 — Sanders T., Demberg V., Hoek J., Scholman M., Asr F. T., Zufferey S., Evers-Vermeul J. Unifying dimensions in coherence relations: How various annotation frameworks are related. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, 2018, published ahead of print. <https://www.degruyter.com/view/journals/cllt/ahead-of-print/article-10.1515-cllt-2016-0078/article-10.1515-cllt-2016-0078.xml>.
- Scholman 2019 — Scholman M. C. J. *Coherence relations in discourse and cognition: Comparing approaches, annotations, and interpretations*. Ph.D. diss. Saarbrücken: Universität des Saarlandes, 2019.
- Scholman et al. 2016 — Scholman M. C. J., Evers-Vermeul J., Sanders T. J. M. A step-wise approach to discourse annotation: Towards a reliable categorization of coherence relations. *Dialogue & Discourse*, 2016, 7(2): 1–28.
- Stede 2012 — Stede M. *Discourse processing*. San Rafael: Morgan & Claypool Publ., 2012.
- Stede 2016 — Stede M. (ed.). *Handbuch Textannotation. Potsdamer Kommentarkorpus 2.0*. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2016. <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/8276/file/pcss8.pdf>.
- Taboada 2019 — Taboada M. The space of coherence relations and their signalling in discourse. *Language, Context and Text*, 2019, 1(2): 205–233.
- Taboada, Mann 2006 — Taboada M., Mann W. C. Rhetorical Structure Theory: Looking back and moving ahead. *Discourse Studies*, 2006, 8(3): 423–459.
- Tonelli et al. 2010 — Tonelli S., Riccardi G., Prasad R., Joshi A. Annotation of discourse relations for conversational spoken dialogs. *Proc. of the 7th International Conf. on Language Resources and Evaluation (LREC'2010)*. Calzolari N. et al. (eds.). Valletta: ELRA, 2010, 2084–2090. http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2010/pdf/184_Paper.pdf.
- Traina 1952 — Traina R. A. *Methodical Bible study. A new approach to hermeneutics*. Wilmore: Asbury Theological Seminary, 1952.
- Urgelles-Coll 2010 — Urgelles-Coll M. *The syntax and semantics of discourse markers*. London: Continuum International Publishing Group, 2010.
- Webber et al. 2016 — Webber B., Prasad R., Lee A., Joshi A. A discourse-annotated corpus of conjoined VPs. *Proc. of the 10th Linguistic Annotation Workshop held in conjunction with ACL 2016 (LAW-X 2016)*. Friedrich A., Tomanek K. (eds.). Berlin: ACL, 2016, 22–31. <https://www.aclweb.org/anthology/W16-1704.pdf>.
- Webber et al. 2019 — Webber B., Prasad R., Lee A., Joshi A. *The Penn Discourse Treebank 3.0 annotation manual*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, 2019. <https://catalog.ldc.upenn.edu/docs/LDC2019T05/PDTB3-Annotation-Manual.pdf>.
- Wellner et al. 2006 — Wellner B., Pustejovsky J., Havasi C., Rumshisky A., Sauri R. Classification of discourse coherence relations: An exploratory study using multiple knowledge sources. *Proc. of the 7th SIGdial Workshop on Discourse and Dialogue*. Alexandersson J., Knott A. (eds.). Sydney: ACL, 2006, 117–125. <https://www.aclweb.org/anthology/W06-1317.pdf>.
- Wolf, Gibson 2005 — Wolf F., Gibson E. Representing discourse coherence: A corpus-based study. *Computational Linguistics*, 2005, 31(2): 249–287.
- Zeyrek et al. 2018 — Zeyrek D., Mendes A., Kurfalı M. Multilingual extension of PDTB-style annotation: The case of TED Multilingual Discourse Bank. *Proc. of the 11th International Conf. on Language Resources and Evaluation (LREC 2018)*. Calzolari N. et al. (eds.). Miyazaki: ELRA, 2018, 1913–1919. <https://www.aclweb.org/anthology/L18-1301.pdf>.
- Zeyrek, Kurfalı 2017 — Zeyrek D., Kurfalı M. TDB 1.1: Extensions on Turkish Discourse Bank. *Proc. of the 11th Linguistic Annotation Workshop*. Schneider N., Xue N. (eds.). Valencia: ACL, 2017, 76–81. <https://www.aclweb.org/anthology/W17-0809.pdf>.
- Zhou, Xue 2015 — Zhou Y., Xue N. The Chinese discourse treebank: A Chinese corpus annotated with discourse relations. *Language Resources and Evaluation*, 2015, 49(2): 397–431.

Именная классификация в языках нигер-конго в синхронии и диахронии: типология, история изучения, проблемы, перспективы

© 2021

Александр Юрьевич Желтов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург, Россия; ajujeltov@mail.ru

Аннотация: Статья представляет собой обзор современного состояния изучения именных классов в языках нигер-конго — самой большой из существующих макросемей в мире (около 1500 языков) и одной из четырех традиционных автохтонных семей Африки. Именные классы в языках данной макросемьи представляют большой интерес как с точки зрения типологии именных классификаций, так и с точки зрения аргументации генетического единства языков нигер-конго. Наряду с личными местоимениями и глагольными деривативными суффиксами, некоторые маркеры именных классов с большой вероятностью демонстрируют рефлекс гипотетического праязыка. В статье приводится обзор наиболее значимой литературы, содержащей информацию об именной классификации (с учетом многочисленных важных работ, появившихся в последнее время), рассматриваются общие типологические особенности именной классификации данных языков (парная корреляция классов по числу, часто аллитеративное согласование, наличие семантики в классификации референтов, различение именного формообразования и согласовательных классов), специфика именных классов в различных семьях (префиксы и суффиксы, серии чередований, зависимые от принадлежности к определенному классу, полные и редуцированные модели согласования), роль именных классов в генетической классификации. В статье содержится информация об альтернативных грамматическим классам вариантах классификации (системы нумеративных классификаторов) в ряде языков нигер-конго (кана, гбан и др.), что долгое время оставалось за рамками внимания лингвистов. Также определяется особое место именных классов нигер-конго в семантической типологии именных классификаций, связанное с их большим количеством (по сравнению с традиционными родами в индоевропейских языках) и отсутствием противопоставления «мужской / женский», наиболее «популярного» среди классификационных систем в языках мира.

Ключевые слова: грамматическая типология, диахрония, именной класс, классификаторы, нигер-конго языки, обзор, род, согласование, число, языки Африки

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-112-50230. Автор выражает свою благодарность анонимным рецензентам за ценные и содержательные замечания.

Для цитирования: Желтов А. Ю. Именная классификация в языках нигер-конго в синхронии и диахронии: типология, история изучения, проблемы, перспективы. *Вопросы языкознания*, 2021, 3: 120–141.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.120-141

Noun classification in Niger-Congo in synchrony and diachrony: Typology, history of study, problems, prospects

Aleksandr Yu. Zheltov

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Museum of Anthropology
and Ethnography, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; ajujeltov@mail.ru

Abstract: The article offers an overview of the current state of study of noun classes in the Niger-Congo languages, the largest of the existing macrofamilies in the world (about 1500 languages), and one of the four autochthonous families in Africa. Nominal classes in the languages of this family are of great interest both for the typology of noun classifications and the argumentation of the genetic unity of the Niger-Congo languages. Along with personal pronouns and verbal derivative suffixes, noun classes often exhibit reflexes of a hypothetical proto-language. The article provides an overview of the most significant literature containing information on noun classification (taking into account numerous important works that appeared recently), considers the general typological features of noun classification in these languages (pair correlation of classes by number, often alliterative agreement, the presence of semantics in the classification, distinction between nominal forms and concordant classes), the specificity of noun classes in different families (prefixes and suffixes, series of alternations depending on belonging to a particular class, full and reduced concordance models), the role of noun classes in genetic classification. The article contains information on an alternative variant of noun classification — the systems of numeral classifiers in some of Niger-Congo languages (Kana, Gban, etc.), which for a long time remained beyond the attention of linguists. The special place of Niger-Congo noun classes in the semantic typology of nominal classifications is also determined and analyzed. It is characterized by a large number of classes compared to traditional Indo-European genders and the absence of “masculine / feminine” opposition, the most “popular” among the classification systems in the languages of the world.

Keywords: African, agreement, classifiers, diachrony, gender, grammatical typology, Niger-Congo, noun class, number, survey

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project No. 19-112-50230.

For citation: Zheltov A. Yu. Noun classification in Niger-Congo in synchrony and diachrony: Typology, history of study, problems, prospects. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 3: 120–141.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.120-141

1. Введение

Еще в начале прошлого века известный французский индоевропеист Антуан Мейе, который интересовался наряду с другими проблемами и вопросом происхождения индоевропейского рода, писал: «[Род —] одна из наименее логичных и наиболее неожиданных грамматических категорий» [Meillet 1921: 202]. Уже в конце века автор, наверное, самой известной работы по типологии грамматического рода Гревил Корбет замечает: «Мы все еще далеки от понимания того, как возникают системы грамматического рода» [Corbett 1991: 310]. Действительно, категория именной классификации — одна из наиболее дискуссионных категорий языка. В чем принципиальное различие между грамматикализованными системами (классы / роды) и неграмматикализованными (нумеративными, глагольными, посессивными) классификаторами? Из каких материальных источников могут возникать и те, и другие, и каков механизм их возникновения и развития? Почему возникают системы классификации (часто развернутые) в одних языках, в то время как другие обходятся без них? От каких языковых и внеязыковых факторов зависит наличие / отсутствие и тип именной классификации? Как соотносится категория рода / класса с такими

категориями, как падеж, референциальность, число, личность, одушевленность? Вот только некоторые из вопросов, ответы на которые в лингвистике неоднозначны.

Языки нигер-конго — одна из четырех автохтонных языковых макросемей Африки (наряду с афразийской и поставленными в последнее время под сомнение в качестве генетического единства койсанской и нило-сахарской семьями), насчитывающая около полутора тысяч языков и являющаяся самой большой языковой семьей в мире. Языки нигер-конго распространены на большой территории Африки от Сенегала до Кении и от Судана до ЮАР. Генетическая классификация языков нигер-конго была предложена Дж. Гринбергом [Greenberg 1955; 1963] в развитие идей Д. Вестермана о возможном родстве языков банту и ряда «западносуданских» языков Западной Африки. В [Greenberg 1955] семья получила название «нигеро-конголезской», в [Greenberg 1963] после учета появившихся материалов Стивенсона [Stevenson 1956–1957] по кордофанским языкам Судана семья стала называться «нигеро-(конго)-кордофанской». Затем в основном массиве литературы был восстановлен термин нигер-конго (так как не было оснований считать кордофанские языки более ранним ответвлением, чем, например, языки манде), в [Güldemann 2018: 353–355] для языков, входящих в данную макросемью по Гринбергу, вновь используется термин «нигеро-кордофанские», а термином «нигер-конго» обозначается их основное (наиболее бесспорное) ядро (бантоидные, бенуэ-конго, ква, атлантические, гур, адамауа, под вопросом убанги), при исключении из этого ядра семей кру, иджо, догон, кордофанских и нескольких изолированных, по его мнению, языков. В классификацию Гринберга были внесены существенные дополнения в [Bennett, Sterk 1977; Williamson 1989; Williamson, Blench 2000; Blench 2012; Güldemann 2018; Hepburn-Gray 2020]. Наиболее полную (с регулярно вносимыми изменениями) схему классификации языков нигер-конго см. в [Segerer 2020]. Подробный анализ истории и современного состояния классификации языков нигер-конго см. в [Güldemann 2018; Good 2020]. О важности именных классов для классификации языков нигер-конго говорит тот факт, что в [Dimmendaal 2011; Blench 2012; Güldemann 2018; Hepburn-Gray 2020] ставится под сомнение принадлежность к макросемье нигер-конго именно тех языков, где именных классов нет: манде, убанги, иджо, догон. В принципе, наблюдается тенденция к пересмотру традиционного термина: часть семей¹ признается «ядром нигер-конго» и доказанным генетическим единством (бенуэ-ква, или, шире, вольта-конго), а генетическая связанность с ним других семей (манде, иджо, убанги) признается гипотетической. Как отмечается в [Good 2020: 139], сам термин «нигер-конго» употребляется в двух значениях: узком — генетическое единство — и широком — конвенциональный термин для гипотетически родственных языков.

Для языков нигер-конго именная классификация (часто развернутые системы именных классов с согласовательной парадигмой как внутри именной группы, так и в глаголе), насчитывающая в некоторых идиомах атлантических языков до 35 классов, оказывается важной с точки зрения установления родства данных языков и их распределения по семьям / группам. Кроме того, именные классы нигер-конго обладают яркой типологической спецификой, делающей их изучение критически важным для общей типологии именной классификации: шестнадцать из семнадцати языков с признаками «более трех

¹ Существует серьезная терминологическая сложность с использованием термина «семья» в применении к языкам нигер-конго. В литературе семьями традиционно называются не только самые крупные генетические единства (типа «кордофанская семья»), но и единства, входящие в них (например «семья языков банту», в свою очередь входящая в «семью» бантоидных языков, которые, в свою очередь, являются частью «семьи» бенуэ-конго). Термин «группа» часто используется для внутренней классификации внутри этих идиомов. Ситуация осложняется часто не вполне определенным (иногда подлежащим пересмотру) генетическим статусом различных гипотетических родственных семей / групп. В статье термин «макросемья» используется для предполагаемого генетического единства языков нигер-конго, входящие в них генетические единства называются «семьями» (при этом степень глубины у них может быть разной — ср. «семья бенуэ-конго» и «семья языков банту»).

родов/классов + отсутствие противопоставления по полу + формально-семантический тип²», зафиксированных в электронной типологической базе данных [WALS] (Word Atlas of Language Structures), относятся к одной макросемье нигер-конго³. Таким образом, мы получаем яркую корреляцию между большим числом классов, формально-семантическим типом классификации и отсутствием противопоставления по полу. Еще одним важным аспектом именной классификации языков нигер-конго является ее синкретизм с категорией числа (а иногда и референциальности).

В то же время языки нигер-конго отнюдь не однородны в отношении наличия и развернутости систем именных классов: в языках манде, догон, иджо, многих языках убанги классов нет совсем, а в языках ква и некоторых кру, например, системы именной классификации существенно отличаются от развернутых «классических» систем в языках банту или атлантических (которые, впрочем, также отличаются друг от друга существенными морфосинтаксическими особенностями). Подобная ситуация, сопровождающаяся активным накоплением фактического языкового материала по разным семьям языков нигер-конго, отчетливо ставит вопрос о необходимости обзорной работы, объединяющей макротипологические и микротипологические сведения об именной классификации в этих языках. Такой обзор — на основе анализа максимального объема данных и в контексте общей типологии именной классификации — и представлен в данной статье⁴.

2. Краткий обзор литературы

Литература по именной классификации в языках нигер-конго может быть разбита на следующие категории: 1) общетеоретические и обзорные работы по роду / классу, в которых рассматривается материал языков нигер-конго; 2) обзорные издания по языкам Африки; 3) специальные издания по именной классификации в языках Африки; 4) специальные работы по отдельным семьям / группам, 5) специальные работы по отдельным проблемам именной классификации; 6) описания отдельных языков и именной классификации в них⁵.

К первой группе можно отнести монографию Г. Корбета «Род» (наверное, самый цитируемый источник по именным классам / родам⁶, активно использующий материал языков

² Под «формально-семантическим» типом именной классификации подразумевается ее несводимость к чисто семантически мотивированным классам и задействованность в классификации формально мотивированных парадигм.

³ Еще один язык относится к другой африканской семье — койсанской, находящейся с нигер-конго в ареальном контакте.

⁴ Следует отметить, что огромный объем материала, обширная литература (особенно активно появляющаяся в последнее время) и большой список релевантных теоретических проблем позволяют посвятить каждому из разделов статьи отдельные монографии. В рамках статьи представляется возможным остановиться лишь на самых значимых моментах именной классификации в языках нигер-конго, что соответствует обзорному характеру статьи, при этом библиография стремится к максимально полному отражению основных релевантных публикаций, включая самые последние работы.

⁵ С учетом огромного числа языков работы последнего раздела не могут быть даже перечислены, так как только их библиография составила бы сотни наименований, включая как грамматики отдельных языков, так и статьи с описанием именных классов. Однако материал существующих публикаций используется в представленном в статье анализе. Подробная библиография работ по именным классам в языках нигер-конго (за исключением, правда, многочисленных работ последнего десятилетия) представлена в [Maho 2010] — неаннотированном библиографическом издании, составляющем 257 страниц.

⁶ Проблема терминологического различения класса и рода имеет свою историю. Термины могут использоваться как синонимы для общего термина «именная классификация» (например,

банту) [Corbett 1991], сборник под редакцией К. Крэйг «Именные классы и категоризация» [Craig 1986], включающий статью о семантике именных классов в пра-банту [Denny, Creider 1986], коллективную монографию под редакцией Г. Зенфта [Senft 2000] (больше внимания уделяющую классификаторам, а не грамматикализованным родовым системам) со статьей о продуктивности семантики именных классов в языках банту на основе анализа заимствований и процесса освоения языка [Demuth 2000], коллективную монографию «Род и языковая сложность» [Di Garbo et al. 2019] со статьей о сложном характере взаимодействия согласовательных парадигм именных классов и именного словоизменения в нигер-конго [Güldemann, Fiedler 2019]. К этому же разделу общетеоретических работ следует отнести важные статьи Р. Диксона [Dixon 1982] об отличии грамматических классов от т. н. «классификаторов» и В. А. Виноградова [1990] о дограмматических вариантах именной классификации («родовые» слова, эхосемы, эхоморфы), а также раздел в монографии И. А. Мельчука [2000: 228–311] о критериях выделения категории рода / класса, монографию Дж. Лакоффа [Lakoff 1987] о роли метафоры в именной классификации.

Ко второй группе следует отнести обзорные справочные издания о языках Африки, которые обычно содержат и материал об именной классификации. Следует отметить, что в последнее время выпуск подобных изданий заметно активизировался, — за 2018–2020 гг. вышло несколько фундаментальных томов: коллективная монография под редакцией Т. Гюльдемана «Языки и лингвистика в Африке» [Güldemann (ed.) 2018], кембриджский [Wolff 2019] и оксфордский [Dimmendaal, Vossen 2020] справочники по языкам Африки. Попытки обобщить сведения о языках Африки делались и ранее — см. [Welmers 1973; Heine, Nurse 2000; Childs 2003]. Особо следует отметить коллективную монографию «Языки нигер-конго: классификация и описание крупнейшей языковой семьи Африки» [Bendor-Samuel 1989]. Как в вводном разделе, так и в разделах по отдельным семьям содержится обобщение известной информации об именных классах. Некоторые новые сведения можно найти в [Güldemann 2018] (в исторической перспективе) и в [Dimmendaal, Vossen 2020] (в главах по отдельным семьям нигер-конго представлены наиболее свежие данные об именной классификации). Некоторые аспекты именной классификации в нигер-конго (структура парадигм именных классов, место классов в нигер-конго в типологии рода / класса, анализ инновационных элементов в именных системах) представлены в [Желтов 2008].

Многие издания, специально посвященные именной классификации в языках Африки, представляют собой сборники статей с материалом по определенному (иногда ограниченному) числу языков, групп и семей: банту, атлантические, манде, платоидные, гур — в [Manessy (ed.) 1967] (это первое специализированное сравнительное издание по именной классификации в африканских языках, помимо данных по конкретным языкам и семьям содержит интересный теоретический материал); банту и фула (атлантические) — в [Охотина 1987]; банту, догон, фула — в [Виноградов (ред.) 1997] (особо следует отметить теоретическую значимость вводной статьи [Виноградов 1997]); платоидные, гур, ква, а также не входящие в нигер-конго чадские и нилотские — в [Meissner, Storch 2000]. Наиболее полный сравнительный анализ именной классификации в языках нигер-конго представлен в [Herburn-Gray 2020]. В диссертации автор рассматривает системы классов в 33 языках из разных семей нигер-конго, представляет сравнительный анализ и делает попытку реконструкции классов в языке.

в монографии Корбета [Corbett 1991] используется термин «род», а в статье Диксона [Dixon 1982] — «класс»), могут зависеть от региональных лингвистических традиций (в Европе — роды, в Африке, Австралии и на Кавказе — классы), могут отражать наличие (роды) / отсутствие (классы) противопоставления по полу. Кроме того, в контексте языков нигер-конго под классом иногда понимается согласовательный класс со специфической моделью согласования, а под родом (gender) парная корреляция классов по числу, см., например, дискуссию об этом в [Manessy (ed.) 1967: 391–397; Виноградов 1997; Поздняков 2005].

Важными для изучения именной классификации в нигер-конго являются работы по отдельным семьям / группам, так как в них можно найти более развернутый анализ именных классов (или шире — именных категорий): банту — [Охотина 1985; Аксёнова, Топорова 1990; Maho 1999; Nurse, Philippson 2003], гур — [Manessy 1965–1966; Mische, Winkelmann, 2007; Mische et al. 2012], сенуфо — [Mische 2007], кру — [Marchese 1983; 1988; 2017], манде — [Выдрин и др. 2017] (самое полное издание по языкам манде — более 1100 страниц), атлантические — [Поздняков 1993; Creissels, Pozdniakov 2015] (фундаментальный том — 628 страниц, — специально посвященный именным классам в атлантических языках, не имеющий аналогов по степени проработанности материала по именным классам в отдельной семье нигер-конго), кордофанские — [Blench, Schadeberg 2013; Schneider-Blum et al. 2018], ква — [Konoshenko, Shavarina 2019].

Переходя к работам по отдельным проблемам именной классификации, можно выделить несколько значимых аспектов: проблема происхождения рода / класса [Fodor 1959; Клигенхенбен 1963; Greenberg 1978; Claudi 1985; 1997; Gerhardt 1988; Nichols 1989; Kießling 2013], анализ категориально-семантических особенностей классов нигер-конго [Hendrikse, Poulos 1992; Contini-Morava 1997; Dingemanse 2006; Желтов 2017]. Из концептуальных работ по общей типологии именных классов среди других можно выделить [Welmers 1971] и [Поздняков 2005]. Анализ вариативности в согласовании по классу в разных семьях представлен в [Herburn-Gray 2016]. Отдельный предмет дискуссии представляет статус назального элемента в структуре аффиксов класса, см., например, [Givón 1971; Hyman 1980; Mische 1991]; этой проблеме был посвящен специальный круглый стол «Назальные именные префиксы в банту: инновация или рефлекс?» в рамках V Международного конгресса по языкам банту в Париже в 2013 году.

3. Краткая характеристика особенностей именной классификации в языках нигер-конго

Часто именно наличие именных классов определяется как основная типологическая характеристика данных языков. При этом обычно в качестве «модельной» рассматривается именная классификация в языках банту и при описании классов в других языках (например, остальных бенуэ-конго) сохраняется нумерация классов, принятая для языков банту. За пределами ареала бенуэ-конго классы иногда нумеруются по-другому, а если есть гипотезы о родстве маркеров, то бантуская нумерация используется и вне бенуэ-конго (как в двухтомнике по классам гур [Mische, Winkelmann 2007; Mische et al. 2012] или в разделе о диахронии классов в томе по атлантическим языкам [Pozdniakov 2015]). В некоторых случаях нумерация не используется и классы обозначаются по форме некоторых инвариантных маркеров. Классы обычно образуют корреляции по числу, четными номерами обозначаются классы множественного числа, нечетными — соответствующие классы единственного числа, то есть каждый класс и единственного, и множественного числа имеет свой номер, что отражает наличие различных моделей согласования. Использование одного номера для пары классов (сингулярный / плюральный) встречается лишь в практических грамматиках и практикуется лишь с дидактическими целями.

Г. П. Мельников [1972] называл систему именных классов в банту «языковой детерминантой» данной группы языков. Г. А. Климов [1983], испытывая затруднения при определении ролевого («контенсивного») типа языков банту, называл их «языками с именными классами». Действительно, в языках банту наиболее ярко проявляются типологические особенности именной классификации в нигер-конго, которые в других семьях присутствуют, но часто в редуцированном виде. Ниже рассмотрим основные общие черты.

1. В базе данных [WALS] именные классы в языках нигер-конго характеризуются как «формально-семантические» [Corbett 2013c] (так же, как и индоевропейский или

афразийский род), при этом степень «семантической» в формально-семантических системах у языков, одинаково маркированных в базе данных этим признаком, существенно различается. У «родов» семантичность очень низкая, даже для одушевленных имен, для которых признак рода коррелирует с признаком пола (как в русском), родовая флексия почти не используется для словообразования: дериваты женского пола от имен мужского (общего) пола образуются, как правило, не только изменением родовой флексии, но либо с использованием словообразовательных суффиксов, либо супплетивно: *студент* — *студент-ка*, *медведь* — *медвед-иц-а*, *бык* — *корова*. Исключения типа *лис* — *лис-а*, *супруг* — *супруг-а* в русском и во многих других языках с родом крайне немногочисленны⁷. Семантика «нигеро-конголезских» систем классификации проявляется более отчетливо. Например, в суахили (банту): 1 класс (ед.) ‘человек’ / 2 класс (мн.) ‘люди’, 3 (ед.) / 4 (мн.) ‘растения +’⁸, 5 (ед.) / 6 (мн.) ‘плоды / аугментативы +’, 7 (ед.) / 8 (мн.) ‘вещи / диминутивы +’, 9 (ед.) / 10 (мн.) ‘животные +’, 11 (ед.) / 10 (мн., как и у животных) ‘длинные предметы и абстрактные понятия +’, 15 — инфинитивы. Большая степень семантичности по сравнению с родовыми системами проявляется и в способности именных классов к словообразованию: суахили *m-tu* ‘человек’, *ki-tu* ‘вещь’, *u-tu* ‘человечность’, *ji-tu* ‘великан’, *ki-ji-tu* ‘карлик’, *m-ti* ‘дерево’, *ki-ti* ‘стул’, *ki-ji-ti* ‘палочка’. Следует отметить, что степень семантичности бывает очень разной (в некоторых семьях с редуцированными системами семантику классов бывает определить сложно) и даже в языках банту семантика классов существенно сложнее, чем возможные однословные дефиниции (см., например, сноску 5). Наиболее отчетливо проявляется семантика 1 и 2 (личных / одушевленных) классов.

Таким образом, языки нигер-конго демонстрируют особый тип именной классификации — формально-семантической (как и в индоевропейских языках), но с большей степенью семантичности, с большим числом классов и отсутствием противопоставления по полу.

2. Именные классы в нигер-конго могут выражаться префиксами, суффиксами, теми и другими одновременно, но диахронически первичным считается префиксальный способ, как в языках банту. Подробнее о переходе от префиксов к суффиксам см. ниже, а также в [Greenberg 1977; 1978; Williamson 1989]. Все имена распределяются по классам, при этом маркировка принадлежности к классу может выражаться как в имени, так и практически во всех модификаторах именной группы (местоимения, прилагательные, числительные), а также в глаголе (субъектная и объектная индексация). Согласование часто имеет аллитеративный характер (согласовательный маркер совпадает с именным или может быть этимологизирован от именного простыми фонетическими изменениями). Это видно в примере из суахили⁹:

- (1) а. *ki-kapu ki-kubwa ki-moja ki-li-anguka*

7-корзина 7-большой 7-один 7-там-падать

‘Одна большая корзина упала’.

- б. *vi-kapu vi-kubwa vi-tatu vi-li-anguka*

7-корзина 7-большой 7-три 7-там-падать

‘Три большие корзины упали’ [Corbett 1991: 47].

⁷ Впрочем, как отмечает анонимный рецензент, в некоторых языках, например испанском, родовые флексии активно участвуют в словообразовании.

⁸ Знак «+» рядом с обозначением определенной семантической группы показывает, что семантика класса значительно более сложная: действительно, все названия растений попадают в 3 класс, но помимо растений в него попадают такие имена, как «река», «гора», «нога», «месяц», «сердце», «движение» и т. д. Таким же образом дело обстоит и с другими классами, кроме 1/2, в которые попадают только названия людей. Именно поэтому подобные системы и определены как формально-семантические.

⁹ В глоссах к примерам цифрами обозначены номера именных классов, там — показатель времени-аспекта-модальности.

3. Как видно из примера (1), показатель класса представляет собой сложный кумулятивный знак: он указывает не только на семантику референта (человек, дерево, вещь), но и на число (а также может указывать на референциальность и размер — аугментативность / диминутивность). Подобная кумулятивность также является специфической особенностью нигеро-конголезских классов. Возможно, именно кумуляция с другими грамматическими категориями является ключевым моментом в грамматикализации классификаторных систем.

4. Согласовательные аффиксы могут не только нарушать аллитеративность с именными, но часто образуют самостоятельную систему. Особо значимым здесь являются примеры т. н. 1a/2a класса ('класс родственников') — именной префикс у данных имен может быть как у 9/10 класса (Ø), а согласование идет по 1/2 классу (суахили):

(2)	a.	<i>m-tu</i>	<i>m-zuri</i>	b.	Ø- <i>meza</i>	<i>n-zuri</i>	c.	Ø- <i>mama</i>	<i>m-zuri</i>
		1-человек	1-хороший		9-стол	9-хороший		9-мать	1-хороший
		'хороший человек'			'хороший стол'			'хорошая мать'	

Данные процессы приводят к необходимости выделения двух различных систем: именного словоизменения (nominal declension) и согласовательного класса (agreement class), а понятие «именного класса» оказывается на пересечении этих систем (см., например, [Güldemann 2018; Güldemann, Fiedler 2019]). Обсуждение терминов «именной класс» и «согласовательный класс» представлено также в [Виноградов 1997].

4. Именная классификация в отдельных семьях нигер-конго

Языки банту («модельные» с точки зрения именной классификации) относятся к семье **бантоидных языков**, которые входят в более крупную генетическую общность **бенуэ-конго** (подробнее см., например, [De Wolf 1971; Gerhardt 1989; Watters 1989; Good 2020]). Несмотря на большую вариативность систем классов генетическое единство языков бенуэ-конго не вызывает сомнения¹⁰. Для пра-бенуэ-конго реконструируется 16 классов [De Wolf 1971], но в большинстве языков классов меньше, а в банту бывает больше (луганда — 18 классов, бемба — 19). Обычно классы в имени выражены префиксами, но встречаются и суффиксы (например, в джукуноидных языках), а также префиксы вместе с суффиксами (тив — бантоидные). Активность согласования также различна: от согласования всех элементов именной группы и глагола (банту) до полного отсутствия (с большой вариативностью промежуточных состояний). Внутри группы близкородственных языков могут встречаться как развернутые системы классов с сохранением согласования, так и редуцированные, а в некоторых случаях классы отсутствуют и реконструируются на основании остаточных явлений типа консонантных или (чаще) вокальных чередований, изменений тона. В большинстве языков каинджи и платоидных классы есть, но в родственных джукуноидных система значительно редуцирована. В кроссриверской подгруппе, в верхних кроссриверских и бенди классы существуют, а в кегбоидных (огони) они отсутствуют. Для многих групп характерно явление обновления системы классов — постепенная утрата продуктивности старых элементов и появление новых (часто — суффиксы вместо префиксов). Нередко можно проследить связь старых и новых элементов, например в платоидных. При этом префиксальные элементы могут функционировать в имени,

¹⁰ Сложность возникает с внутренней классификацией — даже разграничение языков банту от бантоидных ставится под сомнение. Языки северо-западного (контактного с другими бантоидными и бенуэ-конго) ареала (зоны А, В, С) рассматриваются, например, в [Nurse, Philippson 2003] как, возможно, образующие некоторый континуум с другими бантоидными.

в согласовании с именными зависимыми элементами именной группы и как субъектные показатели в глаголе, а суффиксальные элементы — как демонстративы, possessивы, показатели определенности и объектные местоимения [Gerhardt 1989: 371]. Обновление системы классификации проявляется в наличии в языках бенуэ-конго менее грамматизированных, чем классы, систем нумеративных классификаторов (11 языков различных групп по [Kießling 2018: 36]).

Ближайшей родственной семьей для языков бенуэ-конго являются языки **ква**¹¹. Две эти семьи объединяются в генетическую общность бенуэ-ква (или восточные вольта-конго). Языки ква демонстрируют существенные изменения, часто в сторону редукции, в различных языковых подсистемах — в частности, и в системе именных классов многие языки сохранили лишь анлаутные чередования в именах. Тем не менее очевидное родство с бенуэ-конго позволяет проследить эти исторические процессы, что нашло отражение в серии исследований, отвечающих на вопрос «Как стать языком ква?», например [Güldemann 2018; Good 2012]. Облегчает этот процесс наличие языков с достаточно развернутой системой классов, включающей согласование и корреляции классов по числу, аналогичные языкам банту — например, язык акебу [Макеева, Шлуинский 2015; Makeeva, Shluinsky 2018]. Обзор именных классов в языках ква (выборка из 20 языков) представлен в [Konoshenko, Shavarina 2019].

В языках гур широко распространены именные классы, число которых различно, но обычно меньше, чем в банту или атлантических языках. В [Manessy 1979] для пра-центральных гур реконструируется пять парных классов (ед. / мн. ч.) и несколько непарных. В имени класс чаще всего занимает суффиксальную позицию, иногда префиксальную или рамочную (префикс + суффикс). В ряде языков гур категория класса может выражаться т. н. классными артиклями, употребляемыми в референциальной (или анафорической) функции и согласуемыми по классу. Таким образом, категория класса в языках гур иногда выражается только именными аффиксами, иногда — только согласованием (чаще всего с местоимениями и артиклем), иногда — обоими способами. Интересной особенностью некоторых языков гур является аффиксация классного показателя в имени только во множественном числе (иногда сопровождающаяся наличием классов и множественного и единственного числа, выраженных прономинальным согласованием) — в бвamu и некоторых языках сенуфо¹². В атрибутивной синтагме показатель класса может повторяться и в имени, и в прилагательном (как в банту), а может маркировать всю именную группу целиком и употребляться только в прилагательном, а имя при этом представлено только основой (как в атлантическом языке гола). Данная типологическая особенность отмечается как важная для гур и некоторых других западных вольта-конго в [Miche 2020: 198]. Это напоминает маркировку числа в языках манде, где маркер плюральности оформляет всю именную группу, присоединяясь к конечному ее элементу. Для языков бвamu, пана и туссиан отмечается наличие нумеративных классификаторов [Kießling 2018: 36].

Языки адамауа включались, по Гринбергу, в семью адамауа-убанги [Boyd 1989], но в целом ряде последующих работ эта гипотеза отрицается (см., например, [Dimmendaal 2011; Güldemann 2018]), и в соответствии с идеями У. Кляйневиллингхёфера [Kleinewillinghöfer 2020], языки адамауа стали объединяться в гипотетическую семью адамауа-гур¹³. Основа-

¹¹ Или «новые ква», так как после [Bennett, Sterk 1977] значительная часть «старых ква» была переклассифицирована как бенуэ-конго (например, йорубоидные), а иджойдные были выделены в отдельную семью.

¹² Ранее группу сенуфо относили к гур, но в последнее время она рассматривается как отдельная родственная группа, наряду с некоторым количеством т. н. «периферийных» языков гур.

¹³ «Most (or all?) languages that Greenberg (1963) classified as Adamawa are rather part of a larger Adamawa-Gur complex. The issue of its composition and how it relates to Ubangi and Gbaya is still unresolved. In the light of present evidence “Adamawa” may be maintained when understood as denoting “Adamawa-Gur” languages spoken in the Adamawa area» [Kleinewillinghöfer 2020: 227].

нием для этого служат соответствия в системах именной классификации языков гур и некоторых групп и языков адамауа. Отмечается существование пар сингулярных и плюральных классов для некоторых языков адамауа (группы ваджа, самба-дуру, юнгур, лонгуда, буа). Основным маркером класса являются суффиксы (как и в гур). Для адамауа характерны быстрые изменения в системе именных классов — можно наблюдать замену старых систем новыми (группа буа, язык тула). В некоторых языках наличие классных суффиксов сопровождается независимыми формами для выражения числа. При этом в ряде групп и языков (группы мумуйе и йенданг, язык самба леко) именная классификация отсутствует или сильно редуцирована, проявляясь лишь в виде особенностей в выражении множественности или в прономинальной системе (см., например, [Zheltov 2020]).

Что касается языков **убанги**, то в языках группы мба классы присутствуют как в имени (суффиксы), так и в адъективном и местоименном согласовании (префиксы). В мба, ндунга и донго — и в имени, и в согласовании, в ма — только в имени, а в донго существует также система посессивных классификаторов [Pasch 2020: 234]. При этом в других группах убангийских языков нет даже следов системы классов. В убангийских языках группы занде (занде, геме, памбия, барамбу) и трех языках группы мба в местоимениях проявляется оппозиция по полу. В занде, например, в 3 л. ед. ч. противопоставляются формы мужского и женского рода для людей, отдельные формы для животных и неодушевленных предметов [Claudi 1985]. Во множественном числе оппозиция «мужской / женский» нейтрализуется, а форма для неодушевленных предметов — общая для ед. и мн. ч. Данная ситуация приводит к сложности в определении родства языков убанги — в [Dimmendaal 2011] принадлежность убанги к нигер-конго отрицается, в [Güldemann 2018] отнесение этих языков к ядру нигер-конго ставится под сомнение.

В **атлантических языках**¹⁴ широко представлены именные классы, число которых значительно варьируется: в кобиана 35 классов (18 сингулярных, 11 плюральных и 6 — без корреляций по числу) [Voisin 2015: 368–370]¹⁵, в диалектах фула 20–25 классов, в сереп, темне, бага, ландума — 16, в волоф — 10, в гола — 6, в налу — 3. В [Pozdniakov 2015: 76] для праатлантического реконструируется 10 сингулярных и 9 плюральных классов, но не все из них признаются имеющими когнаты в бенуэ-конго [Hepburn-Gray 2020: 274]. В составе имен классы могут выражаться префиксами (большинство атлантических языков), либо суффиксами (фула), либо не включают классных маркеров в составе имен (волоф). В северных атлантических языках маркировка классов часто сопровождается анлаутными чередованиями согласного основы¹⁶. Согласовательные модели могут включать все элементы именной группы и глагол (фула), отсутствовать (в чангин), проявляться лишь в некоторых элементах (бага форе, пукур). Обычно показатель класса тесно связан с основой имени, но в гола и волоф показатель может «отрываться» от имени и помещаться, например, в конце атрибутивной группы, выполняя функции, сходные с функциями артикля (ср. с аналогичными явлениями в гур и выражением числа в манде). По [Creissels 2015: 52–53], языки бак демонстрируют большую близость к «классическим» классам нигер-конго (как в языках банту), чем языки северной группы.

В **кордофанских языках** [Schadeberg 1989; Blench, Schadeberg 2013; Schneider-Blum et al. 2018; Quint 2020]¹⁷ представлены как развернутые системы именных классов (группы хейбан, талоди, рашад, лафофа), так и их отсутствие (язык тагой группы рашад) или сильная

¹⁴ В соответствии с [Segerer 2020] и [Pozdniakov, Segerer 2020], атлантические языки разделяются на северные и бак, а группа языков мель выделена из них в качестве отдельной семьи.

¹⁵ Насколько известно автору, это самая развернутая система грамматических именных классов в языках мира.

¹⁶ См., например, сереп: *saax* ‘village’, *a-caax* ‘villages’, *o-njaax* ‘small village’ [McLaughlin 1994: 280, цит. по Lüpke 2020: 166].

¹⁷ Можно отметить большое внимание к кордофанским языкам в последнее время, что видно по появлению новых материалов и изданий.

редукция (группа катла). Классы всегда выражаются префиксами. Во многих кордофанских языках представлено согласование по классу в глаголе, в местоимениях и в именных модификаторах, хотя степень развития согласовательных моделей различается от языка к языку. В [Quint 2020: 246] реконструируется шесть классов для четырех групп (за исключением катла). В [Herburn-Gray 2020] реконструкции классов для кордофанских соотносятся с реконструкциями для других семей нигер-конго.

В языках **кру** показатели класса в имени представлены в редуцированном виде (например, суффикс для «класса жидкостей» в *годи*). В большинстве языков **кру** выражается противопоставление личность/неличность в системе личных местоимений в ед. и мн. ч. В некоторых языках (восточный нейо, *годи*, *бете* и западный *тепо*) неличный класс делится на три подкласса (обычно большие животные, жидкости и все остальное). В *ниабуа* и *вобе* существуют специальные формы женского рода для местоимений 2 и 3 лица. По Гринбергу языки **кру** относились к семье *ква*, затем они были выделены в отдельную семью в рамках западных *вольта-конго*, в [Güldemann 2018] языки **кру** включаются в *нигеро-кордофанские*, но исключены из «ядерных» *нигер-конго*.

В семьях *манде*, *иджо* и *догон* именная классификация отсутствует, что делает проблематичным их внешнюю генетическую классификацию и ставит вопрос об их принадлежности к *нигер-конго*. Для языков **манде** в [Выдрин 1997; 2006] реконструируются некоторые элементы именной морфологии. Наиболее убедительно выглядит реконструкция т. н. «класса старших родственников» — для ед. ч. гоморганный носовой с низким тоном, для мн. ч. суффикс **-jiŋ*, который также является показателем ассоциативной множественности (по [Выдрин 1997: 246] — «множественное сопровождения», типа ‘Сундяята и его люди’). Этот суффикс очень напоминает и по форме, и по функциям суффикс ассоциативного множественного в кордофанских и атлантических языках. Для отдельных языков *манде* характерны системы нумеративных классификаторов: *боко*, некоторые южные *манде* (*гбан*, возможно, *дан*). В языках *менде* и *кла-дан* есть противопоставление одушевленности / неодушевленности в системе личных местоимений.

В языках **иджо** [Jenewari 1989] традиционная для *нигер-конго* именная классификация отсутствует. Отмечается наличие плюрального показателя *a*, соотносимого с одним из *нигеро-конголезских* классов множественного числа. Четыре термина родства (‘отец’, ‘мать’, ‘муж’, ‘жена’) при употреблении вне притяжательной конструкции (и, следовательно, вне индивидуализирующего контекста) требуют добавления слова *bo* ‘человек’. В системе местоимений наблюдается противопоставление по признаку одушевленности и/или личности и полу (мужской / женский / нейтральный или женский / неженский). Помимо местоимений, данное (крайне редкое для *нигер-конго*) противопоставление наблюдается в согласовании с артиклем и указательными местоимениями. По этому признаку *иджо* сближаются с языками группы *занде* (*убанги*).

В языках **догон**¹⁸ именная классификация отсутствует, но наблюдается особая форма для обозначения множественного числа людей, в основном терминов родства (‘мать’, ‘отец’, ‘брат’, ‘сестра’, ‘жена/женщина’, ‘муж’, ‘мужчина’, ‘человек’, ‘ребенок’): *-ŋ* вместо обычного показателя множественности *-be* [Bendor-Samuel et al. 1989] (по [Плунгян 1997] — *-m* и *-be*). Также к лексемам, требующим первый из двух приведенных выше показателей, добавляются агентивы¹⁹ единственного числа с суффиксом *-ne*, вытесняемым соответствующим суффиксом множественного числа. При этом у плюральных показателей

¹⁸ Еще недавно *догон* считался одним языком (с диалектами), по Гринбергу относившимся к языкам *гур*, но в результате последних исследований выяснилось, что существует около двух десятков языков *догон*, составляющих отдельную семью. При этом один из идиомов, включавшихся в *догон* (язык *бангери-ме*, или *банги-ме*), не родственен остальным языкам, и его генетический статус не определен.

¹⁹ Агентив — аффикс, образующий отглагольные существительные со значением «производитель действия»: ‘строить’ — ‘строитель’.

в догон также отмечается значение ассоциативной (по [Плунгян 1997] — «аппроксимативной») множественности.

Таблица 1

Особенности именной классификации в языках нигер-конго

	Количество классов	Локус	Согласование	Наличие групповых показателей класса	Оппозиция «мужской / женский»	Наличие нумеративных классификаторов
Банту	МНОГО	префиксы	+++	—	—	—
Бенуэ-конго (кроме банту)	нет / много	префиксы / суффиксы	++	—	—	в 11 языках
Ква	НЕТ / средне	префиксы / суффиксы	+	+?	—	—
Гур	много	префиксы / суффиксы	++	+	—	бвamu, пана, туссиан
Адамауа	нет / средне	суффиксы	+	?	—	—
Убанги	НЕТ / средне (только мба)	суффиксы	—/+	?	+ занде	—
Атланти-ческие	МНОГО	префиксы / суффиксы	++	+ волоф	—	—
Кордо-фанские	нет (катла) / МНОГО	префиксы	++	?	—	—
Кру	мало	суффиксы	+	?	+ ниабуа, вобе	—
Манде	НЕТ	(— / суффиксы)	—	+	+ джовулу	боко, гбан, дан
Иджо	НЕТ	(префиксы / суффиксы)	—	?	+	—
Догон	НЕТ	(— / суффиксы)	—	?	—	—

Количество классов может варьироваться в разных языках одной семьи. Примерные соотношения для большинства языков семьи: «много» — 15–20 классов, «средне» — около 10, «мало» — 5 и менее. Заглавными буквами выделены наиболее очевидные характеристики для второго столбца. Полу жирным выделен доминирующий тип морфологического локуса показателей классов, для языков без классов — тип локуса именной морфологии (число, референциальность). Количество плюсов в четвертом столбце указывает на активность согласования: «+++» — обязательное согласование по классу на всех элементах именной группы и глаголе; «++» — согласование может отсутствовать в глаголе и некоторых элементах ИГ; «+» — согласование встречается в отдельных случаях; «+/-» — элементы согласования встречаются в отдельных языках, в большинстве отсутствуют; «-» — нет согласования. Знаком вопроса в пятом столбце выделены случаи, когда нет достаточной информации.

Представленный анализ показывает большое разнообразие именных классов в языках нигер-конго. Сходство / различия по разным параметрам часто достаточно трудно соотнести с генетической или ареальной близостью семей и групп. Очевидно, что подобная картина является результатом сложных процессов сохранения исходных морфем, редукции, возникновения новых морфем и, возможно, ареального влияния.

5. Именные классы в нигер-конго, историческая лингвистика и генетическая классификация языков

Системы классов сыграли важную роль в объединении языков нигер-конго в одну семью²⁰: вначале речь шла о типологической характеристике, сближающей языки банту с многими языками Западной Африки, а затем — об установлении фонетических соответствий между показателями классов в разных семьях / группах нигер-конго. Хотя полная реконструкция системы именных классов для пра-нигер-конго не проведена²¹ (для этого не хватает материала по ряду языков и групп, а также промежуточных реконструкций), наличие в праязыке подобной системы не подвергается сомнению подавляющим большинством специалистов. Следует отметить сложности с семьями, где нет систем именных классов, но есть другие основания соотносить их с нигер-конго. В случае близкого родства внутри семей (бенуэ-конго, ква) отсутствие классов можно объяснить процессами редукции, но в случае с отдаленными семьями (манде, иджо, догон) вопрос о возможном существовании в них классов остается открытым. Следовательно, остается открытым и вопрос о наличии и форме именной классификации в праязыке, если их принадлежность к нигер-конго удастся доказать на другом материале (местоимения, лексика, ступенчатая реконструкция), или, с другой стороны, возникает вопрос о принадлежности семей без именных классов к нигер-конго.

Описаны также и многие процессы, позволяющие найти соответствия в системах именной классификации даже очень отдаленных семей: например, идея о лабиовелярном характере показателей 1, 3, 4, 6 и 6а класса позволяет реконструировать процесс изменения рефлексов показателей класса в разных семьях под воздействием таких процессов, как лениция, назализация, деназализация, и соотнести формы классных аффиксов в столь отдаленных семьях, как банту и кордофанские [Williamson 1989].

В компаративистике акцент в изучении именных классов нигер-конго в основном делался на поиске общих элементов, которые можно считать рефлексами протосистемы. С этим аспектом связаны и многие достижения в области описания диахронических изменений, происходящих в различных языках. К подобным достижениям можно отнести предложенную в [Greenberg 1977; 1978] схему, объясняющую наличие префиксов классов в одних языках и суффиксов — в других. Гринберг объясняет происхождение именных аффиксов из указательных местоимений которые могут занимать позицию как до имени, так и после. На следующем этапе демонстратив может превратиться в определенный артикль, далее — в показатель референциальности (*specific article*) [Williamson 1989] — категория, противопоставляемая определенности как более широкая. Затем артикль превращается в показатель номинализации, присоединяясь к имени в любом контексте. При этом процесс может повторяться: когда «старые» аффиксы редуцируются или утрачивают функциональный статус, «новые» демонстративы (похожие или совпадающие по форме со старыми аффиксами) могут начать новый цикл грамматикализации. Развивая эту схему Гринберга, К. Вильямсон [Ibid.] восстанавливает в качестве исходной систему префиксов, опираясь на реконструированный ею для пра-нигер-конго порядок слов SOV, предполагающий предшествование модификаторов (включая демонстративы) имени, а также анализируя роль т. н. «конечного байндера», употребляющегося для маркирования конца именной группы во многих языках нигер-конго, как возможного источника перехода к суффиксации показателя класса. В целом схема выглядит убедительной, но оставляет открытыми ряд вопросов. Ею объясняются возможные источники обновления систем классов, но при этом следует предполагать, что уже на самом начальном этапе демонстратив был

²⁰ Наряду с глагольными деривационными суффиксами и личными местоимениями. См., например, [Güldemann 2018].

²¹ Попытка подобной реконструкции представлена в [Hepburn-Gray 2020] (см. ниже).

согласован по классу — иначе непонятно, почему форма присоединяемого элемента различна для разных групп имен. Значит, для первого этапа надо предполагать, что либо показатель класса уже присутствовал в имени, а демонстратив с ним согласовывался, либо в пра-нигер-конго существовала система т. н. демонстративных классификаторов, хотя и засвидетельствованных в литературе (см. [Aikhenvald 2000]), но значительно более редких, чем, например, широко известные нумеративные классификаторы. Данные сценарии могут объяснить обновление системы классов, но не объясняют процесс их возникновения.

Ниже представлены попытки сравнения именных классов в различных семьях нигер-конго и попытка их реконструкции.

В таблице 2 представлены возможные кандидаты (шесть классов) на общие праязыковые когнаты для шести семей нигер-конго.

Таблица 2

**Возможные рефлексы шести пра-нигеро-конголезских именных классов
[Schadeberg 1989: 72, цит. по Good 2020: 145]**

	Классы							
	1	3	4	5	6	ба		
Кордофанские	gu-	люди gu-	j-	‘дерево’ li-	ηu-	‘яйцо’	η-	жидкости
Атлантические	gu-	люди gu-	Ci-	‘деревья’ de-	ga-	‘голова, имя’	ma-	жидкости
Оти-вольта (гуп)	-u	люди -bo	-Ci	‘дерево’ -ɕi	-a	‘яйцо, голова’	-ma	жидкости
Гана-того (ква)	o-	люди o-	i-	‘хворост’ li-	a-	‘яйцо, голова, имя’	N-	жидкости
Бенуэ-конго	u-	люди u-	(t)i-	‘дерево’ li-	a-	‘яйцо, голова, имя’	ma-	жидкости
Банту	сущ. mu-	люди mu-	mi-	‘дерево’ i-	ma-	‘яйцо, имя’	ma-	жидкости
	местоим. ju-		gu-		di-		ga-	

До последнего времени реконструкции именных классов делались для отдельных семей. В [Herburn-Gray 2020] сделана попытка реконструировать систему классов в пра-нигер-конго (без иджойдных, догон, манде) — таблица 3, и для пра-вольта-конго (без иджойдных, догон, манде, кордофанских и атлантических) — таблица 4 (в последнем случае реконструируется больше классов, а реконструкция оказывается существенно ближе к пра-банту).

Таблица 3

**Реконструкция системы именных классов и их корреляций по классу
в пра-нигеро-кордофанском (без иджойдных, догон, манде) по [Herburn-Gray 2020: 274]**

Класс	Единственное число			Множественное число		Класс
	Согласовательный показатель	Показатель в имени		Показатель в имени	Согласовательный показатель	
1	*g ^w u-	*g ^w u-	_____	*ba-	*ba-	2
1a	*g ^w u-	*∅-	_____	*-VN	*ba-	2a
3	*gu-	*gu-	_____	*gi-	*gi-	4
5	*di-	di-	_____	*ŋ ^w a-	*ŋ ^w a-	6
22	*mi-		*mi-			
23	*ma-		*ma-			

Таблица 4

**Реконструкция системы именных классов и их корреляций по классу
в пра-вольта-конго по [Herburn-Gray 2020: 283]**

Класс	Единственное число			Множественное число		Класс
	Согласовательный показатель	Показатель в имени		Показатель в имени	Согласовательный показатель	
1	*gwu-, a-	*gwu-	_____	*ba-	*ba-	2
1a	*u-, a-	*∅-	_____	*-VN	*ba-	2a
3	*gu-	*gu-	_____	*gi-	*gi-	4
5	*di-	di-	_____	*ɲa-	*ɲa-	6
				*ni-	*ni-	10
12	*ka-	*ka-	_____	*ti-	*ti-	13
14	*bu-	*bu-				
15	*ku-	*ku-				
22	*mu-		*mu-			
23	*ma-		*ma-			

В целом реконструкции выглядят мотивированными, но остается проблема языков, которые по другим параметрам (лексика, местоимения) относятся к нигер-конго, но не имеют именных классов. Кроме того, не по всем языкам и семьям есть достаточно материала и иногда отсутствуют промежуточные реконструкции.

6. Именные классы и нумеративные классификаторы в контексте языков нигер-конго

Наличие нумеративных классификаторов²² в нигер-конго долгое время оставалось незамеченным, но факт их наличия не единичен: см., например, [Ikoro 1994] — язык кана (бенуэ-конго), [Желтов 2008] — гбан (южные манде). Следует отметить при этом, что еще в [Greenberg 1978] речь шла о том, что именно наличие подобных классификаторов в сочетании с широко распространенным процессом грамматикализации демонстративов гипотетически могло являться источником формирования систем именных классов в нигер-конго. Особенность, отличающая классификаторы в кана от подобных систем в Юго-Восточной Азии, состоит в том, что в ЮВА классификатор может образовывать морфологическое единство с числительным, а в кана — с существительным. Следует отметить, что семантика и даже количество классификаторов напоминает именные классы

²² В работах, посвященных изучению этого явления [Dixon 1982; Aikhenvald 2000; Grinevald 2000], нумеративные классификаторы рассматриваются как частный случай более широкого спектра явлений: нумеративные, демонстративные, посессивные и глагольные классификаторы. Под нумеративными классификаторами понимаются лексические («счетные слова») или морфологические элементы, используемые при счете (употреблении с числительными) для классификации имен, типа *пять человек студентов, две буханки хлеба*. По [Aikhenvald 2000], нумеративные классификаторы бывают «качественными» и «мерными».

в языках нигер-конго. Как и, например, в банту, слово может менять значение при употреблении с разными классификаторами. При этом в самом языке кана, как и в большинстве кегбоидных, собственно именных классов нет. В той же статье Гринберга упоминается наличие похожих систем нумеративных классификаторов в других кегбоидных языках — гокана, баан и элеме. Также, со ссылкой на неопубликованную диссертацию Дж. Уотерса, упоминаются пять нумеративных классификаторов в языке эджагам (южные бантоидные), в котором при этом сохраняется система именных классов с корреляциями по числу и классификатор включает показатель соответствующего класса, разный для ед. и мн. числа и определяющий согласование по этому классу для числительных.

В [Aikhenvald 2000] (со ссылкой на устное сообщение В. А. Виноградова) упоминается наличие нумеративных классификаторов в языке нгьембоон (бантоидные). В [WALS] отмечается наличие нумеративных классификаторов в одном из языков гур — туссиан. В [Желтов 2008] описываются шесть счетных классификаторов в языке гбан (южные манде). Классификаторы в гбан относятся скорее к качественным, чем мерным (по терминологии [Aikhenvald 2000]). В основном задействована семантика, связанная с формой референтов классифицируемых имен, а также, возможно, и некоторые другие семантические оппозиции, такие как «человек/нечеловек» и «живое/неживое». Порядок слов в конструкциях с классификаторами: N + Class + Num. Исходя из отчетливого доминирования суффиксации в манде, можно предположить в будущем клитизацию и грамматикализацию классификаторов в составе существительного, а не числительного. Это, в свою очередь, делает превращение классификаторов в классы более реальным в кана и гбан, чем в языках, где классификаторы более тесно связаны с числительными, чем с существительными. Похожие явления наблюдаются в языке дан (южные манде) [Эрман 2006], а также бамана (манде) [Выдрин 2006], где их грамматикализация находится на самой начальной стадии.

Наиболее развернутый анализ классификаторов в нигер-конго содержится в [Kießling 2013; 2018]. Обобщив сведения о классификаторах в разных источниках, Кислинг приводит данные о 16 языках нигер-конго, обладающих системами нумеративных классификаторов (2 — манде, 3 — гур, 11 — различные группы бенуэ-конго) [Kießling 2018: 33]. В соответствии с его анализом классификаторы чаще встречаются в языках с исчезнувшей или редуцированной системой классов, но отмечены и в языках дэнья, эджагам, нгембон, нгве, йембе (все бенуэ-конго), в которых они сосуществуют с активной системой классов. Эти случаи представляют особый интерес.

Возможно, что нумеративы могут быть обнаружены и в других языках нигер-конго. Наличие в нигер-конго нумеративных классификаторов очень важно как для типологии классификаторов, так и для понимания возможных источников возникновения нигеро-конголезских именных классов. При этом важно заметить, что системы классификаторов нигер-конго не образуют кумулятивных знаков с другими категориями. Можно предположить, что именно появление кумулятивности у показателей нумеративов может свидетельствовать о переходе от классификаторов к классам.

7. Семантические особенности именной классификации нигер-конго

При анализе распределения релевантных для категории рода/класса признаков в базе данных [WALS] можно заметить уже упоминавшуюся тенденцию: из 17 языков с признаками «число родов/классов больше, чем три» [Corbett 2013a] + «отсутствие противопоставления по полу» [Corbett 2013b] + «формально-семантический тип» [Corbett 2013c] — 16 языков нигер-конго и один койсанский (Южная Африка). В языках нигер-конго крайне мало примеров наличия оппозиции по полу: джовулу (манде), иджойдные [Jenewari 1989], занде (убанги) [Claudi 1985], вобе и ниабуа (кру). Интересно, что во всех этих языках

развернутые системы классов (как, например, в языках банту или атлантических) отсутствуют, а данное противопоставление отражается только в местоимениях и рассматривается как инновация. Таким образом мы наблюдаем отчетливые корреляции: 1) «принадлежность к нигер-конго — развернутая негендерная классификация формально-семантического типа»; 2) корреляция «много классов — нет оппозиции по полу — формально-семантический тип» среди нигер-конго.

Можно отметить, что в языках нигер-конго семантическое усложнение классификации идет внутри неличного / неодушевленного класса, что проявляется в семантике грамматических форм. Во-первых, поскольку класс «людей» сохраняется, может получить дальнейшее развитие грамматическое выражение иерархии одушевленности (люди — животные — растения — природные объекты — нейтральный класс²³ — артефакты). Во-вторых, для «неличного» подкласса значимыми могут оказаться пространственно-физические характеристики: величина (аугментативы / диминутивы), форма, членимость / нечленимость, исчисляемость / неисчисляемость (подробнее см.: [Желтов 2008]). Подобный тип классификации можно назвать «нигеро-конголезским»²⁴: почти все языки с системами классификации более трех элементов, не имеющие при этом противопоставления мужской / женский и представленные в базе данных [WALS], относятся к макросемье нигер-конго. Важно отметить, что в подобных системах может возникать и категория одушевленности, как, например, в суахили (банту), где согласование имен, обозначающих животных, идет по личному 1 классу, а не по 9 — исходному «классу животных» в других банту. Исходя из данной специфики идея о возможности развития индоевропейского рода из классов бантуского типа вряд ли верна — это два разнонаправленных с точки зрения семантики варианта развития, доходящих до одинаково высокой степени грамматикализации. Сочетание типологических параметров с генетической общностью представляется важным и ставит вопрос о причинах типологической специфики данной семьи в области семантики именной классификации.

8. Выводы и перспективы исследования

Можно отметить, что изучение именной классификации в языках нигер-конго в последние годы достигло значительного прогресса, связанного как с накоплением материала, так и с его теоретическим осмыслением. При этом проблемой для исследователя становится огромный массив работ, с которыми нужно быть знакомым для представления общей актуальной картины. В качестве перспективных задач можно выделить следующие:

- 1) накопление и анализ материала по до сих пор недостаточно изученным языкам и семьям (например, адамауа);
- 2) ступенчатая реконструкция систем классов во всех семьях, начиная с отдельных близкородственных групп;
- 3) системный анализ «дограмматических» форм классификации (например, нумеративных классификаторов, родовых слов), их взаимодействия и соотношения с именными классами;
- 4) разграничение рудиментарных и инновационных элементов в именной морфологии;
- 5) разработка вопроса об отнесении (или доказательстве обратного) к нигер-конго языков без эксплицитных систем именных классов (манде, убанги, иджо, догон): анализ

²³ В этот класс попадают слова с самой разной семантикой, часто — заимствования.

²⁴ Или, с учетом наличия в этом списке одного койсанского языка, «африканским». Сопоставление именной классификации в койсанских языках и в языках их единственных соседей — нигер-конго — представляет собой очень интересную задачу, но не входит в тематику этой статьи.

их именной морфологии, поиск возможных «кандидатов» для сопоставления с именными классами, проверка гипотезы о возможности соотнесения именных морфем в языках с классами и генерических (родовых) лексем (классификаторов), продуктивно участвующих в деривационных процессах, в языках без именных классов.

Учитывая огромное количество языков, сложность многих аспектов именной классификации, перспективным выглядит создание научных коллективов, которые разрабатывали бы различные аспекты этой темы в рамках совместных международных проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аксёнова, Топорова 1990 — Аксёнова И. С., Топорова И. Н. *Введение в бантуистику. Имя. Глагол*. М.: Наука, 1990. [Aksenova I. S., Toporova I. N. *Vvedenie v bantuistiku* [Introduction to Bantu linguistics]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Виноградов 1990 — Виноградов В. А. Варьирование именных классификаций. *Языки мира: проблемы языковой вариативности*. М.: Наука, 1990, 171–209. [Vinogradov V. A. Variation in noun classification. *Yazyki mira: problemy yazykovoi variativnosti*. Moscow: Nauka, 1990, 171–209.]
- Виноградов 1997 — Виноградов В. А. Введение: именные категории в языках Африки. *Основы африканского языкознания. Именные категории*. Виноградов В. А. (отв. ред.). М.: Аспект Пресс, 1997, 5–23. [Vinogradov V. A. Introduction: Noun categories in African languages. *Osnovy afrikanskogo yazykoznaneya. Imennyye kategorii*. Vinogradov V. A. (ed.). Moscow: Aspekt Press, 1997, 5–23.]
- Виноградов (ред.) 1997 — Виноградов В. А. (отв. ред.). *Основы африканского языкознания. Именные категории*. М.: Аспект Пресс, 1997. [Vinogradov V. A. (ed.). *Osnovy afrikanskogo yazykoznaneya. Imennyye kategorii* [Basics of African linguistics. Noun categories]. Moscow: Aspekt Press, 1997.]
- Выдрин 1997 — Выдрин В. Ф. Следы именной классификации в языках манде. *Основы африканского языкознания. Именные категории*. Виноградов В. А. (отв. ред.). М.: Аспект Пресс, 1997, 221–255. [Vydrin V. F. Traces of noun classification in Mande. [Vinogradov V. A. Introduction: Noun categories in African languages. *Osnovy afrikanskogo yazykoznaneya. Imennyye kategorii*. Vinogradov V. A. (ed.). Moscow: Aspekt Press, 1997, 221–255.]
- Выдрин 2006 — Выдрин В. Ф. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде. *Acta linguistica petropolitana*, 2006, т. II, ч. 1: 9–252. [Vydrin V. F. Towards the reconstruction of Proto-Mande phonological type and noun morphology. *Acta linguistica petropolitana*, 2006, vol. II, part 1: 9–252.]
- Выдрин и др. 2017 — Выдрин В. Ф., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Маркус Е. Б. (отв. ред.). *Языки мира: Языки манде*. СПб.: Нестор-История, 2017. [Vydrin V. F., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Markus E. B. (eds.). *Yazyki mira: Yazyki mande* [Languages of the world: Mande]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017.]
- Желтов 2008 — Желтов А. Ю. *Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. [Zheltov A. Yu. *Yazyki niger-kongo: strukturno-dinamicheskaya tipologiya* [Niger-Congo languages: Structural-dynamic typology]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2008.]
- Желтов 2017 — Желтов А. Ю. Еще раз о типологии именной классификации: специфика языков нигер-конго, и есть ли языки без «рода». *Африканский сборник — 2017*. СПб.: МАЭ РАН, 2017, 365–378. [Zheltov A. Yu. Once again on noun classification typology: Specifics of Niger-Congo, and are there languages with no “gender”. *Afrikanskii sbornik — 2017*. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, 2017, 365–378.]
- Климов 1983 — Климов Г. А. *Принципы контенсивной типологии*. Москва: Наука, 1983. [Klimov G. A. *Printsipy kontensivnoi tipologii* [Principles of contensive typology]. Moscow: Nauka, 1983.]
- Клингенхёбен 1963 — Клингенхёбен А. К возникновению типов языков с именными классами. *Африканское языкознание. Сборник статей*. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1963, 43–53. [Klingenkheben A. On the origin of languages with noun classes. *Afrikanskoe yazykoznanie. Sbornik statei*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963, 43–53.]
- Макеева, Шлуинский 2015 — Макеева Н. В., Шлуинский А. Б. Именные классы и согласование в языке акебу. *Исследования по языкам Африки*. Вып. 5. М.: Ключ-С, 2015, 174–200. [Makeeva N. V., Shluinsky A. B. Noun classes and agreement in Akebu. *Issledovaniya po yazykam Afriki*. No. 5. Moscow: Klyuch-C, 2015, 174–200.]

- Мельников 1972 — Мельников Г. П. Детерминантная классификация языков и языки банту. *Africana. Африканский этнографический сборник*. Вып. IX. Л.: Наука, 1972, 128–159. [Mel'nikov G. P. Determinant language classification and Bantu languages. *Africana. Afrikanskii etnograficheskii sbornik*. No. IX. Leningrad: Nauka, 1972, 128–159.]
- Мельчук 2000 — Мельчук И. А. *Курс общей морфологии*. Т. 3. М.; Вена: Языки русской культуры; Wiener Slawistischer Almanach, 2000. [Mel'chuk I. A. *Kurs obshchei morfologii* [Course of general morphology]. Vol. 3. Moscow; Vienna: Yazyki Russkoi Kul'tury; Wiener Slawistischer Almanach, 2000.]
- Охотина 1985 — Охотина Н. В. *Согласовательные классы в восточных и южных языках банту. Коммуникативный статус и грамматическая структура*. М.: Наука, 1985. [Okhotina N. V. *Soglasovatel'nye klassy v vostochnykh i yuzhnykh yazykakh bantu. Kommunikativnyi status i grammaticheskaya struktura* [Agreement classes in East and South Bantu. Communicative status and grammatical structure]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Охотина 1987 — Охотина Н. В. (отв. ред.) *Именные классы в языках Африки*. М.: Наука, 1987. [Okhotina N. V. (ed.). *Imennyye klassy v yazykakh Afriki* [Noun classes in African languages]. Moscow: Nauka, 1987.]
- Плунгян 1997 — Плунгян В. А. Именные категории в догон. *Основы африканского языкознания. Именные категории*. Виноградов В. А. (отв. ред.). М.: Аспект Пресс, 1997, 256–263. [Plungian V. A. Noun categories in Dogon. *Osnovy afrikanskogo yazykoznaniiya. Imennyye kategorii*. Vinogradov V. A. (ed.). Moscow: Aspekt Press, 1997, 256–263.]
- Поздняков 1993 — Поздняков К. И. *Сравнительная грамматика атлантических языков*. М.: Наука, 1993. [Pozdniakov K. I. *Sravnitel'naya grammatika atlanticheskikh yazykov* [Comparative grammar of Atlantic languages]. Moscow: Nauka, 1993.]
- Поздняков 2005 — Поздняков К. И. К типологии именных классификаций. *Исследования по языкам Африки. Сборник статей, посвященный 40-летию отдела африканских языков*. М., 2005, 203–233. [Pozdniakov K. I. Towards the typology of noun classification. *Issledovaniya po yazykam Afriki. Sbornik statei, posvyashchennyi 40-letiyu otdela afrikanskikh yazykov*. Moscow, 2005, 203–233.]
- Эрман 2006 — Эрман А. В. Формант -ga в языке дан-блво в процессе грамматикализации. *Acta linguistica petropolitana*, 2006, т. II, ч. 1: 253–295. [Erman A. V. Formant -ga in Blowo Dan in the course of grammaticalization. *Acta linguistica petropolitana*, 2006, vol. II, part 1: 253–295.]
- Aikhenvald 2000 — Aikhenvald A. Y. *Classifiers. A typology of noun categorization devices*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- Bendor-Samuel 1989 — Bendor-Samuel J. (ed.). *The Niger-Congo languages: A classification and description of Africa's largest language family*. Lanham: Univ. Press of America, 1989.
- Bendor-Samuel et al. 1989 — Bendor-Samuel J., Olsen E. J., White A. R. Dogon. *The Niger-Congo languages: A classification and description of Africa's largest language family*. Bendor-Samuel J. (ed.). Lanham: Univ. Press of America, 1989, 169–177.
- Bennett, Sterk 1977 — Bennett P. R., Sterk J. P. South Central Niger-Congo: A reclassification. *Studies in African Linguistics*, 1977, 8: 241–273.
- Blench 2012 — Blench R. *Niger-Congo: An alternative view*. 2012. <http://www.rogerblench.info/Language/Niger-Congo/General/Niger-Congo%20an%20alternative%20view.pdf>.
- Blench, Schadeberg 2013 — Blench R. M., Schadeberg T. C. (eds.). *Nuba Mountain language studies*. Cologne: Rüdiger Köppe, 2013.
- Boyd 1989 — Boyd R. Adamawa-Ubangi. *The Niger-Congo languages: A classification and description of Africa's largest language family*. Bendor-Samuel J. (ed.). Lanham: Univ. Press of America, 1989, 178–215.
- Childs 2003 — Childs G. T. *An introduction to African languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2003.
- Claudi 1985 — Claudt U. *Zum Entstehung von Genussystemen*. Hamburg: Helmut Buske, 1985.
- Claudi 1997 — Claudt U. Some thoughts on the origin of gender markers. *African Linguistics at the Crossroads. Papers from Kwaluseni 1st World Congress of African Linguistics*. Herbert R. K. (ed.). Cologne: Rüdiger Köppe, 1997, 63–74.
- Contini-Morava 1997 — Contini-Morava E. Noun classification in Swahili: A cognitive semantic analysis using a computer database. *African Linguistics at the Crossroads. Papers from Kwaluseni 1st World Congress of African Linguistics*. Herbert R. K. (ed.). Cologne: Rüdiger Köppe, 1997, 599–628.
- Corbett 1991 — Corbett G. *Gender*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Corbett 2013a — Corbett G. Number of genders. *The World Atlas of Language Structures Online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <http://wals.info/chapter/30>.

- Corbett 2013b — Corbett G. Sex-based and non-sex-based gender systems. *The World Atlas of Language Structures Online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <http://wals.info/chapter/31>.
- Corbett 2013c — Corbett G. Systems of gender assignment. *The World Atlas of Language Structures Online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <http://wals.info/chapter/32>.
- Craig 1986 — Craig C. G. (ed.). *Noun classes and categorization*. Amsterdam: John Benjamins, 1986.
- Creissels 2015 — Creissels D. Typologie des classes nominales dans les langues atlantiques. *Les classes nominales dans les langues atlantiques*. Creissels D., Pozdniakov K. (eds.). Cologne: Rüdiger Köppe, 2015, 7–55.
- Creissels, Pozdniakov 2015 — Creissels D., Pozdniakov K. (eds.). *Les classes nominales dans les langues atlantiques*. Cologne: Rüdiger Köppe, 2015.
- Denny, Creider 1986 — Denny J. P., Creider C. A. The semantics of noun classes in Proto-Bantu. *Noun classes and categorization*. Craig C. G. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1986, 217–239.
- Demuth 2000 — Demuth K. Bantu noun class system: Loanword and acquisition evidence of semantic productivity. *Systems of nominal classifications*. Senft G. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000, 270–292.
- De Wolf 1971 — De Wolf P. P. *The noun class system of Proto-Benue-Congo*. The Hague: Mouton, 1971.
- Di Garbo et al. 2019 — Di Garbo F., Olsson B., Wälchli B. (eds.). *Grammatical gender and linguistic complexity*. Vol. I: *General issues and specific studies*. (Studies in Diversity Linguistics, 26.) Berlin: Language Science Press, 2019.
- Dingemanse 2006 — Dingemanse M. *The semantics of Bantu noun classification: A review and comparison of three approaches*. MA thesis. Leiden Univ., 2006. <http://hdl.handle.net/11858/00-001M-0000-0012-04CA-0>.
- Dimmendaal 2011 — Dimmendaal G. J. *Historical linguistics and the comparative study of african languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Dimmendaal, Vossen 2020 — Dimmendaal G. J., Vossen R. (eds.). *The Oxford handbook of African languages*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2020.
- Dixon 1982 — Dixon R. M. W. Noun classifiers and noun classes. *Where have all the adjectives gone? and other essays on semantics and syntax*. Dixon R. M. W. The Hague: Mouton, 1982, 157–184.
- Fodor 1959 — Fodor I. The origin of grammatical gender. *Lingua*, 1959, 8(1): 1–41; 8(2): 186–214.
- Gerhardt 1988 — Gerhardt L. Auf- und Abbau von nominalen Klassensystemen. *Progressive traditions in African and Oriental studies*. Brauner S., Wolff E. (eds.). Berlin: Akademie Verlag, 1988, 69–77.
- Gerhardt 1989 — Gerhardt L. Kainji and Platoid. *The Niger-Congo languages: A classification and description of Africa's largest language family*. Bender-Samuel J. (ed.). Lanham: Univ. Press of America, 1989, 359–376.
- Givón 1971 — Givón T. Some historical changes in the noun-class system of Bantu, the causes and possible wider implications. *Papers in African linguistics*. Kim Chin-Wu, Stahlke H. (eds.). Edmonton: Linguistic Research Inc., 1971, 33–69.
- Good 2012 — Good J. How to become a “Kwa” noun. *Morphology*, 2012, 22: 293–335.
- Good 2020 — Good J. Niger-Congo, with a special focus on Benue-Congo. *The Oxford handbook of African languages*. Dimmendaal G. J., Vossen R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020, 139–160.
- Greenberg 1955 — Greenberg J. H. *Studies in African linguistic classification*. New Haven: Compass Publishing Company, 1955.
- Greenberg 1963 — Greenberg J. H. *The languages of Africa* (= *International Journal of American Linguistics*, 1963, 29(1), part 2).
- Greenberg 1977 — Greenberg J. H. Niger-Congo noun class markers: Prefixes, suffixes, both or neither. *Studies in African Linguistics*, 1977, 7: 97–104.
- Greenberg 1978 — Greenberg J. H. How does a language acquire gender markers? *Universals of human language*. Vol. 3. Greenberg J. H. et al. (eds.). Stanford: Stanford Univ. Press, 1978, 47–82.
- Grinevald 2000 — Grinevald C. A morphosyntactic typology of classifiers. *Systems of nominal classifications*. Senft G. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000, 50–92.
- Güldemann 2018 — Güldemann T. Historical linguistics and genealogical classification in Africa. *The languages and linguistics of Africa*. Güldemann T. (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2018, 58–444.
- Güldemann (ed.) 2018 — Güldemann T. (ed.). *The languages and linguistics of Africa*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2018.
- Güldemann, Fiedler 2019 — Güldemann T., Fiedler I. Niger-Congo “noun classes” conflate gender with deriflection. *Grammatical gender and linguistic complexity*. Vol. I: *General issues and specific studies*.

- Di Garbo F., Olsson B., Wälchli B. (eds.). (Studies in Diversity Linguistics, 26.) Berlin: Language Science Press, 2019, 95–146.
- Heine, Nurse 2000 — Heine B., Nurse D. (eds.). *African languages: An introduction*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Hendrikse, Poulos 1992 — Hendrikse A. P., Poulos G. A continuum interpretation of the Bantu noun class system. *African linguistic contributions, presented in honour of Ernst Westphal*. Gowlett D. F. (ed.). Pretoria: Via Afrika, 1992, 195–209.
- Hepburn-Gray 2016 — Hepburn-Gray R. A survey of Niger-Congo noun class agreement systems. Paper presented at “Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and reconstruction (2nd International Congress)”, 2016. <http://llacan.vjf.cnrs.fr/nigercongo2/presentations.html>.
- Hepburn-Gray 2020 — Hepburn-Gray R. *Niger-Congo noun classes: Reconstruction, historical implications, and morphosyntactic theory*. State Univ. of New York at Buffalo, ProQuest Dissertations Publishing, 2020.
- Hyman 1980 — Hyman L. M. Reflections on the nasal classes in Bantu. Hyman L. M. (ed.). *Noun classes in the Grassfields Bantu borderland*. (Southern California Occasional Papers in Linguistics, 8.) Los Angeles: Univ. of Southern California, 1980, 179–210.
- Ikoru 1994 — Ikoru S. Numeral classifiers in Kana. *Journal of African Languages and Linguistics*, 1994, 15: 7–28.
- Jenewari 1989 — Jenewari C. E. W. Ijoid. *The Niger-Congo languages: A classification and description of Africa's largest language family*. Bendor-Samuel J. (ed.). Lanham: Univ. Press of America, 1989, 105–118.
- Kießling 2013 — Kießling R. On the origin of Niger-Congo nominal classification. *Historical Linguistics 2011: Selected papers from the 20th International Conf. on Historical Linguistics* (Osaka, 2011). Kikusawa R., Reid L. A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2013, 43–65.
- Kießling 2018 — Kießling R. Niger-Congo numeral classifiers in a diachronic perspective. *The diachrony of classification systems*. McGregor W. B., Wichmann S. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2018, 33–75.
- Kleinewillinghöfer 2020 — Kleinewillinghöfer U. Adamawa. *The Oxford handbook of African languages*. Dimmendaal G. J., Vossen R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020, 220–230.
- Konoshenko, Shavarina 2019 — Konoshenko M., Shavarina D. A microtypological survey of noun classes in Kwa. *Journal of African Languages and Linguistics*, 2019, 40(1): 75–114.
- Lakoff 1987 — Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1987.
- Lüpke 2020 — Lüpke F. Atlantic. *The Oxford handbook of African languages*. Dimmendaal G. J., Vossen R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020, 161–173.
- Maho 1999 — Maho J. *A comparative study of Bantu noun classes*. Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1999.
- Maho 2010 — Maho J. F. *Niger-Congo noun class studies: A bibliographical survey compiled by Jouni Filip Maho*. <https://silo.tips/download/niger-congo-noun-class-studies>.
- Makeeva, Shluinsky 2018 — Makeeva N., Shluinsky A. Noun classes and class agreement in Akebu. *Journal of West African Languages*, 2018, 45.1: 1–26.
- Manessy 1965–1966 — Manessy G. Les substantifs à préfixe et suffixe dans les langues voltaïques. *Journal of African Languages*, 1965, 4: 170–181; 1966, 5: 54–61.
- Manessy (ed.) 1967 — Manessy G. (ed.). *La classification nominale dans les langues négro-africaines*. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1967.
- Manessy 1979 — Manessy G. *Contribution à la classification généalogique des langues voltaïques*. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1979.
- Marchese 1983 — Marchese L. *Atlas linguistique Kru. Essai de typologie*. Abidjan: Université de l'Abidjan, 1983.
- Marchese 1988 — Marchese L. Noun classes and agreement systems in Kru: A historical approach. *Agreement in natural language: Approaches, theories, descriptions*. Stanford: Center for the Study of Language & Information, 1988, 323–341.
- Marchese 2017 — Marchese (Zogbo) L. Les vestiges des classes nominales dans les langues kru : accord et suffixes. *Language typology and language documentation in West Africa. Proc. of the West African Linguistics Congress (WALC)*. Paris: Harmattan, 2017, 159–180.
- McLaughlin 1994 — McLaughlin F. Consonant mutation in Sereer-Siin. *Studies in African Linguistics*, 1994, 23(3): 279–313.
- Meillet 1926 — Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris: Honoré Champion, 1926.

- Meissner, Storch 2000 — Meissner A., Storch A. (eds.). *Nominal classification in African languages*. Cologne: Rüdiger Köppe, 2000.
- Miehe 1991 — Miehe G. *Die Präfixnasale im Benue-Congo und Kwa: Versuch einer Widerlegung der Hypothese von der Nasalinnovation des Bantu*. Berlin: Dietrich Reimer, 1991.
- Miehe 2007 — Miehe G. Senufo: Comparative notes. *Noun class systems in Gur languages*. Vol. 1: *Southwestern Gur languages (without Gurunsi)*. Miehe G., Winkelmann K. (eds.). Cologne: Rüdiger Köppe, 2007, 469–479.
- Miehe 2020 — Miehe G. Gur. *The Oxford handbook of African languages*. Dimmendaal G. J., Vossen R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020, 192–204.
- Miehe, Winkelmann 2007 — Miehe G., Winkelmann K. (eds.). *Noun class systems in Gur languages*. Vol. 1: *Southwestern Gur languages (without Gurunsi)*. Cologne: Rüdiger Köppe, 2007.
- Miehe et al. 2012 — Miehe G., Reineke B., Winkelmann K. (eds.). *Noun class systems in Gur languages*. Vol. 2: *North Central Gur languages*. Cologne: Rüdiger Köppe, 2012.
- Nichols 1989 — Nichols J. The origin of nominal classification. *Proc. of the 15th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1989, 409–420.
- Nurse, Philippson 2003 — Nurse D., Philippson G. (eds.). *The Bantu languages*. London: Routledge, 2003.
- Pasch 2020 — Pasch H. Ubangi. *The Oxford handbook of African languages*. Dimmendaal G. J., Vossen R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020, 231–238.
- Pozdniakov 2015 — Pozdniakov K. Diachronie des classes nominales atlantiques : morphophonologie, morphologie, sémantique. *Les classes nominales dans les langues atlantiques*. Creissels D., Pozdniakov K. (eds.). Cologne: Rüdiger Köppe, 2015, 57–102.
- Pozdniakov, Segerer 2016 — Pozdniakov K., Segerer G. Genealogical classification of Atlantic languages. 2016. To appear in *Oxford guide to the world's languages: Atlantic*. Lüpke F. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press. https://www.academia.edu/29220664/A_Genealogical_classification_of_Atlantic_languages.
- Quint 2020 — Quint N. Kordofanian. *The Oxford handbook of African languages*. Dimmendaal G. J., Vossen R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020, 239–268.
- Schadeberg 1989 — Schadeberg T. C. Kordofanian. *The Niger-Congo languages: A classification and description of Africa's largest language family*. Bendor-Samuel J. (ed.). Lanham: Univ. Press of America, 1989, 66–80.
- Schneider-Blum et al. 2018 — Schneider-Blum G., Hellwig B., Dimmendaal G. (eds.). *Nuba Mountain language studies: New insights*. Cologne: Rüdiger Köppe, 2018.
- Segerer 2020 — Segerer G. *Les langues Niger-Congo* [a chart]. Published online, 2020. http://sumale.vjf.cnrs.fr/NC/Public/pdf/classification%20Niger-Congo%20A3_nouveau.pdf.
- Senft 2000 — Senft G. (ed.). *Systems of nominal classifications*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Stevenson 1956–1957 — Stevenson R. C. A survey of the phonetics and grammatical structure of the Nuba Mountain languages with particular reference to Otoro, Katcha and Nyimang. *Afrika und Übersee*, 1956–1957, Band XLI: 27–65, 117–152, 171–196.
- Voisin 2015 — Voisin S. Les classes nominales en kobiana. *Les classes nominales dans les langues atlantiques*. Creissels D., Pozdniakov K. (eds.). Cologne: Rüdiger Köppe, 2015, 317–370.
- WALS — Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.
- Watters 1989 — Watters J. R. Bantoid overview. *The Niger-Congo languages: A classification and description of Africa's largest language family*. Bendor-Samuel J. (ed.). Lanham: Univ. Press of America, 1989, 400–420.
- Welmers 1971 — Welmers W. E. The typology of the Proto-Niger-Kordofanian noun class system. *Papers in African linguistics*. Kim Chin-Wu, Stalhke H. (eds.). Edmonton: Linguistic Research Inc., 1971, 1–16.
- Welmers 1973 — Welmers W. E. *African language structures*. Berkeley: Univ. of California Press, 1973.
- Williamson 1989 — Williamson K. Niger-Congo overview. *The Niger-Congo languages: A classification and description of Africa's largest language family*. Bendor-Samuel J. (ed.). Lanham: Univ. Press of America, 1989, 3–46.
- Williamson, Blench 2000 — Williamson K., Blench R. M. Niger-Congo. *African languages: An introduction*. Heine B., Nurse D. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000, 11–42.
- Wolff 2019 — Wolff H. E. (ed.). *The Cambridge handbook of African linguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.
- Zhelotov 2020 — Zhelotov A. Plurality marking in Leko and Yendang groups (Adamawa, Niger-Congo) (with some reference to noun classification). *Language in Africa*, 2020, 3: 125–153.

[Рец. на: / Review of:] **A. Witzlack-Makarevich, B. Bickel (eds.). *Argument Selectors. A new perspective on grammatical relations***. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2019. vi + 536 p. (Typological Studies in Language, 123.) ISBN 9789027202024.

Наталья Михайловна Заика

Natalia M. Zaika

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия; Санкт-Петербургский
государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия; n.zaika@spbu.ru

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, Russia; Saint Petersburg
University, St. Petersburg, Russia; n.zaika@spbu.ru

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.142-148

Работы по типологии грамматических отношений последних десятилетий многочисленны, известны читателю журнала и потому не нуждаются в перечислении. Появление рецензируемой монографии является ярким событием в этой области лингвистики. Издание в значительной степени опирается на исследования последнего десятилетия редакторов тома Б. Бикеля и А. Вицлак-Макаревич и их коллег в области типологии грамматических отношений и селекторов аргументов (*argument selectors*), ср. [Witzlack-Makarevich 2010; Bickel 2011; Bickel, Witzlack-Makarevich 2013; Bickel et al. 2015].

Во вступительной главе А. Вицлак-Макаревич описывает теоретическую парадигму, в рамках которой анализируются языки монографии. Существенным для этой парадигмы оказывается понятие грамматических отношений, под которыми автором подразумеваются отношения между клаузой или предикатом и их аргументами (ср. общепринятые понятия субъекта, прямого объекта, непрямого объекта и т. п.). В других терминологических традициях грамматическим отношениям соответствуют синтаксические функции [Falk 2006] или синтаксические роли [Croft 2001], цит. по [Witzlack-Makarevich 2010: 1]. Как известно, грамматические отношения могут определяться как на морфологических основаниях, так и на основании синтаксических тестов, связанных, например, с возможностью пассивизации, подъема при различных предикатах, сочинительного сокращения и т. п. Естественным образом, в результате применения разных критериев могут выделяться разные классы объектов (в данном случае аргументов), ср. достаточно частую ситуацию, когда морфологически эргативный язык синтаксически является аккузативным. Кроме того, использование разных критериев для разных языков делает результаты применения этих критериев несопоставимыми.

В своей диссертации Вицлак-Макаревич вслед за предшественниками отвергает идею о глобальности грамматических отношений, считая их лингвоспецифическими и конструкционно-специфическими и пытаясь привести и проанализировать как можно больший список факторов, влияющих на них. В связи с этим подход редакторов тома сводит грамматические отношения к классам эквивалентности аргументов, разбиение на которые обусловлено селекторами аргументов (определенными правилами, ограничениями или морфосинтаксическими конструкциями, под влиянием которых одно подмножество аргументов ведет себя отлично от другого подмножества). В рецензируемой монографии эти факторы описываются в разноструктурных языках.

Для описания грамматических отношений существенным оказывается понятие обобщенных семантических ролей: единственного аргумента одноместных предикатов (S), двух аргументов двухместных предикатов (A и P), трех аргументов трехместных предикатов (A_{ditr}, G и T). Различие между A и P, а также между P и T традиционно проводится

на основании кросслингвистически релевантных свойств: волитивности, разумности, независимого существования; стационарности и т. п. Рассматриваемые семантические роли постулируются для большинства предикатов в языках, и это приводит к тому, что у разных предикатов они получают разное морфологическое оформление (так, в языке единственный аргумент одноместных предикатов может маркироваться как номинативом, так и дативом). Вицлак-Макаревич интересуется поведением не только аргументов, но и адьюнктов (отделению первых от вторых посвящена часть главы).

Релевантным для теоретической парадигмы вопросом является то, что именно имеется в виду под наиболее репрезентативными классами одноместных, двухместных и трехместных предикатов. В отличие от подходов, опирающихся на семантику, автор вводной главы подразумевает под ними наиболее продуктивные глагольные классы с наибольшим количеством членов (что, впрочем, вызывает определенные проблемы, например, связанные с поиском прототипического класса в языках активного строя, в которых единственные аргументы одноместного предиката могут маркироваться по-разному, или с выбором наиболее репрезентативного трехместного предиката в ряде языков).

В качестве наиболее распространенных селекторов аргументов автор перечисляет вершинное и зависимостное маркирование в предикации, порядок составляющих, конструкции с подъемом, сочинительное сокращение, релятивизируемые позиции, альтернативу диатез. Еще одним важным и хорошо известным фактором, который может влиять на маркирование аргументов, являются их референциальные свойства в широком смысле (например, лицо, число, топикальность, одушевленность, частеречная принадлежность). Кроме этого, на аргументное маркирование могут влиять свойства клаузуального уровня: ТАМ-категории, полярность, тип клаузы (главная или зависимая) и т. п. Некоторые из этих селекторов аргументов изучены достаточно полно на материале репрезентативных выборов, тогда как относительно других имеется гораздо меньше типологических обобщений.

Анкета, приведенная в приложении (с. 37), достаточно компактна, что дает авторам свободу описания. По сути, она представляет собой список хорошо исследованных в типологической литературе селекторов аргументов. Является ли это множество исчерпывающим для языков? Очевидно, у нас нет оснований быть в этом уверенными. Поскольку выборка языков тома мала, у нас нет и возможности достоверно узнать, какие аргументные селекторы являются более, а какие менее распространенными в языках мира. По-видимому, этот вопрос связан со стандартной проблемой современных типологических описаний и с трудом поддается решению: данные о том, является ли некоторый грамматический критерий селектором аргументов в определенном языке, часто с трудом можно извлечь даже из современных типологически ориентированных грамматик. Описание же на материале анкетных данных не позволяет создать достаточно большую генетически и ареально сбалансированную выборку.

Важным достоинством вводной главы является сведение воедино известных ранее в типологической литературе аргументных селекторов. Для многих языков монографии существуют достаточно полные грамматические описания, в которых ряд упоминаемых авторами селекторов подробно проанализирован (пусть часто и в другой терминологии). Так, несомненно, даже в кратком грамматическом очерке можно ожидать, что будут рассматриваться маркирование аргументов и порядок составляющих, а в достаточно полной грамматике и стратегии релятивизации. Однако у других потенциальных аргументных селекторов, например, подъема предиката или референции нулевого аргумента при глаголах контроля гораздо меньше шансов получить грамматическое описание.

Основные главы монографии строятся по единой структуре: в начале приводится краткая типологическая характеристика языка с указанием на релевантные для данного исследования морфологические и синтаксические параметры (ряд языков в этом отношении требует достаточно подробного комментария), а затем анализируются селекторы, позволяющие выделить те или иные классы аргументов. Полезными представляются суммирующие таблицы в конце части глав, хотя для некоторых языков они и не являются

исчерпывающими (ср. главу о монском языке). Авторы используют скорее полевые, чем корпусные материалы, что объясняется спецификой задачи и степенью описанности языков. Языки, исследуемые в монографии, хотя и немногочисленны (их тринадцать), но достаточно разнообразны в генетическом, ареальном и типологическом аспекте.

Ф. Суньига на материале полевых данных рассматривает грамматические отношения в южноамериканском изоляте мапудунгун (мапуче). Зависимостное аргументное маркирование в языке достаточно бедно: имеется лишь один послелог *теу*, маркирующий адьюнкты и некоторые косвенные аргументы с каузальным, темпоральным и некоторыми другими значениями. Вершинное маркирование в мапудунгун реализуется в сложной системе прямых и инверсивных форм, распределение которых обусловлено лицом А и Р. Селектором аргументов в языке является и порядок слов: S, A, P следуют за глаголом. Тривиальным образом, адресат императива является аргументным селектором, отделяя класс аргументов {S, A, A₃} от других. Автор подробно описывает ряд конструкций, которые могут служить селекторами аргументов в других языках, но не в мапудунгун.

Д. Форкер анализирует грамматические отношения в санжинском диалекте даргинского (нахско-дагестанского) языка. Аргументное кодирование в языках этой семьи уже служило предметом многочисленных исследований. На основании особенностей вершинного согласования по роду-числу можно утверждать, что язык является эргативным (согласование контролируется абсолютивными аргументами {S, P, T}), хотя имеются и некоторые исключения, требующие, по мнению автора, теоретического осмысления. Личное согласование вызывают аргументы {S, A, P и T} (только один из аргументов — А или Р — в зависимости от лица), и таким образом, в этом отношении согласование является нейтральным. Описывая зависимостное маркирование в языке, автор исходит из того, какие роли кодируются теми или иными падежами. Так, абсолютив маркирует S и, в некоторых случаях А, эргатив маркирует А в наиболее частотных классах двухвалентных и трехвалентных конструкций, датив маркирует «некоторые аргументы S и А, которые выполняют семантическую роль экспериенцера» (с. 85), а также ряд других аргументов бивалентных и трехвалентных предикатов. Рассматривается и ряд других селекторов аргументов, среди которых наиболее интересными, хотя типологически и достаточно ожидаемыми представляются селекторы, объединяющие S и А (контроль императива, контроль референции аргумента зависимого предиката). Некоторые тесты, например, релятивизация, не выделяют аргументных селекторов. По нашему мнению, в статье несколько априорно объединяются роли А и А_{дир}, хотя в языках мира и хорошо известна тенденция к одинаковому кодированию этих двух сущностей, а в примере 23а, очевидно, речь идет об аргументе Т, а не Р.

М. Йенни рассматривает грамматические отношения в изолирующем австронезийском монском языке. Для языков такой морфологии наиболее изученные и, вероятно, наиболее распространенные аргументные селекторы в языках мира — падежное маркирование и согласование с глаголом — очевидным образом являются мало релевантными. Несмотря на это, в языке обнаруживается целый ряд других аргументных селекторов, наиболее ожидаемым из них является порядок слов, который выделяет класс {S, A}, стоящих в препозиции по отношению к глаголу, тогда как остальные аргументы в норме стоят после глагола. Тот же класс аргументов выделяется на основании образования каузативных конструкций, контроля рефлексива и ряда других факторов. Что касается зависимостного маркирования, этот селектор аргументов выделяет эксплицитно немаркированный класс аргументов {S, A, P, T}, противопоставляя его G, который маркируется послелогом. Ряд селекторов аргументов, существенных для других языков (например, сочинительное сокращение), оказывается нерелевантным для монского.

М. Митун исследует австронезийский язык хилигайнон (илоннго), распространенный на Филиппинах. Значительная часть статьи посвящена подробному описанию аргументных альтернатив и сложной системы залогов, характерной для филиппинских языков, в которых существенную роль играет информационная структура. Грамматические отношения в хилигайнон определяются преимущественно референциальными свойствами аргументов.

Так, клитики реферируют только к одушевленным, идентифицируемым объектам. Местоименные клитики и именные группы демонстрируют эргативное маркирование; ряд синтаксических тестов (маркирование аргументов номинализаций, релятивизация и некоторые другие) также выделяют класс аргументов {S, P}. Достаточно распространенным типологически селектором аргументов оказывается возможность опущения адресата императива, которая выделяет класс аргументов {S, A}, являющихся волитивными и агентивными.

Ф. Суньи́га и Б. Фернандес в главе, посвященной грамматическим отношениям в баскском, приходят к выводу о том, что разные селекторы разбивают множество аргументов на классы разным образом. Зависимостное маркирование, по мнению авторов, лишь поверхностно соответствует эргативно-абсолютивной стратегии, поскольку в языке есть многочисленные глаголы с единственным эргативным аргументом, а также двухместные предикаты с абсолютивным и дативным аргументами и с эргативным и дативным аргументами (впрочем, такая система не представляется типологической редкостью). Интересной особенностью баскского является дифференцированное маркирование адъюнктов при глаголах движения в зависимости от одушевленности (дативное и аллативное). Вершинное маркирование на глаголе представляет менее тривиальную картину. Если в настоящем времени выделяются стандартные для традиционного понимания эргативного языка классы {S, P, T}, {G} и {A, A₃}, то в прошедшем времени выбор типа аргументного маркирования на глаголе зависит от лица аргументов. Кореферентность нулевого субъекта и возможность релятивизации аргумента, по свидетельству авторов, не являются в баскском языке селекторами аргументов (отметим, впрочем, что если релятивизация базовым способом действительно возможна для аргументов {S, A, P, A₃, T, R}, то для других аргументов и адъюнктов в баскском она уже проблематична). Ряд синтаксических тестов выделяет в языке аргументы {S, A, A₃}, подтверждая то, что морфологически эргативный язык синтаксически может вести себя аккузативно. Нам представляется, что в качестве селекторов аргументов в баскском можно было бы также указать согласование с глаголом по лицу, которое выделяет множество аргументов {S, A, A₃, P, R}, противопоставляя его {T}.

К. Хауде рассматривает грамматические отношения в мовима (изолят, Боливия) — языке с директивно-инверсивным глагольным маркированием. Противопоставляя внутренний и внешний аргумент, директивные главные клаузы выделяют класс грамматических отношений {S, P, G, T}, то есть ведут себя эргативно, а инверсивные — класс {S, A}, то есть ведут себя аккузативно (грамматические отношения в зависимых клаузах реализуются не так, как в главных). В императивных конструкциях и конструкциях с подъемом посессора выбор аргумента связан с его семантическими свойствами. Из двух аргументов — T и G — лишь один может оформляться в виде синтаксического аргумента, причем выбор зависит от лексических и морфологических свойств глагола: таким образом, в языке обнаруживаются признаки как секундативной, так и индирективной стратегии. Многие конструкции, которые потенциально могли бы служить аргументными селекторами (контроль рефлексивов, сочинительные конструкции, плавающие кванторы), в мовима таковыми не являются. В заключение автор приходит к выводу, что хотя типологические характеристики мовима (директивно-инверсивная система, синтаксическая эргативность, способность аргумента с любой семантической ролью занимать синтаксически привилегированную позицию) не являются редкостью, сочетание этих характеристик оказывается вполне нетривиальным.

В исследовании И. Вайан Арка анализируются грамматические отношения в байлийском языке (< австронезийские, Индонезия). Для автора релевантно понятие привилегированного грамматического отношения, или грамматической оси (pivot), которую определяют те или иные селекторы аргументов, например, такие как залог (акторный залог выбирает A в качестве оси, а неакторный (undergoer voice) — P), возможность релятивизации именной группы, подъем аргумента, референция нулевого аргумента при глаголах контроля, позиция аргумента по отношению к предикату. Само множество {S, A, P} автор рассматривает в качестве ядерных аргументов, которые отличаются от остальных по ряду

критериев, таких как типы зависимостного маркирования в именной группе, фиксированная позиция аргумента в клаузе, его способность связывать неядерные аргументы в рефлексивных конструкциях, возможность опущения соответствующего аргумента в императивных конструкциях, левая дислокация как средство маркирования топика и некоторых других. Анализируя маркирование аргументов и порядок слов в конструкциях с трехместными предикатами, автор приходит к выводу о том, что для языка характерна секундативная стратегия кодирования объектных аргументов. Автор особо отмечает тот факт, что клаузальные аргументы с точки зрения поверхностного синтаксиса ведут себя аналогично неклаузальным.

Д. Крессель рассматривает грамматические отношения в мандинка (западные манде). Для описания автор предпочитает пользоваться терминами С (единственный аргумент одноместного предиката), C1, C2 (первый и второй аргумент двухместного предиката) и X (остальные аргументы предикатов). С, C1 и C2 занимают позицию перед глаголом и являются обязательными, а X занимает постглагольную позицию и по умолчанию обязательным не является. С, C1, C2 не маркируются эксплицитными показателями и не индексируются на глаголе. В более традиционном описании терминам С, C1, C2 соответствуют S, A и P. Кодирование глагольных аргументов обусловлено лексически, однако большинство аргументов одновалентных, двухвалентных и трехвалентных предикатов можно представить схемами CV, C1C2V и C1C2VX соответственно. Кодирование объектных аргументов трехвалентных предикатов может быть как индирективным, так и секундативным. Автор описывает многочисленные актантные деривации мандинка, однако среди них лишь одна — каузативная — способна выделить класс аргументов {S, A}. Аналогичное поведение S и A — типологически ожидаемо — демонстрирует поведение аргументов в императивных конструкциях, при контроле в рефлексивных и реципрокальных конструкциях, а например, результативные конструкции — также типологически ожидаемо — демонстрируют сходное поведение S и P. Ряд конструкций, связанных с информационной структурой, вопросами и стратегиями релятивизации, не выделяют классов аргументов.

Э. Когхилл анализирует селекторы аргументов в новоарамейском телкепе (< семитские < афразийские). Автор описывает сложную систему маркирования (до трех партиципантов) на глаголе, степень обязательности которой зависит от аргумента. Так, обязательно индексируются A, почти всегда S, в зависимости от условий P, T и R; некоторые партиципанты не индексируются никогда. S и A маркируются на глаголе одинаково, в отличие от P. Зависимостное маркирование, как и вершинное, представляет своего рода шкалу: оно никогда не встречается у S и A, иногда встречается у P и T и всегда у R и других партиципантов. Адресат императива, а также контроль инфинитива в ряде конструкций выделяют класс аргументов {S, A}. Ряд потенциальных селекторов аргументов, таких как порядок слов или позиции релятивизации, для новоарамейского телкепе не являются релевантными.

Т. Коста Шакон и К. Дженетти рассматривают туканский язык кубео. Множество {S_a, A, A_{ditr}} выбирают такие селекторы, как согласование финитного глагола по роду, лицу, числу, контролер императива, референциальный выбор посессора, некоторые типы нефинитных клауз, активные номинализации. Пассивные номинализации выделяют класс {P, T, G, S_p}. Падежное маркирование разбивает множество аргументов на несколько классов: {S_a, A, A_{ditr}} маркируются нулем, {T, P} могут в некоторых контекстах маркироваться показателем *-re*, для {G, S_p} и некоторых адьюнктов такое маркирование облигативно. Достаточно тривиальным селектором является порядок составляющих в нефинитных клаузах, который отделяет A и A_{ditr}, занимающих крайнюю левую позицию, от P, G и T, стоящих в непосредственной постглагольной позиции. Селекторами аргументов в кубео также могут быть повышающие и понижающие актантные деривации.

В статье Л. Герреро анализируются грамматические отношения в юто-ацтекском языке яки (Мексика), в котором выбор аргументов обусловлен конструкционно. Падежные маркеры в нем выделяют классы аргументов {S, A}, {P} и {G}. Порядок слов в яки, по мнению автора, является аргументным селектором в следующем смысле: в канонической

позиции А предшествует Р, и оба эти аргумента предшествуют глаголу. Интересной типологической особенностью яки, характерной и для ряда других языков Америки, выступают системы супплетивных глаголов, у которых реализация корневого алломорфа зависит от числа аргумента. Как правило, такие глаголы выделяют класс аргументов {S, Р}, однако для некоторых двухместных глаголов засвидетельствован глагольный супплетивизм, обусловленный числом А. В целом определяющую роль в яки играет семантический фактор: варьирование у супплетивных активных предикатов обусловлено числом актора, а у стативных — числом претерпевающего (*undergoer*). Контроль вторичной предикации выделяет в языке класс (S, А). Таким образом, в языке имеются признаки как аккумулятивности, так и эргативности.

Д. Шаков изучает грамматические отношения в сино-тибетском языке якха (Непал). Язык обладает богатой глагольной морфологией: на глаголе маркируются лицо и число, ТАМ-категории, а также полярность; переходные и непереходные глаголы маркируются по-разному. Некоторые маркеры могут кумулятивно выражать более одного категориального значения и быть селекторами, выбирая разный набор аргументов. В статье описываются валентностные классы и валентностная вариативность, а также базовые актантные деривации. В результате автор приходит к выводу о том, что язык демонстрирует различные типы грамматических отношений, определяемые разными аргументными селекторами: референт нулевого подлежащего конвербной клаузы и агентивная номинализация выделяют класс {S, А}, тогда как, например, релятивизация с помощью показателей *=na* и *=ha* возможна для {S, Р}. Кодирование аргументов в значительной мере зависит как от их ролевых, так и от их референциальных свойств.

Наконец, в заключительной статье Б. Хелльвиг анализируется западный катла (< нигер-конго, Судан), в котором селекторы аргументов выделяют разные классы единиц. Так, аргументы {S, А, А_{ditr}, Р, Т, G} в языке эксплицитно не маркируются, тогда как адьюнкты маркируются префиксально. Маркирование на глаголе позволяет разбить множество аргументов на два класса: {S, А, А_{ditr}} и {Р, Т, G}: в первом из них аргументное маркирование на глаголе является обязательным, тогда как во втором может зависеть от референциальных свойств аргумента. Другим аргументным селектором, разбивающим аргументы на вышеупомянутые два класса, является базовый порядок слов: {S, А, А_{ditr}} всегда предшествуют глаголу, а {Р, Т, G}, как правило, следуют за ним. Маркирование объектных аргументов свидетельствует о секундативной стратегии: {Т}, в отличие от {Р, G}, не маркируется на глаголе. Конструкции с внешним посессором противопоставляют классы {Р, G} и {Т, адьюнкт}.

Несмотря на единую парадигму и программу описания, в некоторых отношениях теоретические позиции авторов сборника расходятся. Прежде всего, отметим, что не во всех главах монографии (ср. главу о хилигайон) используется понятие, вынесенное в заголовок книги — селекторы аргументов. Впрочем, проблема столкновения парадигм вполне характерна для сборников такого рода, что признает и редактор тома.

Некоторые расхождения наблюдаются и относительно выделения аргументов и адьюнктов (ср. скорее бинарный подход у редактора А. Видлак-Макаревич, бинарный, но несколько отличающийся от редакторского подход Д. Форкер и континуальный подход Э. Когхилл). В статьях часто, но не всегда эксплицитно приводится отрицательная информация относительно того, какие потенциальные факторы не могут быть селекторами аргументов. Например, во всех статьях можно было бы рассмотреть позицию аргумента по отношению к предикату при базовом порядке слов или способы маркирования аргументов номинализаций.

Еще одной проблемой, в которой отдают себе отчет редакторы тома, является сопоставимость обобщенных семантических ролей (ср. известную дискуссионную статью об этой проблеме [Haspelmath 2011]). Так, например, если для автора вводной статьи сущности А и Р реферируют к более агентивному и более пациентивному участнику двухместного предиката, то другие авторы (ср. статью Э. Когхилл, с. 351) определяют их на основании

конструкций не с любыми двухместными предикатами, а с прототипическими глаголами действия со значениями типа ‘убивать’ или ‘ломать’. С другой стороны, Витцлак-Макаревич отмечает, что для некоторых исследовательских вопросов будет полезным исследование аргументов наиболее репрезентативного класса предикатов. Данная терминологическая неоднозначность, по нашему мнению, приводит к проблеме сопоставимости аргументных селекторов (например, селектор, выделяющий класс аргументов {S, A}, во втором понимании не обязательно будет выделять тот же класс аргументов в первом понимании).

В целом научная парадигма, в которой работают издатели, представляет собой весьма перспективное направление. Работа является важным вкладом в исследование стратегий кодирования глагольных аргументов. Ценность сборника состоит скорее не в том, что в нем содержится ранее неизвестные сведения о некоторых языках (хотя в некоторых главах они обнаруживаются), а во вписанности в рассматриваемую парадигму, позволяющую оценить разнообразие селекторов аргументов в языках мира. Монография также будет полезной для исследователей, которых интересуют конкретные селекторы аргументов, в особенности те, которые в меньшей степени изучены кросслингвистически. Несмотря на естественную ограниченность выборки языков объемом тома, читатель может увидеть, что некоторые селекторы аргументов ведут себя вполне предсказуемо. Так, например, если в языке есть падежное маркирование, то оно естественным образом будет селектором аргументов.

Также заслуживающим внимания представляется вопрос о том, разбивают ли в конкретном языке аргументные селекторы аргументы на классы разным образом или нет (ср. иерархию в [Bickel 2011: 36]). Теоретическая позиция редакторов тома состоит в том, что каждый селектор аргументов может выделять абсолютно разные классы аргументов, тогда как такие традиционные термины, как «расщепленная эргативность» (в отличие от просто эргативности) или «секундативный язык» имплицитно ожидают некоторой корреляции между параметрами, которые определяют стратегии кодирования глагольных актантов. Данные, проанализированные в томе, демонстрируют существование как тех языков, в которых селекторы достаточно последовательно выделяют один и тот же класс аргументов, так и тех, в которых разные селекторы делят аргументы на разные классы. Кроме того, перспективными представляются дальнейшие исследования аргументных селекторов в конкретных языках, в частности, выяснение того, насколько они схожи в генетически родственных или ареально близких языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Bickel 2011 — Bickel B. Grammatical relations typology. *The Oxford handbook of language typology*. Song J. J. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010, 399–444.
- Bickel, Witzlack-Makarevich 2013 — Bickel B., Witzlack-Makarevich A. Towards a questionnaire on grammatical relations: A project bridging between typology and field linguistics. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, 2: 124–134.
- Bickel et al. 2015 — Bickel B., Witzlack-Makarevich A., Zakharko T. Typological evidence against universal effects of referential scales on case alignment. *Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective*. Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A. L., Richards M. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2015, 7–43.
- Croft 2001 — Croft W. *Radical Construction Grammar: Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
- Falk 2006 — Falk Y. N. *Subjects and Universal Grammar: An explanatory theory*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
- Haspelmath 2011 — Haspelmath M. On S, A, P, T, and R as comparative concepts for alignment typology. *Linguistic Typology*, 2011, 15: 535–567.
- Witzlack-Makarevich 2010 — Witzlack-Makarevich A. *Typological variation in grammatical relations*. Ph.D diss. Univ. of Leipzig, 2010.

[Рец. на: / Review of:] **J. Feuillet. *Linguistique comparée des langues slaves*. Paris: Institut d'études slaves, 2018. 726 p. ISBN 978-2-7204-0555-6.**

Яна Андреевна Пенькова

Yana A. Penkova

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, Россия; amoena@inbox.ru

Vinogradov Russian Language Institute, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia; amoena@
inbox.ru

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.3.149-160

Сравнительная грамматика славянских языков, написанная на французском языке, — читая эту фразу, каждый славист в первую очередь подумает о выдающемся французском лингвисте Андре Вайане. Составленная им многотомная сравнительная грамматика славянских языков [Vaillant 1950–1977], безусловно, является одним из лучших достижений своего времени в области славистики, не утратившим значения и в современную эпоху. Однако со времени публикации первого тома этой грамматики прошло уже 70 лет, а последний том в серии через несколько лет отметит свое пятидесятилетие. С тех пор многое в лингвистике изменилось, кроме того, стал другим и язык описания. Во французской славистике назрела необходимость создания новой сравнительной грамматики, которая была бы подготовлена с опорой на новейшие достижения в изучении славянских языков и их истории и которая была бы написана языком современной науки. Прежде всего, существенного пересмотра требует раздел, посвященный синтаксису.

На роль обновленной сравнительной грамматики славянских языков во французской славистике претендует опубликованная в 2018 г. однотомная семисотстраничная монография, автором которой является балканист и болгарист Жак Фёйе (ср. также [Feuillet 2012]).

Не ставя перед собой задачи превзойти своего великого предшественника, он существенно перерабатывает материал, связанный с фонологией и синтаксисом, и добавляет отсутствующий у А. Вайана раздел, посвященный лексике. Центральную, структурообразующую роль в построении книги занимает именно синтаксис. В этом состоит главная отличительная особенность рецензируемой сравнительной грамматики. Кроме того, автор решает пожертвовать подробным рассмотрением вопросов сравнительно-исторического характера в пользу дополнительного пространства для сопоставления современных славянских языков. Не случайно в названии своей книги он заменяет более традиционное название *Grammaire comparée* ‘сравнительная грамматика’ на более современный вариант *Linguistique comparée*.

Сравнительная грамматика Вайана, безусловно, не является единственной в данном жанре. Наряду с классическими трудами, созданными еще в XIX — начале XX в., а также отечественными грамматиками середины XX в. (см., например, фонетический очерк [Бернштейн 1961] и описание чередований и именных основ в [Бернштейн 1974]), известны и современные англоязычные описания конца XX — начала XXI в., среди которых, прежде всего, необходимо назвать работы [Comrie, Corbett 1993] и [Sussex, Cubberley 2006]. Тем не менее Ж. Фёйе ориентируется преимущественно на труд своего соотечественника, тогда как другие сравнительные грамматики, в том числе и современные автору, на страницах рецензируемого труда почти не упоминаются.

Посмотрим, насколько Ж. Фёйе удалось реализовать поставленную задачу — предложить сравнительную грамматику славянских языков с опорой на современные концепции в лингвистике. Попытаемся также определить место этой сравнительной грамматики в ряду других. При этом в настоящей рецензии нас будет интересовать полезность книги для российского читателя-слависта.

Рецензируемая монография опубликована в мягкой обложке, на которой изображена карта. На ней разными цветами обозначены ареалы распространения славянских языков: верхне- и нижнелужицкого, чешского, словацкого, польского, кашубского, словенского, кайкавского (кайкавского наречия сербохорватского языка), чакавского (чакавского наречия сербохорватского языка), сербохорватского штокавского, сербского (!), македонского, болгарского, русинского, белорусского, украинского и русского языков. Вызывает некоторое удивление то, что помещенная на обложку карта не вполне соответствует тому, как описываются языки в самой книге. Так, русинский язык и его особенности вовсе не рассматриваются в монографии, диалектные различия между кайкавским, чакавским и штокавским наречиями сербохорватского языка регулярно не описываются, а в книге используется унифицированная аббревиатура «BCMS» — «боснийско-хорватско-черногорско-сербский». Славянские микроязыки в монографии не упоминаются, хотя на карте, представленной на обложке, территория распространения молиско-славянского языка в итальянской провинции Молизе отмечена — как анклав сербохорватского штокавского.

Книга состоит из введения, 20 глав, списка литературы, указателей и оглавления:

0. Введение (Introduction),
 1. Индоевропейские и славянские языки (Indo-européen et slave),
 2. Система вокализма (Système vocalique),
 3. Система консонантизма (Système consonantique),
 4. Явления суперсегментного уровня (Phénomènes suprasegmentaux),
 5. Структура предикативной единицы (Structure de l'unité verbale),
 6. Глагольная морфология (Morphologie verbale),
 7. Глагольная система (Système verbale),
 8. Структура именной группы (Structure de l'unité nominale),
 9. Именная морфология (Morphologie nominale),
 10. Детерминанты (Déterminants),
 11. Глагольные группы (Groupes verbaux),
 12. Именные группы (Groupes nominaux),
 13. Пронаминальные группы (Groupes pronominaux),
 14. Адъективные группы (Groupes adjectivaux),
 15. Адвербиальные группы (Groupes adverbiaux),
 16. Числительные (Numéraux),
 17. Маркеры высказывания (Marquants d'énonciation),
 18. Коннекторы (Joncteurs),
 19. Словообразование (Formation des mots),
 20. Формирование лексического состава (Formation lexicque),
- Библиография (Bibliographie),
Указатель терминов и слов на латинице (Index latin),
Указатель старославянских слов (Index vieux-slave),
Указатель слов на кириллице (Index cyrillique),
Оглавление (Table des matières).

Во введении (с. 9–13) помещен краткий очерк о том, как зарождалось и формировалось сравнительно-историческое языкознание в целом и сравнительно-историческое изучение славянских языков в частности. Автор упоминает классические работы Франца Миклошича [Miklosich 1852–1875] и Вацлава Вондрака [Vondrák 1906–1908], однако главным источником информации, к которому регулярно обращается Ж. Фёйе, служит пятитомная сравнительная грамматика славянских языков А. Вайана [Vaillant 1950–1977]. Современные описания, в том числе и кембриджское издание [Sussex, Cubberley 2006] лишь вскользь упоминаются. Автор рецензируемого труда объясняет это тем, что его книга ориентирована на более глубокий анализ вопросов, связанных с морфосинтаксисом, что отражено в трудах непосредственных предшественников весьма поверхностно.

Вслед за введением помещаются список сокращений (с. 14) и таблицы со славянскими алфавитами и системой транслитерации (с. 15–28). Алфавиты снабжаются кратким комментарием, иллюстрирующим сходства и различия между близкими графико-орфографическими системами. К сожалению, в самих таблицах и в комментариях к ним встретились ошибки. Так, в комментарии к алфавиту, используемому в белорусском языке, содержатся противоречащие друг другу утверждения. Сначала читателю сообщается, что «в белорусском [алфавите] отсутствуют следующие буквы (*“le biélorusse ne possède pas les lettres suivantes”*): Ё ё, ѣ, ы, Э э» (с. 19). А несколькими строками ниже символ «ы» все же реабилитируется, «il possède ы pour noter [i]» (с. 19). Все перечисленные буквы, за исключением «ѣ», присутствуют на своих алфавитных позициях в белорусской азбуке, так что их появление в перечне отсутствующих букв производит впечатление небрежности, допущенной при копировании аналогичного списка к украинскому алфавиту (с. 18), в котором действительно не используются все указанные графемы.

Первая глава (с. 29–48) предлагает краткий обзор индоевропейских языков (по одному-два абзаца на каждый), здесь также обсуждаются концепции балто-славянской общности / балто-славянского праязыка и предлагаются аргументы сторонников того или иного подхода. В качестве основных доказательств, опровергающих тезис о едином балто-славянском праязыке, приводятся в основном аргументы А. Мейе, тогда как ни альтернативная гипотеза О. Н. Трубачева [2003] о языковом союзе, ни предлагаемые им свидетельства в пользу этой гипотезы вовсе не упоминаются.

Далее следует краткий обзор славянских языков с указанием времени появления письменности и ключевых фигур в создании литературных языков. В этом обзоре под одной рубрикой описываются болгарский и македонский языки (ср. неоднократно используемое в работе словосочетание *«l’aire bulgaro-macédonienne»*), а также чешский и словацкий. Несмотря на то что автор не отказывает македонскому и словацкому в статусе самостоятельных языков, такое объединение первого с болгарским, а второго с чешским в самом начале книги представляется не совсем уместным по причинам не лингвистическим, которых мы не будем касаться на страницах этой рецензии.

Начиная со второй главы каждый раздел построен по общей схеме: 1) ситуация в праславянском и/или в старославянском языке, 2) общее направление эволюции той или иной категории, затрагивающее все славянские языки, 3) описание индивидуальных особенностей современных славянских идиомов.

Вторая и третья главы (с. 49–76 и с. 77–105) посвящены системам вокализма и консонантизма. Несмотря на то что именно эти области сравнительной грамматики славянских языков изучены наиболее хорошо, в рецензируемом труде они описаны не слишком подробно, о чем автор предупреждает еще во введении. Так, раздел об эволюции фонемы ⟨ѣ⟩ в славянских языках предваряется сообщением о том, что в старославянском языке эта фонема была нижнего подъема (с. 65). Однако такой информации явно недостаточно для обсуждения дальнейшей судьбы ⟨ѣ⟩ в славянских языках, поскольку такого качества она была только в болгаро-македонских говорах. У неискушенного читателя при дальнейшем чтении закономерно возникнет вопрос о том, как могло произойти, что фонема ⟨ѣ⟩, к примеру, в украинском языке и в некоторых сербохорватских говорах перешла в ⟨і⟩. При обсуждении эволюции сочетаний с плавными (сочетания типа *слъза* и *кръвь*) не упоминаются особые рефлексы белорусского и украинского языков (с. 66–68). Однако совсем необъяснимым выглядит полное отсутствие данных о древненовгородском диалекте [Зализняк 2004]. Основные результаты одного из наиболее значительных открытий в палеославистике последних десятилетий прошлого века, существенно обновляющего те данные, которыми в середине двадцатого столетия мог располагать А. Вайан, необходимо было хотя бы коротко включить в описание, предоставив читателям доступ к актуальной информации о состоянии палеославистики.

Существенным недостатком как этого раздела в частности, так и всей книги в целом является то, что автор приводит крайне мало ссылок на другие исследования, не предлагая

читателю хотя бы краткий перечень основной литературы по теме. К примеру, в монографии такой масштабный многолетний проект, как «Общеславянский лингвистический атлас», ни разу даже не упоминается. Список библиографии предельно скуп и занимает всего пять страниц (с. 697–701), что представляется явно недостаточным для труда такого масштаба. С другой стороны, все примеры из славянских языков, в том числе и из языков, использующих кириллицу, даны без транслитерации, что, как кажется, может существенно усложнить восприятие для читателя — не слависта.

В примерах ко второй-третьей главам, к сожалению, содержится некоторое количество опечаток и ошибок. На с. 78 в качестве славянского соответствия PIE *sēk- по необъяснимым причинам приводится глагол *ковати*; на с. 81 в перечне форм глаголов 2 л. ед. ч. допущена опечатка в форме *печеши*, которая выглядит как неисправленная ошибка, возникшая в результате компьютерного распознавания старославянского текста при помощи FineReader, ср.: *речеши, печеши, съечеши*. На с. 89 в форме В. п. мн. ч. имени существительного *доуша* в старославянском языке указана неверная флексия:

«-ы est remplacé par -и: acc. pl. *равы, mais доуши*».

Форма *доуши* в старославянском языке может быть только формой Д. или М. п. ед. ч., тогда как В. п. мн. ч. имеет окончание -а: *доуша*. Более того, регулярным соответствием «-ы» ⟨y⟩ в мягком варианте именного склонения является, конечно, не «-и» ⟨i⟩, а «-а» ⟨e⟩.

Четвертая — очень небольшая по объему (с. 107–118) — глава посвящена суперсегментной фонетике. В этой главе рассматривается ударение, тон и фонологическое противопоставление по долготе-краткости в славянских языках. К сожалению, достижения в области восточнославянской акцентологии (например, [Зализняк 2010]), принципиально важные для изучения языков с подвижным ударением, эволюционирующим от парадигматической системы к категориальной, никак не учитываются.

Начиная с пятой главы и почти до самого конца преимущественным принципом организации описания становится синтаксис. Это выделяет рецензируемую сравнительную грамматику на фоне других, устроенных более традиционно. Глава 5 (с. 119–146) посвящена структуре предикативной единицы. Здесь обсуждаются особенности вопросительных и отрицательных клауз, модальность, согласование во фразе, пассивные и безличные конструкции, а также порядок слов. Не имея возможности подробно комментировать содержание этой главы, отмечу только, что некоторые подразделы чересчур схематичны и малоинформативны. Так, в разделе, посвященном модальности, отсутствуют ссылки на специальную литературу по теме: монография Б. Ханзена о модальности в славянских языках [Hansen 2001] даже не упоминается. Кроме того, в разделах подобного рода, касающихся явлений грамматикализации, было бы весьма полезно сопровождать показатели той или иной модальности (или любые другие показатели) информацией об их происхождении / архетипическом значении. Так, на с. 123 необходимо было бы указать на немецкое происхождение чешского / польского глаголов *musit / musieć*, добавив к ним также укр. *мусити*. Комментария об архетипическом значении требуют также сербохорватский / словенский глаголы *mórati / mōrati* и болгарский / македонский глаголы *искам / сакам* 'искать > хотеть'.

Пятая глава также содержит несколько опечаток: на с. 122 болг. *трява* и *трявало* следует исправить на *трябва* и *трябвало*; на с. 124 в цитате «*Ариева ѿады глаголаѡ*», по-видимому, предполагается форма имперфекта глагола *хж(?)*; на с. 127 русск. *сделаавшися* необходимо исправить на *сделавшийся*.

В шестой (с. 147–199) и седьмой (с. 201–249) главах обсуждаются глагольная морфология и глагольные грамматические категории. В первой части шестой главы подробно рассматривается эволюция формальных глагольных классов в славянских языках, во второй части — различные структурные типы аориста и их судьба, в третьей — остальные глагольные формы. Эти разделы, в которых приводятся все необходимые парадигмы глагольного словоизменения, могли бы быть весьма полезным справочным материалом как

по старославянскому, так и для сопоставления современных славянских языков. Однако именно здесь встречается наибольшее количество опечаток, в том числе и таких фантастических, в которых узнать какое-либо славянское слово едва ли представляется возможным, что существенно портит впечатление от в целом последовательного описания. Приведем некоторые примеры:

- С. 155: ст.-сл. *лнати* (2 раза) вместо правильного *лнати*;
- С. 158: ст.-сл. *изказити* вместо правильного *исказити* с ассимиляцией по глухости/звонкости;
- С. 159: в п. 1.2.5.2 вместо заявленного в подзаголовке ст.-сл. глагола *късмь* спрягается *дамь*;
- С. 161: укр. *ссарти* вместо правильного *ссати*;
- С. 168: у чешского глагола *myt* в форме 1 л. ед. ч. вместо формы *myji* (-*ju*) следовало бы указать форму *myji* (-*ju*); на этой же странице необходимо исправить формы инфинитива у чешских глаголов: *mlčet* вместо *mlčeti*, *být* вместо *býti* и т. д.;
- С. 173: в парадигме спряжения болгарского глагола *купувам* в форме 1 л. мн. ч. вместо *купувам* должна быть форма *купуваме*;
- С. 179: у форм ст.-сл. аориста 1 л. дв. ч. указано окончание -хѣѣ вместо правильного хѣѣ;
- С. 184: пропущена буква *в* в формах ст.-сл. глагола *въздвигнѣти* (*въздигнѣти* и т. п.);
- С. 184: приведена ошибочная ст.-сл. форма *въплиамъ* ‘clamons!’ — очевидно, вместо правильного *въплиамъ*;
- С. 193: вместо ст.-сл. формы 1 л. дв. ч. *късѣѣ* читается *късѣѣ*;

Формы какого глагола имел в виду автор на с. 195, мне так и не удалось догадаться: очевидно, что никакого *ъшти*, *ъшаахъ* в старославянском языке совершенно невозможно себе представить.

Эти и многие другие опечатки, долгим списком которых автору этого очерка не хотелось бы утомлять читателя, очень напоминают ошибки, которые были допущены при распознавании славянских форм программой FineReader. К сожалению, в дальнейшем текст до конца не был подвергнут тщательной корректуре.

В последние десятилетия в славистике отмечается всплеск интереса к семантике грамматических категорий глагола: появляются новые исследования о глагольном виде, перфекте и связанных с ним формах, пересматривающие многие традиционные представления об этих категориях. В связи с этим ожидалось, что новые подходы найдут отражение в седьмой главе рецензируемого труда, посвященной грамматическим категориям глагола. Примерно за год до публикации рецензируемой сравнительной грамматики вышла статья В. А. Плунгяна и А. Ю. Урманчиевой [2017], пересматривающая семантику старославянского перфекта и ставящая под вопрос казавшиеся очевидными пути грамматикализации перфекта как категории в целом. К сожалению, в рецензируемую монографию этот материал не успел попасть. Однако совсем никакого оправдания нельзя найти автору, не включившему в раздел о глагольных категориях материалы о славянском плюсквам-перфекте из монографии [Сичинава 2013] или, к примеру, новые дискурсивные подходы к эвиденциальности в славянских языках Балкан, сформулированные в [Макарцев 2013]; новейшая «Грамматика болгарского языка» Р. Ницоловой [2008], которая представила особую концепцию гипернаклонений в современном болгарском языке, также ни разу даже не упоминается.

Восьмая и девятая главы посвящены структуре именной группы и морфологии имени существительного. Восьмая глава, занимающая всего несколько страничек (с. 251–257), описывает порядок слов в сочетаниях имя + детерминант, имя + атрибут и имя + адноминимальное дополнение. В девятой главе (с. 259–322) подробно рассматриваются особенности именной морфологии начиная с праславянской эпохи и заканчивая современным состоянием; приводятся подробные парадигмы, отмечаются архаизмы и инновации славянских языков, взаимодействие между падежными формами и типами склонений, перегруппировка типов субстантивного склонения. В целом глава позволяет получить хорошее представление как о ситуации в праславянском и старославянском, так и о направлениях дальнейшей эволюции славянских языков.

Однако и эта глава не лишена недостатков и досадных опечаток. Приведем лишь некоторые. На с. 286, 288, 302, 308 присутствуют опечатки в парадигмах склонений имен существительных. На с. 263 приведены неверные формы вокатива от ст.-сл. существительных *отѣць* и *старѣць*: *отѣце*, *старѣце* вместо правильных форм *отѣче*, *старѣче*. В перечислении ст.-сл. существительных м. р. склонения на **i* обнаруживается несуществующее слово *бѣгѣцѣ* – очевидно, ошибочно, вместо *бѣгѣцѣнъ*, хотя и последнее было бы в данном перечне неуместным, поскольку не относится к данному типу склонения. На с. 275 вместо правильного написания ст.-сл. *ѣтры* находим ошибочное *ѣтры*. Автор также заблуждается, ставя у ст.-сл. слова *кры* ‘кровь’ астериск (с. 276), т. е. полагая, что форма Им. п. не зафиксирована в рукописях и может быть только реконструирована: последняя, однако, известна с того времени, как на Синае были обнаружены листы Синайской псалтыри [Birnbau, Schaecken 1997: 147]. Применительно к русскому языку (с. 281), в котором у достаточно большой группы имен существительных второго склонения и некоторых имен существительных третьего склонения в единственном числе возможны две формы локатива (ср. *держатъ на свету* [**свете*] vs. *отражатъся в свете* [**свету*]), следовало бы говорить не о варьировании форм одного падежа, а о двух разных падежах и различной падежной семантике (о возможных семантических объяснениях выбора той или иной формы см. [Плунгян 2002]).

Десятая глава (с. 323–350) посвящена кванторным словам и квантификаторам: определенному артиклю в болгарском и македонском языках и различным типам местоимений (указательным, вопросительным, притяжательным, неопределенным, универсальным) в функции кванторов или квантификаторов. Описание местоимений, которые не употребляются в данной функции, продолжается в главе 13 (с. 439–453). Здесь рассматриваются личные и анафорические местоимения и некоторые другие, не имеющие соответствий среди детерминантов, и описываются особенности их употребления.

Кванторные единицы в сравнительных грамматиках до сих пор не получали полноценного описания в рамках отдельной главы, и такое решение автора, безусловно, относится к достоинствам обсуждаемого труда. Это описание может послужить материалом как для сопоставительного анализа славянских языков, так и для типологических исследований в данной области.

В главах 10 и 13 автору также не удалось избежать ошибок: на с. 329 в парадигме ст.-сл. указательного местоимения *си* в В. п. ед. ч. указана неверная форма *снѣ* вместо *снѣѣ*, на с. 330 в форме В. п. ед. ч. ж. р. русск. местоимения *та* приведена просторечно-диалектная форма *тую* вместо литературной *ту*. На с. 345 ошибки в парадигме блр. и укр. местоимений *увесь* и *весь*: формы женского рода указаны в столбцах для мужского и среднего в В. п. ед. ч. На с. 439, 441, 443, 450 также встречаются опечатки в парадигмах. На с. 335 сказано, что местоимение *кѣи* ‘*lequel*’ в большинстве славянских языков было вытеснено местоимением *который*, однако по крайней мере для восточнославянских языков известно, что местоимение *который* вытесняло именно древнее относительное местоимение *иже* [Подтергер 2020]. О ст.-сл. местоимении *ѣтеръ* сообщается, что оно склонно к употреблению в определенных старославянских памятниках, однако можно было бы выразиться более точно, указав, что *ѣтеръ* в значении неопределенного местоимения было отличительной

чертой именно кирилло-мефодиевского языка и в восточноболгарских текстах регулярно заменялось на *нѣкъи* [Пичхадзе 2011–2012]. Вопреки указанному на с. 341, едва ли местоимения *один* и *какой-то* в современном русском языке можно называть синонимами: первое употребляется, прежде всего, как слабоопределенное, второе же — как референтное неопределенное местоимение [Падучева 1985]. В целом раздел, посвященный неопределенным местоимениям (с. 339–342), очень краток и составлен с существенным уклоном в сторону болгарского материала.

Глава 11 (с. 351–389) описывает подчинительные конструкции финитного глагола, выполняющие функции актанта или сирконстанта, а также подчинение, характерное для нефинитных форм: инфинитива, супина и причастий; подробно рассматриваются семантика и функции различных подчинительных союзов. В главе 12 (с. 391–438) описываются синтаксические функции именных групп и падежная семантика. Данные разделы существенно расширены в сравнении, к примеру, с соответствующими частями грамматики [Sussex, Cubberley 2006], что также можно отнести к достоинствам рецензируемой книги.

В подразделе, в котором обсуждаются конструкции с союзом *да*, вводящим дополнение у *verba voluntatis* (п. 1.2 на с. 354), сообщается, что в восточнославянских языках союз *да* был утрачен, однако корректнее было бы говорить в целом про искусственный характер конструкций с церковнославянизмом *да* в восточнославянском письменном узусе. В обсуждаемом разделе, описывая некоторые конструкции в старославянском языке, автор говорит о влиянии греческого синтаксиса (ср., например, с. 358: «à l'imitation du grec...»), однако делает это непоследовательно, хотя данная информация важна для понимания того, как в дальнейшем развивался синтаксис прежде всего южно- и восточнославянских языков, испытывавших существенное влияние синтаксиса греческого. Так, на с. 375–376, 383 упоминается конструкция *яко* + инфинитив в консекутивном употреблении, которая представляет собой кальку греческой конструкции *ὥστε* + инфинитив; ориентацией на греческий образец объясняются бессубъектные употребления типа *пишетъ* (ср. *γράφεται*) в медиопассивном значении ‘пишется, говорится’ (с. 392) и др.

Приведем также список некоторых замеченных опечаток (слева от тире авторский вариант, справа — исправленная форма): с. 365: ст.-сл. *възвѣститъ* — *възвѣститѣ*, с. 366: ст.-сл. *прѣвѣдаже* — *прѣвѣе* даже, с. 371: ст.-сл. *не покнетъ са* — *не потъкнетъ са*, с. 380: ст.-сл. *ни самому мзною въсему миру възвѣстити пишемыхъ кзнихъ* — *мзнихъ*, с. 382: ст.-сл. *мышлаахъ како бы възвести — мыслаахъ(?)*, с. 408: чеш. *knika* — *kniha*, с. 412: ст.-сл. *неправдѣ* — *неправда*, с. 418: ст.-сл. *Паула* — *Павла*, с. 431: ст.-сл. и *нѣмь образомъ* — *нѣмь образомъ*, с. 436: польск. *dzię kuje* — *dziękuje* и др.

Глава 14 (с. 455–483) посвящена описанию адъективных групп: подробнее всего описываются типы флексий имен прилагательных — как с формальной, так и с функциональной точки зрения, а также эволюция соотношения именных (неопределенных) и членных (определенных) форм имен прилагательных, формообразование и структурно-семантическая эволюция форм сравнительной степени, формирование новых, в том числе аналитических форм последней (к сожалению, без указания на влияние других европейских языков в образовании таковой), а также словоизменение причастий и различные предложно-падежные формы у зависимых адъективной группы.

Некоторые из замеченных опечаток: ошибки в парадигмах на с. 460, 461, 467 (чеш. *otcovho* — *otcoveho*), 472, 480, а также другие опечатки на с. 470: ст.-сл. *саадъкъ*, *сааджи* — *саадъкъ*, *сааджи*, с. 471: ст.-сл. *слабъ*, *слабѣи* — *слабъ*, *слабѣи*, с. 482 ст.-сл. *дѣствынъ* — *дѣствынъ* и др.

В главе 15 (с. 485–518) рассматриваются обстоятельства (адвербиальные группы): их структурные особенности и семантические типы (пространственные, временные, образа действия, модальные и модификаторы). Представлена очень подробная семантическая классификация, отсутствующая в других сравнительных грамматиках, что является одним из достоинств данной монографии. Так, среди наречий с пространственным значением выделяются локативы, директивы, аблативы и перлативы, хотя последний тип для славянских

языков мало характерен (ср., соответственно, ст.-сл. *жтрѣ, възжтрѣ, изжтри, жтрыжду* на с. 488); на эту классификацию накладывается и другая — лексико-семантическая: отдельно описываются разряды вопросительных, указательных наречий, наречий, называющих направление или место относительно ориентира или оси координат (русс. *вперед* — *позади* и т. п.) и др. Кроме того, очень удачным решением этой главы стало то, что примеры из разных славянских языков помещаются рядом в одной таблице. Это делает очень удобным сопоставление разных славянских систем и наглядно демонстрирует, где проходит граница между языками, использующими сходные и различные стратегии.

Укажем также на некоторые недостатки и опечатки в примерах. В раздел «чуть было не» — «*presque*» (с. 514–515) следовало бы добавить русск. частицы *чуть было не* и *было*, последняя подробно описана в [Сичинава 2013: 204–295]. Русск. частицы *де, дескать* и *мол*, вопреки указанному на с. 511, выражают не столько “*réservé sur l’assertion*” (‘дистанцию по отношению к утверждаемому’), сколько переинтерпретацию, переосмысление, неточное воспроизведение чужой речи или мнения [Плунгян 2008], поэтому их не следовало бы объединять в одну рубрику с частицами, имеющими значение ‘якобы’. Некоторые замеченные опечатки: с. 490: ст.-сл. *никогдаже* — *никогдаже*, с. 493: блр. *заўтра* — *заўтра*, с. 500: русск. *наземь* — *наземь*, с. 501: блр. *рабеларуску* — *на-беларуску*, с. 508: русск. *естественно* — *естественно*, с. 515: ст.-сл. *зело* — *зѣло*.

Глава 16 (с. 519–545) посвящена морфологическим, лексико-семантическим и синтаксическим особенностям числительных. Единственным упущением данного раздела является отсутствие информации о характере и эволюции сочетаний со словом *полъ* ‘половина’, ставших в славянских языках источником конструкций для обозначения времени (ср. русск. *полвторого*, чеш. *půl druhé*), а в восточнославянских языках — также источником числительного русск. *полтора*, блр. *паўтара*, укр. *півтора*. Примечательно, что другие славянские языки используют в этом случае другую стратегию — сочинительную конструкцию ‘один и половина’ (ср. чеш. *jeden a půl*).

Некоторые замеченные опечатки: с. 522: блр. *адзін* — *адзін*, с. 525: польск. *ztery* — *cztery*, с. 527: чеш. *tiřnáct* и *těrnáct* — *třináct* и *čtrnáct*, с. 528: русск. *шестьдесят* и *семьдесят* — *шестьдесят* и *семьдесят*, с. 532: польск. *woje* — *dwoje*, с. 543: ст.-сл. *пръвоѣ* и *пръвьѣ* — *пръвоѣ* и *пръвьѣ*, с. 544: русск. *в-третьих* — *в-третьих*, с. 544: ст.-сл. *вътоприцеѣ* — *въторицеѣ*, с. 544: болг. *двукратно* — *двукратно*, с. 544: русск. *дважды* — *дважды*; повтор одного и того же абзаца на с. 543 и с. 544.

Глава 17 (с. 547–557) посвящена описанию различных маркеров высказывания: частиц и других средств выражения вопроса, восклицания, желания, предположения, а также различных экспрессивно-дискурсивных частиц. Это относительно новая малоизученная область лингвистики, до сих пор никогда не становившаяся предметом описания в таких традиционных жанрах, как сравнительная грамматика. Сопоставление дискурсивных маркеров в славянских языках само по себе может быть отдельной сложной проблемой. Безусловно, автор не претендует на полноту своего описания, однако данный раздел, в особенности — п. 2 этой главы (с. 554–557), посвященный экспрессивно-дискурсивным частицам, содержит материал только одного языка — болгарского, как если бы он был частью не сравнительной грамматики славянских языков, а грамматики болгарского языка. Вопросительные частицы описываются на более широком материале славянских языков, однако чувствуется нехватка информации о происхождении частиц. Такие данные в некоторых случаях все-таки приводятся, однако, скорее, как исключение.

В главе 18 (с. 559–571) идет речь о явлениях близкого порядка — коннекторах (союзах и других показателях связи). Данный раздел также впервые выделяется в качестве отдельной рубрики в составе сравнительной грамматики славянских языков. Глава невелика по объему и представляет собой фактически опыт классификации единиц такого рода, сопровождаемой примерами из славянских языков. Автор выделяет коннекторы, соединяющие, членящие высказывание на части и вводящие комментарий, сопровождая описание выборочными примерами из некоторых славянских языков. Полноценное сопоставление

всех славянских идиом на данном этапе не осуществляется. Приведем также несколько замеченных опечаток: с. 565: ст.-сл. Юденска — Юденска, с. 567: польск. *dieci chodżyły do szkody* — *dzieci chodżyły do szkoły*.

Глава 19 (с. 573–654) — классический раздел сравнительной грамматики, посвященный словообразованию. Этот раздел содержит три больших подраздела, в которых в составе разных частей речи описываются префиксальные, суффиксальные образования и композиты. Другие способы словообразования не обсуждаются. Глава изобилует списками примеров на каждый аффикс, так что выбор сделан в пользу иллюстрирующего материала, а не полноты описания различных способов деривации. Кроме того, акцент в монографии сделан на явлениях, которые подробно не описаны в грамматике А. Вайана. Одним из таких сюжетов является превербация. Этому явлению посвящен весь первый пункт 19 главы (с. 573–590). Еще одной особенностью подхода к описанию славянского словообразования в рецензируемой книге является совмещение собственно словообразования и морфологии. Так, автор не разделяет словообразовательный аффикс и следующую за ним флексию, объединяя их в единый формант, ср.: ст.-сл. суффиксы -овати (с. 593), -ица, -ька (с. 606–607) и т. д.

К недостаткам главы можно отнести отсутствие указания на границы морфем в приводимых автором примерах. Это сделано только для одного ст.-сл. слова *мрък-нж-ти* (с. 595) — очевидно, по чистой случайности, однако именно такую стратегию подачи примеров правильно было бы выбрать для всей главы, посвященной словообразованию. Не со всеми решениями автора можно согласиться. Так, едва ли следует рассматривать ст.-сл. глагол *омочити* в одном ряду с перфективными образованиями от деноминативов, такими как *оженити* или *оправдати* (с. 581). Глава 19 также содержит множество опечаток в примерах: на с. 575 в контексте оппозиции ‘подниматься/опускаться’ автор, очевидно, имел в виду не ст.-сл. *възвєсти*, а *възвєсти*, на с. 589: *залить лекарство* — *запить лекарство*, на с. 589: польск. *ratykać* — *zatykać*, на с. 591: ст.-сл. (на)зърати — (на)зирати и многое другое.

Последняя 20 глава (с. 655–696) посвящена формированию лексического состава славянских языков. Этот раздел отсутствует в грамматике А. Вайана, однако перед нами не первый опыт подобных описаний в сравнительных грамматиках славянских языков. Так, раздел, посвященный лексике, включен и в монографию [Sussex, Cubberley 2006]. При этом Ж. Фёйе предпочитает несколько сузить угол зрения в сравнении с кембриджским изданием и сосредоточиться только на описании заимствований в славянских языках в различные исторические эпохи, начиная с праславянского периода и вплоть до современного состояния.

В данной главе описываются лексика периода балто-славянского союза, заимствования из иранских и германских языков, ранние тюркизмы и грецизмы; далее описываются латинизмы и итальянизмы; субстратная лексика неясного происхождения, общая для балканских языков, заимствования из румынского и албанского языков. Далее следует большой раздел, посвященный тюркизмам, появившимся в славянских языках в период турецкого завоевания; затем — взаимное влияние лексики славянских языков друг на друга. Завершается описание подразделом о влиянии венгерского и других западноевропейских языков. Почти каждый из разделов содержит также тематическую стратификацию лексики. Так, для грецизмов выделяются заимствования христианской терминологии, лексика из области политики, административная и военная лексика, лексика сферы культуры, бытовая, лексика из сферы природы и др. Предваряя описание грецизмов, автор сетует на недостаток исследований в данной области и ссылается на работу [Филипова-Байрова 1969] как на единственный возможный источник, совершенно забывая, например, о «Греко-славянских этюдах» М. Фасмера [1906–1909] и некоторых других более поздних работах этого же исследователя, посвященных грецизмам в славянских языках. В разделе о взаимном влиянии славянских языков отсутствует информация о чешских заимствованиях в польском языке и о мощном польском влиянии на лексику восточнославянских языков, которое изучено очень хорошо [Kochman 1967; Sobik 1969; Witkowski 1999], о значительной роли

польского языка как языка-посредника, источника многих заимствований из западноевропейских языков и латыни в восточнославянские языки, а также о рутенском влиянии на среднерусский язык [Золтан 2014]. Так, русск. лексема *ярмарка*, помещенная автором среди германизмов (с. 691), на самом деле заимствована русским языком не напрямую из немецкого, а через польское посредство [Фасмер 1987: 561].

В самом конце рецензируемого издания вслед за библиографией (с. 697–701) помещены индексы-указатели на латинице (с. 703–704) и кириллице (с. 709), а также старославянский индекс. Они имеют предельно выборочный характер (указатели на латинице и кириллице занимают всего по одной странице каждый, старославянский индекс — три с половиной страницы: с. 705–708), а принцип отбора слов и терминов, помещенных в этих сверхкратких указателях, неясен. Старославянский указатель содержит опечатки: с. 706: *овьца* — *овыца*, и (*ѡордоннант*) — и (*oordonnant*), а также совсем загадочная комбинация на с. 707 «*съ ѣ двѣч ѿѣ*», в которой угадывается французский предлог *avec*, переведенный в кириллический шрифт.

Таким образом, настоящий обзор показывает, что рецензируемая книга действительно занимает свою особую нишу в ряду сравнительных грамматик славянских языков. Акцент сделан именно на подробное и последовательное описание синтаксиса славянских языков, и этим данная сравнительная грамматика отличается от своих предшественниц. Кроме того, монография включает новые разделы, описывающие коннекторы и различные дискурсивные маркеры. Все это может послужить материалом для дальнейших сопоставительно-типологических исследований и внутригенетической типологии славянских языков. Раздел, описывающий лексику, также отличается от подобных описаний в других грамматиках, поскольку сконцентрирован исключительно на лексических заимствованиях и снабжен большим количеством примеров. Особый подход представлен и в главе, посвященной словообразованию.

С другой стороны, многие достижения славистики последних лет и даже десятилетий так и не нашли отражения в книге, поэтому едва ли можно рекомендовать монографию славистам, свободно читающим на славянских и других европейских языках. Гораздо более полное представление по многим вопросам они смогут получить, обратившись к специальной литературе по интересующей теме. В данной монографии также не стоит искать социолингвистической информации и данных о диалектах славянских языков.

Кроме того, к большому сожалению, книга не прошла удовлетворительной редакции и корректуры и в примерах на славянских языках изобилует ошибками и опечатками, далеко не все из которых отмечены в данной рецензии, поэтому лингвисту — не слависту использовать данные из книги можно только в случае их тщательной проверки по другим источникам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бернштейн 1961 — Бернштейн С. Б. *Сравнительная грамматика славянских языков*. М.: Наука, 1961. [Bernshtein S. B. *Sravnitel'naya grammatika slavyanskikh yazykov* [Comparative grammar of Slavic languages]. Moscow: Nauka, 1961.]
- Бернштейн 1974 — Бернштейн С. Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы*. М.: Наука, 1974. [Bernshtein S. B. *Ocherk sravnitel'noi grammatiki slavyanskikh yazykov: Cheredovaniya. Imennye osnovy* [A sketch of comparative grammar of Slavic languages: Alternations, nominal stems]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Зализняк 2010 — Зализняк А. А. *Труды по акцентологии*. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2010. [Zaliznyak A. A. *Trudy po aktsentologii* [Studies in accentology]. Vol. 1. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2010.]

- Золтан 2014 — Золтан А. *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. М.: Индрик, 2014. [Zoltan A. *Interslavica. Issledovaniya po mezhslavyanskim yazykovym i kul'turnym kontaktam* [Interslavica. Studies in inter-Slavic language and cultural contacts]. Moscow: Indrik, 2014.]
- Макарцев 2013 — Макарцев М. М. *Эвиденциальность в пространстве балканского текста*. СПб.: Нестор-История, 2013. [Makartsev M. M. *Evidentsial'nost' v prostranstve balkanskogo teksta* [Evidentiality in the space of Balkan text]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013.]
- Ницолова 2008 — Ницолова Р. *Българска граматика. Морфология*. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008. [Nicolova R. *Bălgarska gramatika. Morfologija* [Bulgarian grammar. Morphology]. Sofia: Sofia Univ. Press, 2008.]
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. *Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений*. М.: Наука, 1985. [Paducheva E. V. *Ukazivanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost' yu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii* [Utterance and its relationship with reality: Referential aspects of semantics of pronouns]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Пичхадзе 2011–2012 — Пичхадзе А. А. Слав. *етерь*: к вопросу о группировке древнеславянских памятников. [Pichkhadze A. A. Slavic *eterъ*: On grouping of Old Slavic manuscripts.] *Scrinium: Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History*. 7–8. *Ars Christiana: In memoriam Michail F. Murianov*. Part II. Krivko R., Lourié B., Orlov A. (eds.). Piscataway (NJ): Gorgias Press, 2011–2012, 219–236.
- Плунгян 2002 — Плунгян В. А. К семантике русского локатива («второго предложного» падежа). *Семиотика и информатика*, 2002, 37: 229–254. [Plungian V. A. Towards the semantics of Russian locative (second prepositional) case. *Semiotika i informatika*, 2002, 37: 229–254.]
- Плунгян 2008 — Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недоверности в русском языке: ‘мол’, ‘якобы’ и другие. [Plungian V. A. On the markers of reported speech and unreliability in Russian: *mol*, *yakoby*, and others.] *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. (Wiener Slawistischer Almanach, 72.) Wiemer B., Plungian V. (Hrsg.). München: Sagner, 2008, 285–311.
- Плунгян, Урманчиева 2017 — Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. Перфект в старославянском: был ли он результативным? [Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. Perfect in Old Slavic: Was it resultative?] *Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies*, 2017, 6(2): 13–56.
- Подтергера 2020 — Подтергера И. С. Относительные предложения в русско-церковнославянском переводе «латинских» книг Геннадиевской библии (на примере 1-ой книги Паралипоменон). *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2020, 23(1): 240–278. [Podtergera I. S. Relative clauses in Russian — Church Slavonic translation of the “Latin” books of Gennady’s Bible, on the example of the First Chronicles book. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2020, 23(1): 240–278.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. М.: Аст-Пресс Книга, 2013. [Sitchinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [Typology of pluperfect. Slavic pluperfect.] Moscow: Ast-Press Kniga, 2013.]
- Трубачев 2003 — Трубачев О. Н. *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. М.: Наука, 2003. [Trubachev O. N. *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and culture of earliest Slavs. Linguistic studies]. Moscow: Nauka, 2003.]
- Фасмер 1906–1909 — Фасмер М. Р. *Греко-славянские этюды*. В 3 т. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1906–1909. [Vasmer M. R. *Greko-slavyanskije etudy* [Greek-Slavic studies]. In 3 vols. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press, 1906–1909.]
- Фасмер 1987 — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Т. 4. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987. [Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian]. In 4 vols. Vol. 4. Translation and additions by O. N. Trubachev. 2nd edn. Moscow: Progress, 1987.]
- Филипова-Байрова 1969 — Филипова-Байрова М. *Гръцки заемки в съвременния български език*. София: БАН, 1969. [Filipova-Bajrova M. *Grăcki zaemki v săvremennija bălgarski ezik* [Greek loanwords in modern Bulgarian]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 1969.]
- Birnbaum, Schaeken 1997 — Birnbaum H., Schaeken J. *Das altkirchenslavische Wort: Bildung — Bedeutung — Herleitung*. (Altkirchenslavische Studien, 1.) München: Sagner, 1997.
- Comrie, Corbett 1993 — Comrie B., Corbett G. (eds.). *The Slavonic languages*. London: Routledge, 1993.
- Feuillet 2012 — Feuillet J. *Linguistique comparée des langues balkaniques*. Paris: Institut d'études slaves, 2012.

- Hansen 2001 — Hansen B. *Das Modalauxiliar im Slavischen. Grammatikalisierung und Semantik im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen*. (Slavo-linguistica, 2.) München: Otto Sagner, 2001.
- Kochman 1967 — Kochman S. *Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku*. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1967.
- Miklosich 1852–1875 — Miklosich F. *Vergleichende Grammatik der Slawischen Sprachen*. 4 Bände. Wien: Braunmüller, 1852–1875.
- Sobik 1969 — Sobik M.-E. *Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts*. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1969.
- Sussex, Cubberley 2006 — Sussex R., Cubberley P. *The Slavic languages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
- Vaillant 1950–1977 — Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves*. T. I: Phonétique. Lyon; Paris: I.A.C., 1950. T. II: Morphologie. Lyon; Paris: I.A.C., 1958. T. III: Le verbe. Paris: Klincksieck, 1966. T. IV: La formation des noms. Paris: Klincksieck, 1974. T. V: La syntaxe. Paris: Klincksieck, 1977.
- Vondrák 1906–1908 — Vondrák W. *Vergleichende slavische Grammatik*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1906–1908.
- Witkowski 1999 — Witkowski W. *Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Kraków: Universitas, 1999.

Получено / received 17.11.2020

Принято / accepted 26.01.2021

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 20.05.2021 Формат 70×100^{1/16} Уч.-изд. л. 15,5
Тираж 340 экз. Зак. 4/3а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

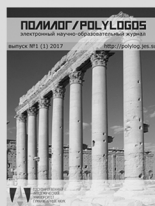
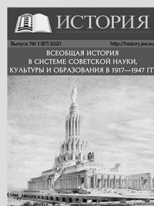
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.